

Глава 1. Гениальная идея

«Интересно, как Его светлости удастся превращать все гениальные идеи в катастрофы?» - думал Гастон Ла-Пьер, держась руками и ногами за ветку векового дерева. - «Может, эту самую светлость при рождении подменили? А как еще объяснить непроходимую тупость и фатальную невезучесть? У остального-то герцогского семейства и с разумом, и с удачей полный порядок».

Гастон понимал, что думать так о лучшем друге, по меньшей мере, некрасиво. Тем более, если упомянутый друг висит на соседней ветке, а та угрожающе трещит. Однако размышлять по-доброму не получалось. Ну, совсем.

- Ох, светлость-светлость... - проворчал Гастон, прислушиваясь к треску.

Вот и сейчас герцогскому отпрыску не повезло. Угораздило схватиться за ветку потоньше. И это при его-то весе!

- Помогите!

Нет, кричал не светлость. Он только подозрительно кряхтел. Вопил седовласый дьяк, который несся по двору, подхватив полы балахона. Босые ноги отчаянно шлепали по лужам, оставшимся после вчерашнего ливня. Следом, грозно цокая копытами, мчалось... ОНО и бухтело под нос:

- Я вам покажу свадьбу! Получите вы у меня первую брачную ночь!

Следом летела белоснежная фата, прицепившаяся к рогу.

- Спасите! - не унимался дьяк, хотя было яснее ясного, что приходить на помощь некому.

Все слуги попрятались, кто куда мог. А зачинщики конца света в отдельно взятом замке ретировались на дерево и слезать не собирались. По крайней мере, не собирался Гастон. От светлости решение вряд ли зависело. Приходилось верить в милость ветки.

В прыти и скорости дьяк основательно уступал рогатому чудищу. Мгновение, и худосочный старик взлетел в воздух, перекувыркнулся, сверкнув босыми пятками, и приземлился в ров. Чудище мельком глянуло, как тот сидит с выпученными глазами по шею в грязной воде, и потеряло к жертве интерес. Нехорошо прищурилось на дерево, где висели Гастон со светлостью.

- Она же не... - начал молодой герцог, окончательно перетрусив.

- Угу, - подтвердил Гастон ужасную догадку, наблюдая, как чудовище в фате опускает рогатую голову, прицеливаясь.

БУМ!

Содрогнулось всё вокруг. И замок подпрыгнул. А дерево, тем более.

- Попалась! - радостно провозгласил светлость.

Гастон изумленно глянул вниз. Ну, черти лесные! А ведь правда, попалась! Рог противницы застрял в стволе. Насколько крепко, отсюда не скажешь. Но рьяные попытки освободиться успеха не приносили.

- Так тебе! - припечатал светлость.

- Не спеши радоваться, - пробубнило чудище внизу, молотя себя хвостом по бокам. - У меня еще копыта есть. Будешь слезать, дотянусь, не сомневайся.

Веселья у светлости сразу поубавилось. Он глянул на Гастона, мол, как спасаться будем? Увы, у того закончились гениальные идеи. В голове поселилась унылая пустота. Никакого просвета. Ни намека!

- Думай! - приказал светлость. - Ты нас в это втянул!

Угу, вот так всегда. Как заслуги приписывать, так герцогский отпрыск в первых рядах, а как отдуваться, так кто-то другой виноват. А ведь на аркане никто не тянул. Даже уговаривать на авантюру не пришлось.

- Думаю, - проворчал Гастон.

Но мысли (то бишь, мысли путные) не шли. Да и времени не осталось.

БУМ! БУМ!

Дерево качнулось. Освободившееся чудище плюхнулось на пятую точку. И не оно одно. Вниз, аки сочный плод, шлепнулся и светлость. Подвела не ветка, а собственные вспотевшие ладони.

- Ага! – обрадовалась рогатая нечисть. – Ну что, женишок, готов идти к алтарю?

- ГАСТОН! – завопил светлость, прикрывая белобрысую голову руками.

Лучший друг, всё еще висящий на дереве, закатил глаза. Вот, напасть! Черти лесные и болотные! Таки придется спускаться и вмешиваться в разборки жениха с невестой. Покалечится светлость, герцог-отец три шкуры сдерет. И с Гастона, и со всего его семейства. А ведь всё так неплохо начиналось...

Сутки назад

- Скучно... - протянул Его светлость герцог Себастьян Винзур, оттолкнув блюдо со спелой вишней. – Гастон, придумай что-нибудь.

С развлечениями в Алманской глуши, и правда, было туго. Кругом леса, в которых запрещено охотиться под страхом смертной казни. Не дайте боги, подстрелишь волшебную животинку, быть войне с лесным народом. Они все поголовно маги, поди победи. А из цивилизации здесь десятка полтора ветшающих замков, в которых живут одни старики или зануды-философы. Светлость с Гастоном пробовали к таким в гости наведаться пару раз, но зареклись. Тоска зеленая.

- Может, на реку?

- Холодно.

- Из лука по мишеням пострелять?

- Позавчера стреляли.

- Тогда спектакль организуем. Слуги будут актерами.

- Сдурел? Тут сплошные деревенщины. Двух слов связать не могут. А ты – актеры!

Гастон закатил глаза. Что ни предложи, всё не так. А кто виноват, что застряли тут до скончания времен? Уж точно не он. Вот, черти лесные! Именно вечность понадобится герцогу-отцу, чтобы остыть после очередной выходки младшего (четвертого по счету) сына. Не надо было скакать по родовым хоромам в столице на коне, да еще в чем мать родила. Ну и подумаешь, что prospорил старшему брату. Тот – хитрец, каких поискать, вечно всех обводит вокруг пальца.

Ладно бы еще глава семьи отпрыска в одиночестве сослал. Так нет, и лучшего дружка за компанию отправил из шумной столицы. Посчитал, что без его участия галоп с голым задом не обошелся. Хотя в тот раз Гастон, впрямь, был ни сном, ни духом, иначе б отговорил неразумную светлость от позора. Сидели бы сейчас в трактире или флиртовали с красавицами, прогуливающимися парами вдоль канала.

- Вот бы клад найти, - принялся, тем временем, мечтать светлость. – Чтоб от папеньки не зависеть. Купил бы себе собственный замок и гулял бы весь день, не зная забот.

- Зачем клад, Ваша светлость? - подал голос камердинер герцога Арнольд. – Жениться вам надо. На невесте с хорошим приданым. Тогда и замок появится, и деньги на гулянье.

Гастон хмыкнул, а светлость задумчиво почесал лоб.

- А что? Я могу.

- Чего можешь?

- Жениться. Да хоть завтра. Лишь бы приданое выделили. Только где взять-то подходящую невесту? Кто ж ее такую богатую отдаст за меня – четвертого сына? Все ж почести, как всегда, братьям, а я вечно не у дел.

Гастон подавил тяжкий вздох. Ну, началось. Светлость больше всего на свете обожал три вещи: бездельничать, бедокурить и жаловаться на старших братьев. Последнего лучший друг никогда не понимал. Ну и пусть четвертый сын. Зато родился не у кого-нибудь, а у герцога. Он вон третий отпрыск дворцового и служанки. И не ноет, хотя это, как ни крути, гораздо обиднее.

Впрочем, Гастон не считал себя неудачником. Он уже обманул судьбу. Отец давным-давно решил, что старшего сына отправит служить, среднего – обучаться ремеслу, к какому пригоден, а младшего

- в монахи. С двумя первыми отпрысками всё сложилось, как и планировал суровый родитель, а с Гастоном не задалось. А всё потому, что тот еще ребенком умудрился попасть в лучшие друзья Себастьяну Винзуру.

«Какие еще монахи?!» - возмутился герцог-отец, прослышав о решении дворецкого. - «Никуда он не поедет! Пусть за моим дурнем присматривает».

Так Гастон избежал участи, которой страшился с раннего детства. Это он-то монах? Нет, не создан он для смирения и молитв. С его-то характером от любого монастыря за неделю руины останутся. И пусть светлость из раза в раз втягивает в неприятности, Гастона радовала их сумасбродная, но в целом беззаботная до недавнего времени жизнь. Теперь-то она, конечно, не столь веселая, как дома. Ссылка, есть ссылка. Однако всё лучше унылого монастырского существования.

- Так, может, на спрятанной в красном замке девице жениться? - вновь подал голос Арнольд. - Говорят, ее отец богач, каких поискать. Побогаче вашего батюшки будет.

- На ком? - спросили светлость с Гастоном в один голос.

О красном замке они слышали. И даже видели издалека. Но не приближались. Поговаривали, там держали опасную магическую живность, способную проглотить любого в один присест. А вот о спрятанной девице ни разу речи не велось.

- Лучше конюха позовите, - посоветовал Арнольд. - Он больше меня знает.

Они позвали. Интересно же, что там за секретность.

Конюх хоть и оказался здоровенным крепким детиной, но ступешался перед герцогским отпрыском, потупил взгляд.

- Дык это... того... - промямлил он, переминаясь с ноги на ногу.

- Говори уже! - рассердился светлость, изнывая от любопытства.

- Жена моя ее видела. Девицу ту. Не я, - затараторил конюх взволнованно. - К ней того... лекаря вызывали. А жена моя у него в помощницах ходит. Девице ножку лечить понадобилось. Подвернула.

- Девица-то хоть хороша собой? - спросил светлость с сомнением. Известие о травме потенциальной невесты поумерило пыл.

- А то! Жена сказала: волосы, как лён, а глаза, как утреннее небо. Потому ее и прячут. Служанка поведала по секрету, что женихов - тьма. Вот папенька богатый и сослал дочку подальше, пока не выберет самого подходящего. Она, бедняжка, теперь томится взаперти. Мечтает о суженом.

Светлость приуныл, услышав о толпе соперников, а Гастон махнул конюху, чтоб шел восвояси. Всё, что надо, они услышали.

- Бесполезно свататься, - изрек светлость печально. - Меня не выберут.

- А зачем свататься, - бросил Гастон, не подумав. - Давай украдем. По древнему закону, если девицу похитить, можно смело жениться. Никто слова не скажет. Тем более, папенька. Иначе ей позор до конца дней.

Сказал, а сердце ёкнуло. Накрыло нехорошее предчувствие. Гастон собрался, было, раскритиковать собственную затею, но светлость уже ухватился за нее.

- Гениально! - воскликнул он, вскакивая. - Идем на дело сегодня же ночью. У тебя же осталось *то средство*?

- Угу. Только мы берегли его на крайний случай.

- Так это и есть крайний, - заверил светлость и рванул отсыпаться перед вылазкой.

Гастон же постучал себя по лбу. И кто за язык тянул?

Перед вылазкой Гастон разыскал жену конюха Сару - блондинку крепкого телосложения. Под стать супругу.

- В какой части красного замка спальня девицы?

- А вам зачем? - Сара нехорошо прищурилась, уперев руки в бока.

- Герцог Себастьян хочет серенаду спеть.

- Угу, а заодно и польку сплясать. За дуру меня держите?

- Поговори у меня, - рассердился Гастон. - Лучше на вопросы отвечай, если не хочешь искать новую работу. Его светлость мечтает жениться, а ты помогать отказываешься.

На розовощеком лице Сары отразилось волнение, и Гастон продолжил давить:

- Где спальня? Говори!

- А я почему знаю! Нас в темноте по коридорам вели. Ночью ж дело было!

- Почему ночью?

- Так девица поздно вечером ножку нежную подвернула. Не до утра ж ей было мучиться. Вот и послали за лекарем. Мы приехали, а она аж зеленая от боли. Девица, в смысле. А нога синяя-пресиняя. Знатно покалечилась. Но лекарь у нас - голова! Компресс сделал и мазь выдал с травами, что мы у лесного народа покупаем.

Гастон махнул рукой, не желая слушать о лекарских методах.

- Лучше скажи, охраны в замке много?

- Человек десять, - поведала Сара после секундного раздумья. - Но они все того... побитые. И пришибленные малость. У одного синяк под глазом, у другого голова перевязана, третий хромает. Не замок, а лазарет. Я спрашивала служанку, в чем там дело, но она вздохнула тяжело.

- Может, девица заставляет охрану турниры устраивать, - пробормотал Гастон, успокаивая сам себя. Затея нравилась всё меньше и меньше. - Скучно же день за днем сидеть одной. У светлости вон я есть, и то он от тоски изнывает.

- Может, и турнир, - пожалала плечами Сара. - Во дворе у них всё перевернуто, да и в самом замке много мебели сломанной, будто нечисть порезвилась. Но не в этом беда. Глаза охранников мне не понравились. Там все чем-то напуганы. Господин Гастон, пусть Его светлость выбросит из головы девицу. Отговорите.

- Обязательно, - пообещал тот.

А сам выругался про себя. Отговоришь его, как же!

...К ночи начался дождь. Нет, самый настоящий ливень. По окнам текли потоки воды, двор превратился в небольшое озеро. Но светлость сие не напугало. Гастон предпочел не спорить. По опыту знал - бесполезно. Коли втемяшится что-то в дурную голову, не спихнешь. Лучше прикинуться немым и следовать рядом, больше пользы получится.

- Может, конюха с собой возьмем? - предложил Гастон. - Он парень крепкий. Подсобит, ежели что-то пойдет не так.

- Исключено. Вдруг он законопослушный. Испортит всю малину.

Гастон приуныл. Значит, опять всю грязную работу придется делать ему. Светлость предпочитает командовать, а не пачкать руки. Оно и понятно, не герцогское дело лазать по стенам и похищать невест. Впрочем, Гастон надеялся, что обойдется без этого самого лазанья. Для успеха предприятия должно хватить упомянутого средства. Жаль его тратить. Осталось-то всего ничего. Но приказ, есть приказ.

В кое-то веке ехали в молчании. Светлость любил поболтать по дороге, порассуждать о несправедливости жизни, но когда сверху льет, будто из прорехи, особо не общаешься. Хорошо хоть плащи с водоотталкивающими чарами с собой в глушь привезли. Пригодились. Кони месили дорожную грязь копытами, а Гастон продумывал план «операции». Он не видел иного варианта, как идти напролом - через главные ворота.

Красный замок располагался на отшибе. Странно, что его называли красным. Видать, для красоты. Сам-то замок из бордового камня, верхушки башен зеленые, а стена вокруг темно-серая. Издалека заметны на ней и магические черные звезды, призванные охранять от смельчаков (или глупцов), рискнувших вскарабкаться наверх. Похоже, прав Арнольд, и папенька девицы богач. Стоят такие звезды целое состояние. Даже старший герцог Винзур подобного себе не позволяет. Ни здесь, ни даже в столице.

Впрочем, звезды на стене Гастона не слишком беспокоили. У него другой путь в замок. И средство имеется для этого самого пути. Редкое средство, выигранное в карты у могущественной ведьмы. Его

неразлучные приятели проверили неоднократно и пока не пожалели. Однако, раз есть звезды, могут поджидать и другие ловушки. Убить-то вряд ли убьют (незванных гостей предпочитают брать живыми), но это не отменяет проблемы. Стоит попасться, отвечать за проникновение придется при всей строгости закона.

Светлость думал о том же. Неспособность мыслить глобально не мешала ему заботиться о сохранности шкуры.

- Внутрь войдешь один, - велел он, когда до замка оставался последний поворот. - Я снаружи подожду. Вместе с лошадьми.

- Угу, - согласился Гастон.

А что еще оставалось? Да и без неуклюжего приятеля сподручнее. Что-что, а собирать углы светлость умеет, как никто другой.

Остановились за деревьями, чтобы никто не заметил из окон. Несмотря на поздний час, замок не спал, свет горел почти везде. Но это и к лучшему. Шарахаться в темноте гораздо опаснее, велик риск наткнуться на препятствие. Да и поди найди спальню девицы, когда самого себя не разглядишь. Светлость остался сидеть на коне, Гастон спешился и достал пузырек с заветным средством – сизой мутной жидкостью. Побрызгал на себя и вздохнул с облегчением: на самом дне осталось ещё чуть-чуть, как раз хватит на девицу.

- Сработало! – в очередной раз восхитился действием средства светлость.

Это означало, что Гастон превратился в невидимку. Аж на целый час.

- Не подведи, удача воровская, - прошептал он слова напутствия самому себе.

У ворот телом овладела несвойственная робость, колени того гляди подогнутся. Одно дело – бедокурить в герцогском замке, зная, что худшим наказанием будет сидение с неделю взаперти. И совсем другое – похищать невест. Вдруг ее папенька не наследство отвалит, а захочет смыть позор кровью. А кто окажется виновником? Уж точно не светлость. Он-то под деревьями ждет, в чужие замки не проникает.

- Без паники, - велел себе Гастон.

Раз согласился действовать, отступать нельзя. Если не достать девицу, светлость обидится. Может даже из друзей погнать. А там и до отправки в монастырь недалеко. Нет уж! Лучше слыть разбойником, чем монахом.

Гастон постучал в ворота. Громко и требовательно.

- Кто там? – послышался недовольный голос.

- Из столицы я. С важным письмом.

- Ох, принесла нелегкая, - посокрушались внутри, но засовы лязгнули, открывая путь к вожденной «добыче».

Гастон сориентировался мгновенно. Юркнул мимо бородатого охранника, пока тот вглядывался в темноту сквозь потоки дождя.

- Эй, ты где? – спросил он зловещим шепотом.

- Почему ворота нараспашку? – возмутился еще кто-то из охраны, торопясь туда, где обнаружился беспорядок.

- Дык стучали. Сказали с письмом.

- Каким еще письмом? Ты опять к бутылке прикладывался? Думаешь, не найду на тебя управу?!

- Ни глоточка не сделал, клянусь!

- Так чего тебе мерещится, дурень?

Гастон довольно усмехнулся и поспешил на поиски герцогской невесты.

Сара не преуменьшала. Во дворе господствовал погром, словно стадо буйволов поплясало. Кругом обломки, то колесо от кареты попадет, то половина скамейки, то и вовсе неопознанный кусок дерева, и не поймешь, чем был раньше. На крыльце под козырьком дежурил еще один бородач. Покрупнее предыдущего и с синяком под глазом. А, может, и не дежурил, а прятался от дождя.

- Ты почему тут торчишь?

Из замка вышла полная женщина в пышном красном платье, расшитом золотыми нитями.

- Разве тебе не полагается охранять леди Лизетту?

- Дык она меня это... прочь погнала, - охранник приложил руки к груди, мол, не извольте сердиться.
- Ну, я и подчинился. Настроение-то у нее сегодня грозное.

- То днем было, - возразила дама. - А сейчас уже ночь.

- Так завтра новый день. Она ж это... отыграется.

- Где ты ее оставил?

- В беседке. С западной стороны. Сказала, хочет свежим воздухом насладиться. В одиночестве. В дождь, видите ли, пахнет по-особому.

Дама вздохнула и махнула рукой.

- Ладно, пусть «наслаждается». Но через четверть часа отведи ее внутрь. Простынет, хлопот не оберемся.

Гастон едва не подпрыгнул от радости. Вот это удача! Девушка одна, и в ближайшие пятнадцать минут ее никто не хватится!

Вперед! На западную сторону! И поскорее!

Ноги скользили по размокшей глине, но губы расплывались в довольной улыбке.

Лизетта, значит. Вот и познакомимся, невеста.

Глава 2. Девичьи заботы

- Уйди! Просто уйди!
- Лизетта, успокойся. Понимаю, день был трудный.
- Тебе бы такой день!
- Так твоими стараниями он и у остальных не задался.
- А никто не заставлял лезть!

Девушка восемнадцати лет от роду, известная миру, как Лизетта Бельтрами, повалилась на кровать и уткнулась лицом в подушку. Ее воспитательница и по совместительству компаньонка Виолетта Глайд немного постояла рядом, глядя, как подрагивают хрупкие плечи, тяжело вздохнула и покинула спальню. По опыту знала: успокаивать подопечную бесполезно, в одиночестве она придет в себя быстрее.

Однако на этот раз облегчение не спешило приходить. Слезы текли по девичьим щекам потоками. Обида на весь свет затмевала разум. Кулачки отчаянно молотили по постели. Ну что за напасть! Не жизнь, а насмешка. А всё маменька с папенькой виноваты! Причем, больше маменька. Раз дала согласие в юности выйти замуж за внука потомственной ведьмы, следовало держать обещание. Ну и подумаешь, что любви не было. Отдуваться-то теперь не ей, а Лизетте-затворнице.

Эту историю девушка Бельтрами узнала, когда подросла. В раннем детстве ей говорили, что дело в магическом недуге, который она подхватила в младенчестве. Мол, заразил дите гость заморский, что к папеньке по делам приезжал. Ан нет! Вранье всё это от первого до последнего слова! Родители не хотели, чтобы дочь узнала истину, страшились реакции. А она у Лизетты о-го-го какая случается. Такая, что всем вокруг тяжело становится. Вон охранники вечно покалеченные ходят.

А дело было так. Маменька, пока ходила в невестах, повстречала Лизеттино папеньку. Вспыхнула страсть, столь сумасшедшая, что жених нареченный и раньше нелюбимый совсем опостылел. Маменька не придумала ничего лучше, как сбежать накануне свадьбы и сочетаться браком с другим, пока никто не остановил. Скандала удалось избежать. Папенька-то гораздо влиятельнее и богаче прежнего жениха. Раз решил жениться на чужой невесте, значит, так оно и надо. Никто и упрекнуть не посмел.

Увы, с таким исходом не согласилась бабка брошенного парня - та самая потомственная ведьма. Категорически не согласилась. Переписать историю и расторгнуть законный брак даже ей не под силу, но она придумала иной способ отомстить. Явилась под чужой личиной в замок супругов, проникла в спальню к маменьке. Та уж на сносях была, до Лизеттиного рождения оставалась неделя. Начертила ведьма некий загадочный знак в воздухе и проговорила хрипло:

- Проклинаю твоего первенца. Пусть платит за ваш грех.

Сказала и растворилась в воздухе под громкий хлопок. Будто и не стояла там никогда. Позже ее искали. Но ведьма исчезла. Как и опозоренный внук. До сих пор никто не знает, куда эти двое подевались. Бабка постаралась замести следы. Ни найти, ни наказать, ни заставить всё исправить...

А исправлять было что...

Ох, и переполох поднялся в замке, когда впервые проявилось ведьмовское проклятье. Сначала-то показалось, что всё в порядке. Лизетта родилась ночью. Младенец, как младенец. Розовенький, с белым пушком на голове и небесными глазками. «Красавицей вырастет», - пообещала повитуха. Но едва первые лучи солнца погладили оконные стекла, разразилась катастрофа. Маменьку при виде «дочки-красавицы» чуть удар не хватил, а папенька от горя за считанные часы поседел, словно волосы посыпало свежесвыпавшим снегом.

С тех пор и живет Лизетта затворницей. То в одном конце страны, то в другом. Рядом верная охрана, готовая терпеть ее выходы, и бессменная воспитательница Виолетта, которая и за маменьку, и за папеньку, и за наставницу. Ни подруг, ни выходов в свет, ни развлечений. Нарядов, правда, полно, шкафы ломятся. Но толку-то. Перед кем в них щеголять? Охранникам все равно, как Лизетта выглядит. Лишь бы вела себя сносно.

- Чтоб у тебя самой рога выросли, ведьма, - пробормотала девушка, вставая с кровати.

Она частенько произносила проклятья в адрес мучительницы. Практической пользы это не давало, хотя и приносило некое извращенное удовольствие. Глупо? Ну и пусть! Какой-никакой выплеск эмоций. Всё лучше, чем мебель в щепки разносить.

- Красавица, - усмехнулась Лизетта, глядя в зеркало на припухшие веки.

Да, внешностью ее боги не обидели. Фигура стройная, кожа белая, на щеках легкий природный румянец. А глаза... Как небо. Или озера, в которых запросто утонет любой завидный жених. Только где их взять этих женихов? Кому она нужна такая ненормальная? Родная семья и та сплывала подальше, чтоб никто не узнал о проклятии. Так и придется провести всю жизнь в одиночестве. До самой старости.

Лизетта снова всхлипнула, представив себя дряхлой старухой, сидящей у окна и вглядывающейся в ночь. Ну и жуть!

Да, конечно, можно сбежать. Она пробовала пару раз. И даже удачно. В первые часы. А потом... потом проявлялось проклятье и... Всё выходило боком...

От грустных мыслей отвлек шум. В стекло забарабанил дождь. Лизетта распахнула окно, с восторгом взирая на струи воды, льющиеся с мрачного ночного неба. Она любила такую погоду. В воздухе пахло свежестью, обновлением. Лизетте казалось, что дождь это не слезы, как говорят многие, а способ очистить мир, смыть людские грехи.

- Куда вы, леди Лизетта? - растерялся бородатый охранник, дежуривший у дверей спальни, когда девица выскочила наружу и стрелой пронеслась по коридору.

- Гулять!

- Еще не нагулялись? - не подумав, брякнул он и охнул, прикрывая голову руками.

Еще бы! Лизетта подарила та-а-акой взгляд, что любой, близко знакомый с ее проклятьем, перетрусит. А у бородача и так синяк под глазом.

- Я буду в беседке, - проговорила она строго. - Не смей за мной ходить. Хочу одна посидеть, воздухом свежим подышать. Он в дождь пахнет по-особому.

- Тогда я это... на крыльце подожду, - сориентировался охранник и затрусил следом. Но на безопасном расстоянии.

В первый миг Гастон опешил. Почудилось, что перед ним не девица, а мистическое существо. Она танцевала. Босиком на деревянном полу. Крыша беседки защищала ее от дождя, и все же потоки воды по бокам создавали ощущение волшебства. Лизетта двигалась легко, будто парила в воздухе. Белокурые волосы взметались и вновь рассыпались по плечам, руки напоминали крылья. Она не подозревала, что за ней наблюдают, наслаждалась каждым мгновением танца.

Гастон протер глаза, чтобы избавиться от наваждения. Следовало поспешить. Не ровен час, кто-то подойдет и сорвет похищение. Он достал из кармана еще одну склянку, в которой хранилось сонное зелье. Побрызгал на платок и уверенно шагнул к будущей супруге светлости. А ведь, правда, хороша! Неудивительно, что желающие на руку и сердце в очередь выстраиваются.

- Кто здесь? - неожиданно спросила Лизетта, остановившись.

Гастон изумился. И как услышала? Осторожные шаги заглушал шум дождя.

Она повернулась, но глянула мимо незваного гостя. Ведьмовское средство работало отлично. Однако на лице отразилась крайняя степень озабоченности.

- Отзовись! Немедленно! - приказала, топнув босой ножкой.

«С характером», - подумал Гастон и ринулся в «атаку». Прижал платок ко рту девицы.

Лизетта дернулась, но силенок не хватило, чтобы вырваться из рук парня. Мир поплыл, тело обмякло, превращая затворницу в послушную куклу.

- Отлично, - прошептал Гастон, перекидывая спящую девицу через плечо, и тут же выругался. - Тьфу! Чуть не забыл!

Вот бы получился казус, если б охранники увидели, как вверенная им леди Лизетта плывет по воздуху в бессознательном состоянии. Ну, Гастон-Гастон! Чуть не попал впросак. Одной рукой придерживая пленницу, он снова извлек из кармана средство для невидимости. Последние капли ценной жидкости упали на кремовое платье. Мгновение, и Лизетта растворилась. Но лишь для глаз. Гастон по-прежнему ощущал тяжесть девичьего тела. Ох, главное теперь не уронить красавицу и не схватить за те места, на которые посторонним даже смотреть не полагается.

До ворот добрались без приключений и проволочек. Там дежурил всё тот же бородач, по-прежнему, озадаченный недавним происшествием. Он в панике озирался по сторонам, крепко сжимая дубину.

Видно, иного оружия любителю горячительного не доверили. Гастон улыбнулся и свободной рукой тряхнул перед лицом охранника сонной жидкостью. Тот широко зевнул и по-детски потер глаза. Навалился на забор и съехал вниз, громко захрапав по «дороге».

- Добро пожаловать в новую жизнь, Лизетта, - проговорил Гастон, отпирая засовы.

Вот и всё. Похищение прошло, как по маслу. Легко. Хм. Или слишком легко? А как же закон всемирного равновесия? Тот, в котором говорится, что где-то прибудет, а где-то убудет. А, впрочем, какая печаль? Столкнутся с проблемами, тогда и будут разбираться.

- Я тут, - оповестил Гастон приятеля, добравшись до деревьев.

Светлость нервничал. С пухлых щек полностью сошел румянец. Действовать-то гораздо лучше, чем ждать результата и томиться от нетерпения и волнения.

- Получилось? - спросил он шепотом.

- А то, - Гастон перекинул девицу через седло, а потом вскарабкался на коня сам. - Служанка правду сказала: невеста ваша - красавица. Братья обзавидуются.

Светлость расплылся в счастливой улыбке. Наконец-то он в чем-то их превзошел. Жениться пока собирался лишь старший - Теодор. Точнее, не он собирался, а батюшка женил. На дочке старинного приятеля - толстушке с вечно перекошенным лицом. Младшие потешались над незадачливым женихом (правда, за спиной), а тот ходил мрачнее тучи. Попробовал, было, поскандальить, но батюшка быстро поставил его на место, объяснив, что красавиц всегда можно найти и среди служанок, а жены нужны совершенно для иных целей.

- Надо поскорее жениться, - проговорил светлость, когда красный замок остался позади. - А то вдруг девицу найдут охранники и отнимут. Или батюшка решит отдать ее за Домиана или Ральфа. Они же меня старше. Как думаешь, в этой глуши есть монахи?

Гастона передернуло при упоминании этого слова.

- Зачем тебе монахи? Брак может заключить и обычный дьяк. А благословления монашеского позже попросишь.

- А где дьяка взять?

- Здесь и взять. Арнольд твой только позавчера говорил, что упился в гостях у дьяка. Он в северной стороне живет. Прислали из столицы для исполнения нужды всей округи, чтоб контору тут не держать. Не откажет дьяк герцогскому сыну в услуге, вот увидишь. Мигом примчится.

- Значит, надо, как приедем, за ним послать. Чтоб прямо с утра жениться.

- Вот Арнольда и отправь, - посоветовал Гастон. - Раз они с дьяком теперь закадычные друзья-приятели.

На том и порешили.

К замку подъезжали в отличном настроении. Похищение удалось, ливень прекратился, а чары невидимости закончились. Светлость даже в темноте оценил красоту спящей девицы, которую Гастон аккуратно придерживал, защищая от падения с лошади. На лице жениха отразилось детское воодушевление. Он успокоился и озаботился планами: в какой части столицы лучше купить замок.

Гастон слушал друга и надеялся, что и ему найдется место в новом жилище.

Лизетта открыла глаза и ахнула.

Ничего похожего на ее спальню. Впрочем, как и на любую комнату в красном замке. А их она изучила вдоль и поперек. Все до единой. Когда сидишь взаперти, развлекаешься, как можешь. Нет, это однозначно не дом. В смысле, не очередной временный дом.

Она вскочила с кровати и бросилась к окну. Догадка подтвердилась. Снаружи еще господствовала ночь, и только стареющая луна освещала землю, но глаза, отлично видевшие в темноте, разглядели незнакомый пейзаж. Из красного замка виден лишь лес. Здесь взору предстала и гряда деревьев, и река. Значит, это похищение. Кто-то усыпил и перевез против воли. Точно не свои. Все охранники преданы, и прекрасно знают, что лишатся головы, если подведут подопечную.

Но у кого хватило наглости? И глупости?

Лизетта подошла к двери и изо всех сил толкнула.

Ну, разумеется! Заперто!

Она огляделась. Комната, как комната. Кровать, туалетный столик, диванчик у окна, незажженный в летнюю ночь камин и свечи на нем. Вот и вся обстановка. Защищаться нечем. Даже картины на стене нет, чтобы шарахнуть ею первого, кто войдет. Нет и цветочных горшков, которые можно применять тем же образом. Ладно, не страшно. Луна перемещается на запад, а, значит, до рассвета недалеко. И тогда... тогда похитители горько пожалеют, что связались с девицей Бельтрами.

...Засов лязгнул примерно через полчаса, когда Лизетта совсем приуныла, устав валяться на кровати и глядеть в потолок. Дверь отворилась, и вошли двое. Белобрысый толстяк с глазами чуть на выкате и не шибко умным лицом. Второй выглядел презентабельнее, но впечатления не произвел. Брюнет, как брюнет. Статен, подтянут, но одежда скромная, а физиономия хитрющая. Впрочем, Лизетта быстро выбросила парня из головы, едва поняла, что держит в руках толстяк.

Белое подвенечное платье и фату!

Они это серьезно?! Серьезно?!

- Меня зовут Себастьян Винзур, - начал толстяк, откашлялся и добавил хрипло: - Герцог.

«Да ну?» - чуть не бросила Лизетта, но благоразумно промолчала.

Лучше послушать и прояснить ситуацию. За окном-то уж звезды тают. Недолго этому герцогу тут разглагольствовать осталось.

- Ты моя пленница, - продолжил толстяк. - В смысле, невеста. В смысле, утром мы поженимся. Вот платье. В нем моя матушка замуж выходила. Она это... тут раньше жила. До свадьбы с батюшкой.

Терпение Лизетты (и без того не слишком ангельское) лопнуло. Еще и в чужое платье рядить собрались? Обойдутся!

- А с чего ты решил, что я за тебя пойду? - спросила она ядовито.

Герцог икнул от неожиданности и глянул на брюнета в поисках поддержки.

Тот выступил вперед.

- А у тебя нет выбора. Ты теперь похищена и опозорена. Одна дорога - замуж.

Лизетта зевнула, прикрыв ротик ладонью.

- Опозорена, так опозорена. Всё равно не пойду.

Парни переглянулись. Озадаченно.

- Ты, кажется, не поняла... - начал брюнет, но Лизетта перебила.

- Это вы двое не поняли. Брак в мои планы не входит. А позора я не боюсь.

Похитители снова посмотрели друг на друга. На этот раз в смятении.

- А что на это скажет твой батюшка? - поинтересовался герцог.

- Ничего. У меня только опекун. А он с вас три шкуры спустит.

Кажется, угроза расправы никого не напугала, но Лизетта не расстроилась.

- Думайте, что хотите. Но свадьбы не будет.

- Будет! - заупрямился герцог и швырнул платье с фатой на кровать. - Прекращай паясничать и готовься. И к свадьбе, и... к первой брачной ночи.

Лизетта фыркнула и расхохоталась.

Размечтался! До вечера она его так отделает, что все желания разом иссякнут!

- Я тебе посмеюсь, - пообещал герцог. - Будешь у меня, как шелковая. Я неповиновения не терплю. Подтверди, Гастон.

- Не терпит, - заверил брюнет, но с нотками настороженности в голосе.

- В общем, готовься. Я приду за тобой, как только взойдет солнце.

- Это я за тобой приду, когда взойдет солнце, - пообещала Лизетта сладко.

- Дверь что ли вышибешь?

- Легко. С одного удара.

- Ну-ну, - развеселился герцог, глянув на хрупкую с виду фигуру невесты, и добавил, повернувшись к брюнету: - С характером. Но так интереснее. Буду приручать.

Похитители ушли, а Лизетта потянулась. Кости ломило, что свидетельствовало об окончании ночи. Еще чуть-чуть и девичье тело начнет преображаться, изменяясь на глазах. Нет, физической боли она никогда не чувствовала, хотя хруст всегда стоял невообразимый. В детстве он пугал до крика, и после превращений Лизетта каждый раз горько плакала. После обратного превращения, разумеется. Лить слезы свойственно лишь людям - самым несовершенным существам на свете.

За окном пропел петух, сообщая всем о приближении рассвета.

- Пора, - сказала сама себе Лизетта и поднялась с кровати.

Тело будто окаменело, руки и ноги тяжелели с каждым мгновением, но девица сжала зубы и вышла на середину комнаты. Нужно перетерпеть. Упадешь без сил на пол, дальше будет еще труднее. Стоять. Только стоять! Пальцы задрожали, отчаянно потянулись вниз, плечи заныли от напряжения. Ждать. Просто ждать. Еще минуту.

Обычно Лизетта считала про себя, а иногда и вслух, но сегодня голова отказывалась фиксировать числа. Мысли унеслись в красный замок. Интересно, Виолетта уже связалась с родственниками? Наверняка! У нее есть магические средства. А дома решат, что затворница опять сбежала. Кстати, у семьи есть кристалл, способный отследить ее местоположение. Обзавелись полезной вещичкой после первых двух исчезновений. Но что они предпримут, когда поймут, что «беглянка» в чужом замке? Не штурмом же его возьмут, в самом деле?

По телу прошла судорога, и Лизетта приготовилась. С невероятным трудом подняла руки над головой и, выждав пару секунд, качнулась вперед. А дальше работали инстинкты. Кувырок через голову прямо в воздухе и... приземление на... - вот черти рогатые! - на копыта, которые заскользили по полу под тяжестью туши.

Корова?! Да вы издеваетесь!

Нельзя было сегодня для разнообразия превратиться в кого-то попримечнее? В львицу и лошадь с крыльями? Хотя чему удивляться. В упомянутых двух животных Лизетта оборачивалась всего-то по пару раз. В остальное время везло куда меньше: то корова, то бегемот, то носорог, то слон, то еще что-нибудь не шибко поворотливое. Хотя при данных обстоятельствах, корова лучше бегемота. Она куда резвее.

Лизетта грозно засопела и прищурилась на свадебный наряд, лежащий на кровати. Фыркнула под нос и игриво подцепила рогом фату. Пора развлечься. Хотел герцог невесту? Он ее получит!

Дьяк явился при полном параде: в бирюзовом балахоне и с напыженными волосами.

- Готов женить, - объявил он и икнул.

Друзья легко уловили винный запах, но смолчали. Пьяный, трезвый - какая разница? Главное, представитель закона в наличии. Брак оформлять право имеет.

Впрочем, Гастон бы предпочел, чтобы дьяк задержался. Лучше повременить со свадьбой. Поведение Лизетты встревожило. Разве похищенной девице не полагается заливаться слезами, просить милости и вообще бояться похитителей? Еще как полагается! Почему же эта хихикает? Может, она на голову того... ущербная? Не понимает, в какую беду попала? Вот, черти болотные! Тогда они со светлостью вляпались. Больше, конечно, светлость. Жениться-то теперь по любому придется...

Светлости стоило беспокоиться еще больше. Но он и не думал этого делать.

- Я ей покажу, как надо мной смеяться, - объявил он Гастону, когда дьяк отправился готовиться к обряду бракосочетания. - А то привыкла слугами и гувернантками командовать. Мужем не покомандуешь. Тем более, мужем-герцогом.

- Угу, - пробормотал лучший друг, сиюсь выказать поддержку.

- И вообще...

Что именно хотел добавить светлость, осталось тайной. Закончить фразу помешал грохот. Будто шкаф упал из-под потолка.

- Что это было? – спросил светлость тревожно.

- Кажется, это из спальни девицы, - шепотом оповестил Гастон.

Но как? Не кровать же она в воздух подкинула?

Лизетта же хрупкая, как тростиночка. Как трепетная лань.

БУМ!

От повторного грохота содрогнулись стены и пол, а дверь спальни разлетелась в щепки.

- Ой, мамочка, - простонал светлость.

В коридор вышла... КОРОВА!

Гастон зажмурился и снова посмотрел вперед.

Не привиделось. Ни разу. Самая настоящая корова – мощная, грозная и явно недружелюбная. С налитыми кровью глазами и... в фате!

- Солнце взошло, и я явилась, как обещала, дорогой женишок, - проговорила она весело.

Светлость издал звук, похожий на писк мыши, которой прищемили хвост, и навалился на Гастона.

«*Это сон. Это просто дурной сон*», - попытался убедить себя тот, лежа на полу, придавленный тяжестью лучшего друга.

А по коридору несло угрожающе:

- Ну что, будем свадебку играть?!

Глава 3. Ультиматум

- Лизетта, давай договоримся, - предложил Гастон с дерева.

Девушка, превратившаяся в корову, угрожающе нависла над светлостью. Тот тихонечко поскуливал, попрощавшись если не с жизнью, то с мечтами о личном замке точно. А заодно и с чувством собственного достоинства.

- Раньше надо было договариваться, - огрызнулась Лизетта басом. - До того, как усыпляли и увозили без спросу.

- Так мы тебя вернем.

- Вернете-вернете, никуда не денетесь. Еще и денег дадите, чтобы обратно взяли такое сокровище.

- Гастон! - захныкал светлость. - Убери ее...

Корова фыркнула.

- А как же первая брачная ночь?

Светлость взвыл с перепуга, явно представив в спальне себя и... и... это чудище в фате.

- ГАСТОН!

- Лизетта, послушай! - завопил тот с дерева. - Ну, хоть минуту! Мы ж и так твои пленники. Никуда не сбежим.

Корова задумчиво наклонила голову набок, размышляя.

- И? - она села на землю совершенно не по-коровьи, а, скорее, по-собачьи.

- Мы со светлостью, в смысле, с герцогом Себастьяном, поняли, что опростоволосились, - затараторил Гастон, но, поймав гневный взгляд, добавил: - То есть, осознали, что поступили очень дурно. Давай всё обсудим и...

Корова поднялась и прицелилась рогами в бок светлости.

- Лизетта, просто скажи, чего ты хочешь?!

На морде расцвело мечтательное выражение.

- Хочу... Во-первых, фруктов на завтрак. Во-вторых, прогулку на реку. В-третьих, чтоб женишок мой надел фату и проходил в ней весь день.

- Фрукты и река будут, а вот фата - это уже пере... - начал Гастон, но корова перебила.

- Пусть господин твой выбирает, с чем знакомиться поближе: с фатой или рогами.

- Ладно! - завопил светлость. - Давай фату!

Корова наклонила голову, чтобы герцог снял атрибут свадебного наряда с рога. А Гастон тяжело вздохнул, подумав, что после конной прогулки голышом третье условие невесты - не самый большой позор в жизни лучшего друга.

- Готовьте завтрак, - велела корова и, покачиваясь, зашагала в сторону замка.

- А ты куда? - настороженно поинтересовался Гастон.

- Хоромы ваши исследовать. Может, мне тут понравится, и я вас в красный замок переселю, а сама сюда перееду.

Светлость испуганно крикнул. Угроза напугала до колик. Замок-то - матушкино родовое гнездо. Нельзя меняться. Никак нельзя. И матушка, и батюшка три шкуры спустят. Ссылка раем покажется.

Лизетта веселилась. А что? Чем это всё - не развлечение?

В Алманскую глушь девушку перевезли три месяца назад. С тех пор она сидела взаперти, ни разу не выходя за ворота красного замка. Так было с самого рождения. То один замок, то другой. Подолгу

нигде не задерживались, чтобы внимания затворничеством не привлекать. А потом перебрались в лес. В огромном деревянном доме жили. По соседству с лесным народом. Пока однажды Лизетта в коня с крыльями не превратилась и в окно не вырвалась. Не пришлось по душе лесному народу, что человек в их живность оборачивается. Велели уехать подобию-поздорову.

А жаль. В лесу Лизетте нравилось. Красиво кругом. И гулять по ночам можно. В истинном обличье. Никто б не тронул и пальцем. Целый год так провела: под луной гуляла, под солнцем дрыхла без задних ног, копыт или лап. И сама отдыхала, и свиту не тревожила выходками. Эх, угораздило улететь в тот день. Но что поделаться. Кони – они такие, свободолюбивые. Не то, что коровы бестолковые. Им лишь бы не шевелиться лишний раз и пожевать чего-нибудь вкусенького. Особенно в этом облике Лизетта фрукты любила. Прямо слюни пускала, едва видела грушу или яблоко.

Была еще одна причина, из-за которой девица не хотела покидать лес. Парень из местных. Донат. Сам-то он Лизетту не замечал вовсе. Зачем ему – широкоплечему красавцу с гривой черных волос – человеческая девчонка. Связаться с такой – позор для рода. Зато она все глаза проглядела, отчаянно стараясь увидеть объект обожания хотя бы издали. Умом понимала, что глупо надеяться. Но мечтать-то никто не запрещал. А теперь и мечты растаяли, как сон поутру. Донат остался в лесу. В компании девушек своего роду-племени. А к Лизетте вон другой «жених» прицепился.

Тьфу! Сплошное недоразумение!

...Замок герцога девице не понравился. Старомодный и угрюмый. И запущенный. Пока господа в столице живут, тут не особо стараются следить за порядком. Но Лизетта не показала виду. Деловито заходила в каждую комнату, не обращая внимания, как из-под мебели выныривают слуги и уносятся прочь. Пусть бегут. Ей пока хватит горе-жениха с приятелем. За остальных можно приняться, когда эти двое надоедят.

При спуске с лестницы чуть не приключился казус: треклятые копыта заскользили по ступеням, но опыта превращения в грузных коров хватило, чтобы удержаться.

- Чтоб вас всех, - пробурчала Лизетта под нос, хлопнула себя пару раз хвостом по бокам и зашагала дальше, грезя о завтраке.

«Пленники» не подвели. Приготовили и яблоки, и груши, и даже апельсины заморские. Только все три блюда на стол поставить не удосужились. Расположили на полу.

Лизетта наклонила рогатую голову.

- Мне с пола есть? Кто я, по-вашему?

- Ко-ко-ко... - начал заикаться герцог, но брюнет ткнул его в бок.

Сохранить грозный вид Лизетте удалось с трудом. Уж больно комично женишок выглядел со свадебным атрибутом на голове. Не парень, а вылитая девица-толстушка. Плюшка!

- Приятного аппетита, - пожелал брюнет, перетащив блюда с фруктами на стол.

- А апельсины мне рогами чистить? – поинтересовалась Лизетта с издевкой.

Женишок икнул с перепуга, а брюнет поспешно схватил апельсин и принялся сдирать кожуру, но перестарался: оранжевый сок спелого плода обильно брызнул в лицо.

Лизетта хмыкнула, однако предпочла не придирааться. Уж больно хотелось поскорее приступить к трапезе. Апельсиновый аромат стоял умопомрачительный.

- Так и будете пялиться? – спросила она, подойдя к столу. – Лучше к прогулке готовьтесь. Мы идем на реку.

- Сейчас? – пискнул герцог.

- Как поем. Хотя можем и на завтра перенести. Задержусь у вас, не проблема.

Женишок взвыл и припустился к выходу из обеденного зала. Только фата взметнулась. Брюнет бросился следом, едва в дверной проем вписался. Лизетта радостно фыркнула и взяла с тарелки яблоко. Ртом, чем же еще? Копыта для этого не приспособлены. Да и какая разница? Главное, вкусоптица!

...На реку пошли не сразу. Сначала наевшаяся до отвала Лизетта немного вздремнула. Прямо возле стола. А смысл искать другое место. И без того умаялась. Она слышала, как несколько раз приоткрывалась дверь, и похитители по очереди заглядывали в зал, но не реагировала. До поры до времени. Пока... сами не наравались.

- Думаешь, она живая? - шепотом спросил женишок.

- А то. Гляди, как пузо вздымается.

- Это у твоего светлости пузо, - не выдержала Лизетта. - А у меня отличная фигура.

Похитителей сдуло ветром, а «пленница» продолжила спать. Снился лес и улыбающийся Донат. А еще полет. Мощные крылья рассекали воздух, а поля и деревни проносились внизу с бешеной скоростью. Вот, всегда бы так! Увы, в реальности вечно то корова, то слониха с носом до земли. В смысле, с хоботом. С другой стороны, лучше так, чем мелкий грызун. Мышь или суслика бы никто не испугался...

...На прогулку вышли в самое пекло. После ночного ливня солнце палило нещадно, стараясь высушить все лужи. Но Лизетта не огорчалась. Полной грудью вдыхала запах свободы. А пахла она нынче полевыми цветами. Терпко и сладко. Герцог в фате и брюнет плелись позади. Они хотели взять лошадей, но Лизетта воспротивилась. Еще чего! Она на своих двоих, то бишь, четырех, а они в седле? Непорядок!

Мимо то и дело проходили обитатели деревни, располагавшейся по соседству с замком, и испуганно таранились на герцога и его головной убор. А, опомнившись, шустро уносили ноги от греха. Смеяться, само собой, никто не смел. Всё-таки герцог! Один парень вовсе плюхнулся в лужу, где и остался. Вжал голову в плечи и зажмурился. Сам женишок едва не скрежетал зубами от злости. Лицо покраснелось. И от негодования, и от жары. Пот тек по щекам градом. Но невеста не испытывала ни капли сочувствия. Сам во всем виноват.

- Уууууух!

Завидев реку - прохладную и переливающуюся на солнце - Лизетта припустилась во весь опор. Влетела в воду, подняв сотни брызг. Красота! Так бы и сидела весь день по шею. А впрочем, кто мешает-то? Разве что Виолетта и компания с помощью магического кристалла отыщут. А эти двое ни в жизнь на берег не вытащат. Кстати, о них. Герцог и его помощничек как раз подбегали к реке. В смысле, подбегал помощничек, герцог и летящая следом фата основательно отставали. Не привыкли ноги женишка к марш-броскам, да и подустали знатно за насыщенное утро.

- Лизетта, выходи! - завопил брюнет. - Утонешь! А нам потом отвечать.

- Отстань, - пробурчала та и повернулась к парню филейной частью тела.

- А если она, правда, ко дну пойдет? - спросил герцог, наконец, добравшийся до реки.

- Скорее, ты сам у меня пойдешь рыбам на корм, - пообещала Лизетта сладко.

Похитители тяжело вздохнули и сели на траву в ожидании дальнейших несуразностей.

Однако Лизетта сменила гнев на милость. Наслаждалась купанием, мыча под нос свадебную песенку. Шурилась на солнце и гнала прочь дурные мысли. Да, через несколько часов веселье закончится. Она вернется в красный замок, а единственным развлечением останется погоня за охранниками и слугами. Однако благодаря двум идиотам в ее скучной и унылой жизни состоялось забавное приключение. Надо ловить момент. Поогорчаться еще успеет.

- Я проголодалась, - объявила Лизетта два часа спустя, когда герцог с помощником дремали, навалившись друг на друга.

Брюнет оживился.

- Так давай, мы тебя до дома проводим. В смысле, до замка красного.

- Ишь чего удумал, - усмехнулась Лизетта грозно. - Пусть герцог твой за фруктами сбегает. А ты меня охраняй. Чтоб еще кто-нибудь не украл.

Герцог вскочил и в ужасе посмотрел на помощника, но тот развел руками.

- Беги-беги, пока у меня от голода совсем настроение не испортилось, - посоветовала Лизетта. - А фату снимать не смей! Узнаю, дух рогами и копытами выбью.

Герцог смирился с неизбежным и затрусил прочь, а брюнет, проводив его печальным взглядом, перебрался ближе к воде.

- Лизетта, давай поговорим, а?

- С чего мне вообще с тобой разговаривать? Толстячок - хоть герцог, а ты - простой помощник. Ничего выдающегося.

- Так я тебе в женихи и не набиваюсь. Просто хочу твои дальнейшие планы обсудить.

- Мои дальнейшие планы – не твоего ума дело, помощничек, - отчеканила Лизетта.

Брюнет скривился.

- Меня Гастон зовут. Гастон Ла-Пьер.

- Да мне без разницы. Лучше расскажи, насколько богат твой герцог.

Лизетту не интересовало состояние горе-женишка. Тянуло поиграть на чужих нервах.

- Не особо. Сама ж видела, какой замок обветшавший. К тому же, Его светлость – четвертый сын в семье. И самый нелюбимый. Старшие братья – гораздо плечистей и обаятельней. Выбирай любого.

- Вот еще, - фыркнула Лизетта. – Кто украл, пусть тот и женится. Ты от темы не уходи. Рассказывай подробности о герцогском состоянии.

- Откуда ж мне знать подробности. Я ж не член семьи.

- Оно и видно. А сюда зачем приехали? Что твой герцог в глуши забыл?

- Захотелось пожить на природе, - поспешно объявил брюнет.

Лизетта догадалась, что он соврал. Причина приезда явно не из приятных. Уж не погнали герцога из родного дома? Коли погнали, так и надо паразиту!

- И вообще, хватит вопросы задавать. Лучше сама о себе расскажи.

- Обойдешься.

- Не хочешь? Интересно почему? Может, ты никому даром не нужна? Иначе бы обитатели замка твоего всю округу на уши поставили. С ночи-то! А ведь не ищут. Поди обрадовались, что ты, наконец, исчезла.

Лизетта смерила брюнета снисходительным взглядом и отвернулась. Однако сердечко затрепыхалось. А ведь он прав. Не ищут, хотя с кристаллом давно бы на след напали и потребовали вернуть назад. Но нет, на горизонте до сих пор ни намек на охрану и Виолетту. Странно. Последняя головой отвечает за воспитанницу. Да и охране несдобровать, коли Лизетта в беду попадет.

Уж не наказать ли задумали подопечную? За вздорный нрав?

ТЬфу! С них всех станется.

Лизетта тяжело вздохнула. Может, ну их – эти развлечения? Тем более, сидеть в воде порядком надоело. Пора и честь знать. В смысле, восвояси возвращаться, чтобы напомнить «свите» о своем существовании и отыгаться за медлительность. День уж за половину перевалил. Не успеешь оглянуться, а там и ночь. Это в коровьем обличе Лизетта – грозная противница. А в истинном – та еще вояка. Герцог с помощничком мигом одолеют. И всё припомнят.

Вот только подкрепиться не помешает.

Или подремать?

А лучше и то, и другое.

Она вылезла из воды и растянулась на травке.

- Возьми веточку и мух от меня отгоняй, - велела брюнету.

По его лицу было яснее ясного, что он с радостью бы отлупил хлесткой веточкой саму Лизетту. Однако сжал зубы и выполнил требование. Встал над ее тушкой и принялся махать, как полоумный.

- Меня не задень, - проворчала сонная Лизетта. – А то копытом в лоб получишь.

Сказала и сладко засопела. Гастон выдохнул и сел на траву, но веточку не выбросил. Вдруг чудовищная невеста откроет глаза и увидит, что он наплевал на требование. Мало не покажется. Один удар «толчкового» копытца способен выбить дух. Однако минуты бежали, но Лизетта преспокойно дрыхла. Увы, у Гастона расслабиться не получалось. Светлость-то один-единешенек за коровьим обедом помчался. Мало ли что может случиться по дороге. Он ведь к трудностям не приспособлен.

Вот, черти полосатые! Угораздило же Арнольда про девицу из красного замка заговорить. А он – Гастон – еще и восхитился ею, когда в беседке увидел танцующей. Теперь и намека на прежнее очарование не осталось. Того гляди, захрапит. Да так, что земля задрожит. В голову вдруг пришла безумная, но забавная идея: нарисовать светлость в образе грозного вояки верхом на корове. Или лучше в образе тореадора, что в заморской стране на арене выступают. Там, правда, в соперниках быки ходят. Но и корова сойдет. Особенно поверженная, лежащая кверху копытами.

ТЬФУ!

Гастон раздраженно постучал себя по лбу, вспомнив отцовские наставления относительно художеств. Наставления, нередко переходящие в побои. Рисовать Гастону строжайше запретили в детстве, едва заметили следы краски на рубашке. Видите ли, отцу с матушкой еще до свадьбы гадалка предсказала, что ежели хоть один отпрыск возьмется за кисть или обычный уголек, быть беде. Гастон жутко расстраивался. Ведь рисование было единственным, к чему лежала душа, да и получалось неплохо. Первое время он упрямылся и тайком от отца продолжал заниматься запретным делом, но правда всплывала, а наказания ужесточались. Победа, как водится в семье, осталась за Ла-Пьером-старшим. Третий сын навсегда распрощался с холстами.

Надо же. Столько лет прошло, и вдруг вспомнилось былое увлечение.

Нет, нельзя рисовать. Им со светлостью сейчас только дополнительных бед не хватало...

На этот раз Лизетте ничего не снилось. Зато она отлично выспалась и набралась сил. Когда открыла глаза, солнце сияло на западе. Не садилось, но до заката оставалось часа полтора. А, значит, следовало выдвигаться.

- Ну, и где твой герцог?

- Хороший вопрос, - протянул брюнет, старательно помахая над Лизеттой веточкой. - Надо было меня послать.

- Ты бы справился, понятное дело. А вот твой герцог...

Помощничек чуть зубами не заскрежетал. Но сдержался. И предложил:

- Может, пойдем ему навстречу?

- Ни за что. И вообще... - Лизетта закатила глаза. - Вон он. Ползет...

Гастон выдохнул с облегчением. Жив!

Нет, светлость не полз. Плелся. Даже фата больше не развивалась. Висела белой тряпкой, символизируя поражение молодого герцога. Следом так же вяло топала лошадь, нагруженная мешками. С фруктами, не иначе. Ох, черти рогатые! Гастон был готов кинуться и расцеловать светлость. Справился с невестиным заданием! Умница!

Лизетта стараний не оценила.

- Почему так долго? - спросила строго. - Я совсем оголодала. Желудок к позвоночнику прилип. Теперь и не отлепишь.

Светлость не посмел оправдываться. Притащил не без помощи Гастона мешки, высыпал содержимое на траву и промямлил заплетающимся от усталости языком:

- Приятного аппетита.

- А блюдо где?

Парни переглянулись и развели руками.

- Ладно, - смирилась Лизетта. Голод пересилил желание поерничать.

Не глядя больше на двух олухов, она умяла с десятков груш, затем принялась за яблоки. Апельсинами герцог в этот раз угостить не потрудился. Ну и не беда. От утренних потом во рту кислый привкус стоял. Наевшись, она с трудом поборола желание снова плюхнуться на бок. Нельзя. Скоро уж обратно в девицу превращаться. А делать это лучше в родной спальне. Подальше от похитителей.

- Всё, домой пошли, - объявилась она и направилась в сторону дороги.

- К к-к-кому до-домой? – прошептал герцог, пятясь.

- Ко мне, вестимо. Возвращать меня пора. Восвояси. Утомилась я что-то. Как доберемся, спать лягу, а вы с Ви будете договариваться. О сумме компенсации.

- С кем? – осторожно осведомился брюнет.

- С Виолеттой, – отчеканила Лизетта. – Она у нас дама грозная. Никому спуска не дает.

- Толстуха в красном? – уточнил парень на всякий случай.

- Это герцог твой толстячок, – не осталась в долгу Лизетта. – А Ви у нас женщина с пышными формами. И очень даже аппетитными.

Шли снова пешком. Взгромоздиться на единственную имеющуюся в распоряжении лошадь Лизетта герцог не разрешила. И неважно, что едва передвигает ноги. Его проблема. Кобыла не обязана везти на себе такую тяжесть. Мешки с фруктами доставила, и хватит трудов. Тем более, обратно-то из красного замка этот увален всё равно верхом поедет. Так пусть лошадка отдохнет, сил наберется.

- Как думаешь, сколько твои родственники с нас попросят? – спросил Гастон по дороге. Он шагал куда бодрее светлости. Его-то за фруктами не посылали.

- Я уже говорила: у меня только опекун, – напомнила Лизетта раздраженно.- Но его все боятся. Попросит много. Рисковали та-а-аким сокровищем! Изверги!

- Не так уж он тебя любит, раз сослал в глушь, – припечатал Гастон.

- Ой, можно подумать вас двоих из большой любви сюда отправили. Наверняка, чтоб глаза не мозолили.

- О! Это ты по своему опыту судишь? – не выдержал Гастон и тут же пожалел о грубости.

Удар Лизеттиного рога пришелся в филейную часть тела. Парень подскочил и плюхнулся на четвереньки. Пришлось сжать зубы так, что челюсть свело. Но всё лучше, чем завопить от боли на радость вредной корове.

- Цел? – одними губами спросил светлость, когда Гастон поднялся и захромал дальше.

- Угу, – пробормотал тот, размышляя, с каким средством по возвращению лучше делать компресс. Синяк-то по любому будет. Но, главное, чтобы место удара не распухло, а то завтра ни ходить, ни сидеть не получится.

Наконец, вдали показался красный замок. Но чем ближе троица подходила к нему, тем беспокойнее становилось на душе Гастона. Накрыло нехорошее предчувствие. Но он помалкивал, чтобы не пугать светлость и не гневить Лизетту. Однако лучший друг и сам почувал неладное.

- Что-то там темновато, – пробормотал он, косясь на невесту, точнее, на ее рога.

Гастон предпочел ничего не говорить, а Лизетта недовольно засопела. Сердилась она не на герцога. Не понравился открывшийся вид. Всё верно, окна темные. Ни одного светлого пятна. И это странно. Да, солнце лишь коснулось линии горизонта и еще не скрылось до утра, но в красном замке даже днем мрачно, а уж к вечеру свечи зажигают в большинстве помещений.

Другая странность обнаружилась на подходе к стене, окружавшей замок. Ворота оказались открыты нараспашку. Справа красовалась надпись «Герцогу Себастьяну Винзору». От нее шла стрелка к прибитому гвоздями свитку.

- Гастон, это что? – спросил светлость.

Тот пожал плечами.

- Посмотри, а?

- Дык тебе же адресовано.

- Я приказываю! – прошипел светлость.

Лизетта нервно переминалась на четырех ногах, заглядывая во двор. Внутри всё вымерло. Замок казался брошенным. Мертвым!

- Да читайте уже! – потребовала она. – Не копытами же мне свиток снимать!

Гастон, помня знакомство с рогом, поспешил выполнить требование. Быстро пробежал послание

глазами, охнул и прочитал вслух, отступив на всякий случай от жениха с невестой подальше.

- Ваша светлость, мы знаем, что вы ответственны за исчезновение леди Лизетты Бельтрами. Если не хотите, чтобы все ваши близкие умерли мучительной смертью, а состояние ушло в имперскую казну, выполните наше требование – женитесь на леди Лизетте. Вам дается срок три дня. Потом прощайтесь и с семьей, и с богатством.

- Чего? – спросил герцог паническим шепотом.

- Они издеваются?! – взвыла Лизетта и кинулась внутрь. – Ви! Ви, ты где?!

- Светлость, что делать-то будем? – спросил Гастон, не веря прочитанному.

Ну и ультиматум!

Но ответа не дождался. Послание добило нервную систему молодого герцога. Он издал странный звук, напоминающий писк, и плюхнулся в обморок.

Глава 4. Не в дверь, так в окно!

- Ви! Отзовись немедленно! Ви!

Лизетта, как безумная, носилась по замку. Удары копыт об пол сотрясали всё вокруг. Это сон. Просто дурной сон. Она сейчас проснется, и всё вернется на свои места. Виолетта, а, тем более, родственники не могли так с ней обойтись. Замуж за герцога-похитителя? Серьезно?!

Увы, никто и не думал отзываться. Красный замок вымер. Никого! Ни воспитательницы, ни слуг, ни охраны!

- Вот, черти безрогие, - простонала Лизетта.

По телу прошла волна жара, а кости заныли. Надвигалась новая напасть – обратное превращение. Проклятье! Она вот-вот обернется в беспомощную девицу, а заступиться некому! Одна против двух обозленных парней. Ну, дела...

Накрыло мгновенно. Во все стороны посыпались искры. К счастью, на этот раз переворачиваться в воздухе не требовалось. Попробуй кувыркнись в образе коровы. Неповоротливая тушка растворялась, возвращая Лизетте человеческий образ. Считанные секунды, и вот вместо копыт в пол упираются ладони и колени. Она неизменно заканчивала превращение на четвереньках. Точнее, почти заканчивала. Ибо какая-нибудь часть живности исчезала лишь через час-два. Приходилось «щеголять» то с лошадиным хвостом, что со слоновьими ушами, а то и с шерстью на щеках.

Сегодня тоже не шибко повезло. Лизетта ощупала голову, отпуская ругательства, совершенно несвойственные леди. Рога? Какая прелесть!

...Тем временем, у открытых ворот проходило бурное «совещание». Гастон быстро привел светлость в чувство, отхлестав по раскрасневшемуся лицу, и теперь молодой герцог закатывал истерику, не желая слушать никаких аргументов.

- Бежать! Надо бежать! – вопил он, топая и тряся кулаками.

- Куда? И на какие шиши? – пытался призвать друга к благоразумию Гастон.

- Да какая разница?! Главное, не жениться!

- А как же угроза для вашего семейства?

- Глупости! Никто по доброй воле с батюшкой не свяжется. Он сам любого на тот свет мучительной смертью переправит.

С этим было трудно спорить, но Гастон не унимался.

- Да послушай же! Без денег мы и неделю не протянем. Нужно поговорить с Лизеттой. Она тоже не хочет за тебя замуж. Глядишь, вместе что-нибудь придумаем!

Светлость примолк и почесал затылок.

- А что? Она ж лучше знает и опекуна, и воспитательницу. Должна сообразить, как их перехитрить.

- Должна, - подтвердил Гастон и первым рванул на поиски.

Вот только Лизетта испарилась. Уже и ночная темнота сгустилась, и неполная луна взошла, а приятели успели обегать весь замок, однако нигде не наблюдалось и следа невесты-коровы.

- Куда она могла деться? – негодовал светлость. – Здесь не так много места, чтобы спрятаться. С ее-то габаритами.

- Ш-ш-ш, - предостерег друга Гастон.

Услышит Лизетта, несдобровать. А у него и так травма после «знакомства» с рогом.

На исходе второго часа поисков, когда светлость хромал от усталости, а Гастон от боли, со двора донеслись грозные проклятья. Приятели поспешно высунулись в окно и обомлели. Лизетта, вновь обратившаяся в девицу (не считая коровьих рогов, венчающих белокурую голову), бодро шагала с топором наперевес. Куда? К растущей у ворот яблоне.

- Чего это она? – осведомился светлость.

Гастон только плечами передернул. Кто ж разберет эту невесту?

Лизетта же, не теряя времени, замахнулась на дерево и...

- Та-а-ак, - угрожающе протянул светлость.

Лезвие топора глубоко застряло в древесине, а попытки рогатой девицы его освободить не приводили ровно ни к какому результату. Сие свидетельствовало, что в человеческом обличье девица не столь сильна, как раньше.

- Ну, погоди у меня, - прорычал светлость под нос, стащил с головы фату и рванул на разборки, позабыв об усталости и недавних страхах.

Гастон здорово отстал по дороге. Пострадавшая часть тела припухла и сковывала каждое движение. Когда же он, наконец, достиг двора, глазам предстала картина маслом: светлость прыгал и выл, тряся прокушенной рукой, а Лизетта, наклонив голову, целилась рогами ему в грудь. Гастон даже сориентироваться не успел, как она бросилась в атаку, но случился казус: травмированный герцог вовремя плюхнулся на пятую точку, а невеста, промазав, кувыркнулась по траве.

- Ух! - она села и сжала кулачки.

- Хватит! - скомандовал Гастон. - Остановитесь! Оба!

Светлость с Лизеттой недоуменно обернулись.

- Давайте обсудим ситуацию, - торопливо продолжил Гастон. - Вы же оба не хотите свадьбу. Значит, надо придумать, как ее избежать. Вместе!

Светлость неуверенно кивнул, но Лизетта фыркнула.

- Сначала, - объявила она, поднимаясь, - я срублю треклятое дерево Ви, чтоб неповадно было меня подставлять!

У них с воспитательницей был уговор: сколько бы разрушений не устраивала Лизетта в местах, где они жили, яблони трогать строжайше запрещалось. Виолетта неизменно сажала их после каждого переезда. Брала семечко от предыдущего дерева и закапывала его в первый же вечер у ворот. Семечки, само собой, были магические. Ветвистая яблоня вырастала через день.

Лизетта, привыкшая оставлять за собой погром за погромом, с яблонями обращалась бережно. Знала, если перейти эту черту, воспитательница не простит до гробовой доски. Но на этот раз девица обозлилась настолько, что была готова нарушить многолетнее соглашение. Ну и пусть Ви взбеленится! Поделом! Ей - Лизетте - теперь-то что терять?!

Увы, ничего не вышло. Застрявший в дереве топор не поддавался, вопреки всем усилиям. Девица тянула его, ругалась, скрежетала зубами. Бесполезно!

- Срубите же гадкое дерево! - взывала она, но тут приключилась новая беда: рога исчезли, лишив Лизетту последнего средства самообороны.

- Ага! - обрадовался метаморфозе герцог, но Гастон встал на его пути:

- Не надо! Не калечь невесту! Вдруг ее опекун тоже того... оборотень!

- Плевать! С ним я потом разбираться буду... а сейчас... всё! Всё припомню!

Лизетта попятилась, не зная, что предпринять. И дернуло же отправиться с яблоней сражаться! Сидела бы до утра в укрытии, никто бы не отыскал. С восходом солнца обратилась бы в кого-нибудь зловредного. А, главное, сильного!

А теперь... теперь...

- Ваша светлость! Голубчик!

Во двор красного замка на коне въехал камердинер Арнольд. Явно нетрезвый. Ибо держался не за поводья, а за лошадиную шею. Да и голубчиком он подопечного называл исключительно в состоянии подпития. На трезвую голову не решался, так как не считал молодого герцога таковым. Какой же он голубчик?! Сущее исчадие ада!

- Не троньте леди-оборотня! Ваш батюшка того... распорядился!

- Чего? - светлость сначала побагровел со зла, а потом побелел с перепуга, аки фата. - Ты? Ты ему пожаловался, олух?

- Никак нет, ва-ваша све-све-светлость, - Арнольд спешил, то бишь, съехал с коня и пошатнулся,

взмахнув руками. – Это родственники леди-коровы... В смысле, невесты вашей. А бабушка... герцог через кристалл со мной связался. Велел к свадьбе готовиться. Вот, я того... всё записал! До единого слова!

Светлость посмотрел в поисках поддержки на Гастона. А тот зажмурился, а потом открыл глаза в надежде, что всё приключившееся за последние сутки – дурной сон. Но нет, ни Лизетта, ни Арнольд с герцогским письмом никуда не делись.

- Может, ты прочитаешь? – заискивающе попросил Гастона камердинер.

Тот выругался, но послание взял. Куда деваться, письмо – свершившийся факт. Как и осведомленность герцога-отца о рогатой проблеме.

- Дорогой мой младший сын, Себастьян Винзур, - начал Гастон и нервно откашлялся. Коли бабушка обращается так к светлости, стало быть, зол, как тысяча чертей – болотных и лесных вместе взятых. – Я крайне разочарован известием об очередной твоей глупости. Глупости, которая побила все твои предыдущие рекорды. Придется пожинать плоды. В нашем доме побывал сам Его императорское величество – опекун девицы Бельтрами и потребовал, чтобы ты взял ее в жены, раз посмел опозорить. Если свадьба не состоится в течение трех дней, нас всех казнят. Тебя тоже, разумеется. Мы уже выезжаем. Готовься к свадьбе, сын. И только посмей еще что-нибудь выкинуть. Или обидеть невесту. Лично из тебя дух выблюю.

- Ох... - выдал светлость непривычно высоким голосом и повторно грохнулся в обморок.

На этот раз Гастон не обратил на это внимание. Уставился на Лизетту.

- Твой опекун – император?

- Да! – выпалила она. – Мой отец был его близким другом!

- Почему же ты раньше молчала?

- А никто не спрашивал!

Гастон больше ничего не сказал. Уронил письмо и сам опустился на траву рядом со светлостью. Лизетта отвернулась, чтобы никто не увидел выражения лица. Нет, она не радовалась. И не злорадствовала. Злилась! Да так, что едва дым из ушей не валил. Свадьбу требует император?! Он издевается?! Отдает ее за это... это... расплывшееся ничтожество без мозгов?! Да лучше на всю жизнь остаться коровой!

- Гастон... - наконец, подал голос светлость. Правда, глаза не открыл. – А давай ты на ней женишься. Мы ж ее вместе похищали.

Тот вытаращил глаза и замотал головой.

- Не выйдет, светлость. Это ж ты – сын герцога. А мой отец – дворецкий. Император на такую замену не согласится. Но может, кто из братьев на Лизетту польститесь? Да хоть Теодор. Она куда краше его вечно кислой невесты.

- Угу. Особенно в образе коровы.

- Так мы свадьбу ночью устроим. Никто ни о чем не догадается. Да и Лизетте Теодор больше понравится. Он и на лицо пригож, и фигурой... - Гастон осекся, ожидая бури в исполнении светлости, ненавидевшем, когда хвалили братьев.

Однако на этот раз тот смолчал. Только застонал тихонечко.

До замка добирались долго. А всё из-за Лизетты. Она отказывалась ехать, ругалась и брыкалась. Пришлось связать и перекинуть через седло. Друзья быстро сообразили (точнее, сообразил Гастон), что девица больше не превращается. Стало быть, магический оборотный лимит исчерпан. Скорее всего, на время. Но надо пользоваться моментом. Не оставлять же ее одну в красном замке. Мало ли что случится за ночь. Отвечай потом перед императором.

Лизетта ругалась всю дорогу, обещая похитителям и мучителям всяческие кары, а заодно пыталась извернуться и укусить ехавшего с ней Гастона. Светлость, сидящий на лошади камердинера, только сопел под нос. Арнольду же пришлось добираться до замка своим ходом. У него-то день получился не столь бурный, как у остальных, может позволить себе пешую «прогулку».

Едва доехав до дома, светлость отправился спать. Но прежде приказал запереть Лизетту и забаррикадировать дверь так, чтобы ни копыта, ни рога выбраться не помогли.

- Всё равно доберусь! - пообещала она скалясь.

Но жених лишь рукой махнул и зевнул. Мол, завтра - будет завтра...

...Оставшись одна, Лизетта позволила себе слабость. Расплакалась, как маленькая, и долго терла глаза кулачками. Ну и пусть лицо опухнет! Всё равно с утра его никто не увидит. В смысле, настоящее. А когда у тебя вместо лица звериная морда, тут, знаете ли, не до красоты. И вообще, еще не факт, что удастся выбраться из спальни. Похитители теперь ученые, постараются держать пленницу взаперти.

И как всё это могло случиться? Может, она просто спит, а, когда проснется, всё вернется на круги своя? Не будет ни жениха, ни предательства императора. Да, предательства! А как еще назвать желание выдать ее замуж за Себастьяна Винзура - похитителя и идиота? С принцессами Афелией и Брианой он бы так не поступил. Правильно! Они же дочери - умницы и красавицы! А для оборотня Лизетты Бельтрами император всего лишь опекун. Можно и в расход пустить проблемную воспитанницу. В смысле, переложить ответственность на плечи мужа и умыть руки.

Но ничего! Она всё припомнит! И императору в том числе!

Вспомнился императорский дворец, в котором Лизетте доводилось бывать считанное количество раз. Отливающие серебром стены, мягкие ковры под ногами, слуги в начищенных до блеска башмаках. А сад! Боги, какой же там сад! Можно бродить часами, любясь клумбами, фигурками из цветов и живыми изгородями. Неудивительно, что обе принцессы обожают там пропадать. Лизетта бы тоже пропадала. Будь она принцессой, разумеется, а не девицей Бельтрами - воспитанницей императора.

Ох, как же она завидовала Афелии и Бриане. И иногда и ненавидела вздорных девчонок. Почему им всё: и свобода, и развлечения, и безоблачное будущее, а ей лишь родовое проклятье и вечное заточение?! Они еще смеют носы воротить при виде Лизетты. Маленькие стервы! Отдубасить бы обеих копытами за все обиды. Но толку-то? Синяки принцесс ничего не исправят. А императорская чета придумает новую кару для чудо-зверушки. Вечно ведут себя, будто это она виновата, что родилась такой.

Вот бы принцессам достались кривоногие и плешивые мужья!

С этой приятной мыслью Лизетта уснула. Приснился луг, залитый солнечным светом, и она сама - в истинном облике. Шла босая по траве, напевая песню. Следом шагал кто-то еще, но это не тревожило. Наоборот, предавало уверенности и согревало сердце...

Лизетта проснулась от ломоты в теле. Приближался восход, а значит, и очередное превращение. Обиженно заурчал желудок. Вечером-то пленницу не покормили. Стоп! Она вытаращила глаза. Раз похитители забаррикадировали дверь, стало быть, не собираются приносить ни завтрак, ни обед, а, может, и ужин.

Ну, дела! Так недолго и копыта отбросить!

В настоящем облике Лизетта ела мало. Как птичка. Но днем-то аппетит зверский!

Проклиная герцога и императора, она привычно подняла руки над головой. Кувырок получился обычным - искусным и ловким, а вот приземление... Нет, грохот последовал основательный, но об пол ударились не копыта или слоновьи ножищи, а... когти. Лизетта недоуменно уставилась на пузо и охнула, обнаружив чешую. Рванула к зеркалу в углу. Увидела отражение и плюхнулась на пятую точку. Спасибо, что относительно плавно. Хоть не отбила упомянутую часть тела.

Вот это да! Такого с ней еще не случалось ни разу. Неужто, потрясение вчерашнее сказалось? Но как вовремя! Держись, женишок! Теперь никакие двери не удержат! Да и кому нужны двери, когда есть окна. И крылья!

...Гастону снился дом. Бирюзовый замок Винзуров, лабиринты столичных улочек, шумные трактиры и, конечно же, она - рыжеволосая Сабина, дочка кухарки. Не до чего серьезного у них пока не дошло. Только целовались по углам. Мать зазнобы пообещала оторвать крайне важную для мужчины часть тела, если он позволит себе лишнего. Гастона намерения кухарки бы не остановили, но тоже самое пригрозил сделать собственный отец, а уж он-то слов на ветер не бросал. Так и сказал отпрыску: нечего лезть к девицам в особняке, хлопот не оберешься, а для удовлетворения потребностей есть девки трактирные. Сабину же можно получить только после свадьбы.

Гастон смирился, хоть и не пришел в восторг. Свадьбе-то быть не скоро. Сначала должен светлость жениться. Сам герцог-отец так распорядился. Мол, сил у Гастона не хватит и на семью, и на друга-дурня. А друг-дурень важнее. Когда же молодой герцог обзаведется женой, тогда и Гастону можно.

Будут семейные проблемы решать сообща, как и все другие, с которыми сталкивались с детских лет. Увы, брак светлости не светил, пока жены не появятся у старших братьев.

Теперь же ситуация изменилась. Если светлость не отвернется от женитьбы на Лизетте, значит, и у них с Сабиной получится свадебку сыграть. Это была первая мысль, посетившая голову Гастона после пробуждения. Хорошая мысль, жизнеутверждающая. Но дальше всё опять пошло наперекосяк.

- Спасайся, кто может! - завопили во дворе. - Дракон!

- Где? - спросил Гастон, резко садясь на постели.

Ну что за глупость? Откуда тут дракон? Не от лесного же народца сбежал? Стоп! В империи эти твари вообще не водятся. Тем более, у лесных жителей. Твари же огнедышащие. Не ровен час все деревья сгорят, и будет не лес, а пустыня.

- Кому там мерещится? - возмутился Гастон, выглядывая в окно. - Перепили что ли? Ох!

Он с воплем отшатнулся, будто увидел чудище.

Хотя почему будто?

На высоте шестого этажа парило ОНО. То бишь, дракон. Самый настоящий ДРА-КОН! Ярко-красного цвета! Мощные крылья весело хлопали, создавая вихри. В зеленых глазах горел недобрый огонь. А пасть и зубы... Ох мамочка! Проглотит в один присест не то, что стройного Гастона, а упитанных Арнольда со светлостью вместе взятых.

- Вот ты где, помощничек! - выдало чудовище радостно. - А куда жених подевался? Я есть хочу! Со вчерашнего обеда не кормленная!

- Черти огнедышащие, - простонал Гастон и повторил вчерашний «подвиг» светлости: грохнулся в обморок.

Дракониха только глаза закатила.

- Да что ж все какие слабонервные? Тьфу! Жених! Жениииих, ты где? Пора откармливать будущую жену! А то похудеет...

...Полчаса спустя горе-похитители, сидя на бревне, с тревогой наблюдали, как дракониха уплетает окорок за окороком, резво сокращая герцогские запасы. Сначала приятели по привычке натаскали фруктов и чуть не сгорели. В прямом смысле. Грозное пламя, прошедшее над головами, обоим подпалило шевелюры. Светлость еще и ожог заработал. На ладони, которой прикрывался во время огненной атаки.

- Я вам что - травоядная? - спросила дракониха, клацая зубами. - Мясо хочу! Корову бы слопала! Целиком!

- Ко-ко-ко... - начал светлость, а невеста скривилась, явно вспомнив свой вчерашний облик.

- Ладно, не корову. Можно барашка. Или порося. Не живого только. Жаренного!

Увы, с жаркой дело не заладилось. Кухарка едва встала и только принялась за готовку. Другьям пришлось клятвенно заверить Лизетту, что обед она получит в зажаренном до хрустящей корочки виде. А на завтрак пойдут и копчености. Они пошли. Очень даже в охотку. Дракониха громко чавкала и щурила глазки от удовольствия. А похитители, как загнипнотизированные, глазели на ее зубы и тряслись от страха. Ведь не зубы, а мечи! Камни запросто раскрошат, не то, что человеческие кости!

И чего вчера корову боялись? Премилое было создание...

- Уффф, - выдала Лизетта, наевшись до отвала, и икнула. - А теперь я бы...

- Подремала? - пискнул в надежде светлость.

Зелень в драконьих глазах померкла. Вместо нее похитителям почудилось опасная чернота с огненными всполохами.

- Нет! Летать хочу! - Лизетта потрянула головой. - И буду!

- Удачного полета, - вставил Гастон. - Только далеко не улетай. А то император...

Он замолчал, не закончив фразу, ибо дракониха вонзила когти глубоко в землю. Жуткие-прежуткие

когти.

- Я тут полетаю, - пообещала она с усмешкой. - Вокруг замка герцогского. Эх, не врезаться бы. Жених, ты сильно дорожишь башенками?

Светлость дорожил башенками, как и матушкиным родовым гнездом целиком. Однако отрицательно мотнул головой. Мол, делай, что хочешь, только меня не ешь.

Но с полетом не сложилось. И вовсе не потому, что Лизетта значительно потяжелела после сытного завтрака. Помешал громкий крик охранника, что ворота сторожил.

- Едут! Кареты с гербами Винзуров!

Светлость горестно заскулил. Плюхнулся на четвереньки, утыкаясь лбом в землю. Да-а-а, вот только отца с тремя братьями сейчас и не хватало!

- Ты чего? - шикнул Гастон. - Вставай. Батюшка разгневается, когда увидит, что ты перед невестой ползаешь.

Он покосился на драконицу, ожидая увидеть на жуткой морде злорадство. Но она смотрела на въезжающие кареты с ужасом. Будто в размерах уменьшилась с перепуга. А это серьезный показатель для существа, весящего больше полутоны. О, да! Лизетта еще как струсила, ибо легко узнала стражников императора, сопровождающих кареты верхом. Стало быть, и опекун пожаловал. Не поленился. А это точно не к добру. Сколько бы Лизетта не костерила его за глаза, гнева побаивалась. Были у Его императорского величества рычаги воздействия на девицу-оборотня.

Он первым вышел из кареты. Седовласый, но по-прежнему статный и привлекательный. Бородка, как всегда ухоженная, с плеч струится зеленая мантия - цвета императорской семьи Клейрен. Умные черные глаза оглядели двор и замок, затем взгляд остановился на драконице. Нет, император не удивился необычному облику. Много чего повидал в Лизеттином «исполнении». Привык к любым несуразностям.

- Кто жених? - спросил холодно.

- Он, - кивнул Гастон на светлость и поклонился почти до земли.

Молодой герцог не издал ни звука. Стоя на четвереньках, таращился на императора, которого прежде видел лишь на портретах. Не замечал ни разочарования, промелькнувшего на волевом лице, ни выходящих из карет родственников.

- Удружил ты нам, ничего не скажешь, - проворчал император и кивнул Лизетте. - Пойдем. Надо поговорить.

Она не пикнула. Поплелась за высоким гостем в замок. И не скажешь, что грозный дракон. Покладистая клуша! Ей не довелось увидеть веселья, царившего во дворе после их с императором «отбытия». Ни звонкой оплеухи, которой герцог-отец наградил Гастона, ни хорошего пинка, которым облагодетельствовал младшего, четвертого по счету, отпрыска. А, впрочем, она бы и не впечатлилась. Своих семейных проблем хватало...

Глава 5. Предсказанный жених

- Что за балаган ты устроила?

- Они сами начали.

- Детский лепет! Тебе не десять лет. Афелия и Бриана...

- Не сравнивай! Афелия и Бриана ни в кого не оборачиваются и живут в столице припеваючи! А я... я...

Лизетта всхлипнула, но вышел очередной казус: из драконьих ноздрей посыпались искры, подарив подпалыны ковру. Император всплеснул руками, но девичьи эмоции так просто не остановишь. Новый всхлип обернулся дымом, пришлось сменить гнев на милость и погладить чешуйчатый бок.

- Ну-ну, не расстраивайся. Зато будущий муж теперь знает, как опасна ты в гневе, и поостережется обижать.

- Муж?! – возмутилась Лизетта, проделав в ковре новые дыры. На этот раз когтями. – Ты серьезно насчет свадьбы? Seriously?!

- Боюсь, что так, милая. Погоди сердиться, выслушай! – император выставил руки ладонями вперед, призывая девицу-дракона к спокойствию. – Это не моя затея.

- А чья? Императрицы? – всхлип снова закончился дымом, но теперь черным. – Мало мне из-за нее проблем!

- Нет-нет, что ты! – поспешил заверить император. – Она очень расстроена и не хочет отдавать тебя замуж за герцога Винзура, но, кажется, у нас нет выбора. Много лет назад было предсказано, что если однажды тебя украдут, похититель должен всенепреренно жениться. Иначе беда. Умрем и все мы, и его семья.

Дракониха плюхнулась на пятую точку и, закрыв лапами морду, взвыла.

- Не пойду за Винзууууура!

- Но послушай, я же не всё рассказал! – взмолился император, пытаясь перекричать вой. – Это только первая часть предсказания. А во второй говорится, что похититель, то есть, муж, поможет снять с тебя проклятье. И ты перестанешь обращаться.

Лизетта примолкла. Чуть-чуть развела когтистые пальцы и подозрительно глянула на императора. Он радостно закивал. Мол, правда-правда!

- Это Винзур-то? – усомнилась Лизетта. – Этот бестолковый увалень?

- Ну... В предсказании не обещалось, что жених будет статным красавцем.

- При чем тут красота?! Хоть бы мозги имелись. Но и тех боги пожалели. Я лучше драконом останусь! Или коровой!

- Мертвой коровой, – уточнил император похоронным тоном. – Я разве не упомянул, что ты тоже умрешь, коли свадьба не состоится?

Лизетта повторно взвыла.

- Уууууууууууу...

Император покачал головой и снова погладил похожие на броню чешуйки.

- Роми, не плачь. Роми...

Дракониха вскочила и выпустила пламя. К счастью, в каменный потолок, а не на деревянную мебель или ковры. Глаза злобно прищурились и налились кровью. Император аж попятился, хотя обычно не боялся ее в любом обличье.

- Не называй меня так! – рывкнула она и негодуяще затрясла крыльями. – Я Лизетта Бельтрами! Сирота! Ты сам так придумал! А Роми... Принцесса Ромина – твоя старшая дочь умерла в младенчестве от неизлечимой хвори!

Она зашагала вглубь замка, сама не представляя, куда направляется. Но император не унимался, семенил следом, пытаясь достучаться.

- Ромина... тьфу! Лизетта! А как же свадьба?!

- Идите вы магическим лесом, - огрызнулась дракониха. - Пусть матушка за Винзура выходит и снимает с меня проклятье. С тобой разводится и выходит. А что? Это она во всем виновата. Нечего было от суженного сбегать!

Тем временем, во дворе жениху тоже приходилось несладко.

- Как это - предсказание? - спросил он хрипло, так и не потрудившись подняться с земли.

Герцог-отец прорычал нечто нечленораздельное, а ответил старший брат Теодор - высоченный широкоплечий красавец. Тот самый, которому по воле батюшки в невесты досталась дурнушка.

- Это значит, что вся шайка только и ждала, когда девицу выкрадет какой-нибудь олух. И, конечно, этим олухом оказался наш Себастьян.

- Ш-ш-ш, - прошипел отец, с трудом сдержав порыв дать пинка и старшему отпрыску. - Следи за языком. Шайка. Ты об императоре говоришь.

Теодор сконфуженно крикнул, брат-жених горестно всхлипнул, а Гастон мысленно возблагодарил небеса, что из всего герцогского семейства прибыли лишь двое, а, главное, что не захватили с собой дворецкого. Гастону только встречи с папенькой сейчас и не хватало. Он в гневе пострашнее господина будет.

- Вытри нос и встань, наконец! - приказал герцог младшему сыну. - Распустил нюни, как девчонка. Наворотил дел, пожинай плоды. Придется жениться.

- Но она же дра... дра... дра... и ко... ко... ко...

- Ничего. Ночью еще краше казаться будет.

- Но я не ее хочу. Ни днем, ни но-но-ночьюююю.

- А концы отдать хочешь? А заодно и всей семье приговор подписать? - герцог отхлестал отпрыска по пухлым щекам. - Иди, готовься к свадьбе!

Светлость, хныча, поплелся к замку. Гастон вознамерился отправиться следом, но...

- А ты, пострел, задержись, - распорядился герцог.

Сердце лихо ускакало в... нет, пожалуй, всё-таки не в пятки. Но в коленки точно.

- Так мне Его светлости помогать надобно, - напомнил Гастон, опасаясь как бы после казуса с похищением для него не придумали ссылку пострашнее - в монастырь.

Живо представились мрачные стены с редкими факелами, монахи в серых рясах, бродящие по коридорам, как призраки, и тишина. Звенящая, всепоглощающая.

- Теодор поможет, - герцог хищно улыбнулся и подтолкнул старшего сына, чтобы не стоял увальнем, а следовал за младшим. - Ты уже помог. И еще поможешь. Только на этот раз сначала хорошенько подумаешь над планом.

Гастон едва сдержал вздох облегчения. Главное, монастырь отменяется, с остальным он как-нибудь справится. Увы, герцог приготовил новое потрясение.

- Треклятую свадьбу придется сыграть, никуда не денешься, - проворчал он. - Но потом-то дурню Себастьяну не обязательно с оборотнем жить. Надо мной вся империя потешаться будет, коли внук-теленек родится.

- Правильно-правильно, - поддержал Гастон. - Пусть Лизетта здесь остается, а мы с Его светлостью в столицу...

- Придержи коней, - осадил герцог и отвесил подзатыльник. - Не видать тебе столицы, пока всё не исправишь. Что тебе вменялось в обязанности? Правильно! За дурнем присматривать. Чтоб не вляпался. Но он вляпался! По самые уши, за которые оттаскать не помешало бы.

Гастон развел руками. Ну да, опростоволосились. Бывает.

- Что я должен сделать?

- Организовать несчастный случай.

- Э-э-э...

- Да-да, ты не ослышался. Не вечно ж эта императорская воспитанница будет в образе дракона щеголять. А корову и волки могут в лес утащить.

- Но...

Герцогское холеное лицо побагровело.

- Ты мне тут головой не мотай. Себастьян – хоть и олух, но он мой сын. Жениться должен с умом. На подходящей особе. Ты понял задачу?

Гастон молчал. Задачу-то он понял, однако не считал ее выполнимой. Не из-за сложности организации, вовсе нет. Придумывать он мастер. А из-за собственного отношения к плану. Какой из него убийца? Да и Лизетта в чем виновата?

- А коли подведешь, и оборотень не умрет «случайной» смертью вскоре после свадьбы, эта участь ждет кое-кого другого. Из тех, кто тебе безразличен.

- Но Ваша светлость, вы же высоко цените моего отца... - привел Гастон единственный аргумент, пришедший в голову, а сам попятился, опасаясь оплеухи.

Однако герцог на этот раз обошелся без рукоприкладства.

- Отца ценю, - согласился он с усмешкой. - Второго такого дворецкого во всей империи не сыщешь. А вот дочка кухарки мне без надобности. Как и ее мамаша.

Почудилось, под ногами разверзлась земля, открыв путь в преисподнюю, где ждут лютое пламя и вечные муки. Герцог убьет Сабину? Его прелестницу с ямочками на румяных щеках и волосами, отливающими золотом на солнце? Вот, засада!

- Тебе решать, кому остаться в живых: оборотню или рыжей девчонке, - подытожил герцог. - А теперь исчезни с моих глаз. Пока не приказал выпороть за бездарное выполнение обязанностей.

Гастон поплелся прочь, ощущая себя лесным зверьком, попавшимся в ловушку охотника. Что же делать? Как выпутываться? Лизетту трогать нельзя, это точно. Но как тогда защитить Сабину? Может, сбежать с ней вместе? Плохая идея. За душой у обоих ни монеты, а герцог-отец из-под земли достанет, чтобы наказать беглецов. Да и Сабина не согласится. Она ж мечтает, что после женитьбы светлости переедет вместе с Гастоном в его замок, где ждет не жизнь, а сказка. Гастон же не просто слуга, а друг хозяина.

Ох-ох-ох... Угораздило же предложить похитить девицу. Не жилось спокойно...

Император нагнал дочь в обеденном зале. Дракониha растянута на брюхе возле стола, и делала вид, что спит. Притворялась, разумеется.

- Не хочешь обсуждать ситуацию, хотя бы послушай, - проговорил отец примирительным тоном. Садиться не стал. Устроиться на стуле, Лизетта окажется под ногами и сильнее разобидится. А на полу как-то не по-императорски.

- Тебе не обязательно жить с Винзуrom до старости. Как только перестанешь оборачиваться, мы от него избавимся. Можно организовать несчастный случай, - император покосился на дочь и, услышав грозное сопение, продолжил: - Или разведетесь. Свадьба-то пройдет скромно, так что и развод останется незамеченным. А дальше сможешь жить, как пожелаешь.

- Угу, неужто принцессой? - не выдержала Лизетта, но глаза открыты не потрудились. - Объявишь всем, что я воскресла?

Император сконфуженно крикнул.

- Знаю, ты на нас сердись. За то, что выдумали твою гибель и отослали из дома. Но это ж для твоего блага. Предсказания ж сбывались, а мы не могли рисковать-ва-ва... - он слишком поздно понял, что сболтнул лишнее, но сказанного не изменишь.

Дракониha поднялась и взмахнула крыльями. Лицо императора обдало... нет, к счастью, не пламя, а горячее дыхание. Но ему и этого хватило, чтобы плюхнуться на пол.

- Были еще какие-то предсказания? - спросила Лизетта, приблизив грозную драконью морду к

побледневшему лицу отца. – Говори!

- Бы-были, - признался император с тяжким вздохом.

Теперь не соврешь. Да и выдумать правдоподобную версию тяжело, когда на тебя глядят два красных глаза! А еще язык, похожий на змеиный, прищелкивает с аппетитом.

- Понимаешь, она давала подсказки. Сначала мы не верили, но потом... потом...

- Кто она?! – из драконьих ноздрей выпала пара искр, аккуратно папеньке на сюртук.

- Клотильда! Ведьма, что тебя прокляла!

Лизетта отшатнулась и врезалась филенной частью в стол. Тот с грохотом перевернулся, разломав «по дороге» пару стульев. Но девица-оборотень и внимания не обратила. Давно привыкла к разрушениям, что случались благодаря дневным обличьям.

- Какие еще подсказки?! Говори толком!

Увы, толком не вышло. В порыве чувств Лизетта выпустила из пасти облако дыма, и император зашелся кашлем минут на пять. Глаза слезились, а из горла вырывались исключительно хрипы, и никаких ответов. Когда же он, наконец, сумел выдать нечто похожее на человеческую речь, дочь узнала всю историю своего проклятья.

Оказалось, что «мучительница», как Лизетта называла ведьму Клотильду, прежде чем исчезнуть вместе с внуком, оставила императорской чете письмо. В нем она сообщила, что их первенец однажды сможет избавиться от наложенных чар, но для этого нужно соблюдать несколько правил. Во-первых, отослать дочь подальше и объявить о ее смерти. Во-вторых, перемещать девочку каждые несколько месяцев. В-третьих, держать всё от нее в тайне до замужества. Иначе принцесса не только не распрощается с проклятьем, но и вообще погибнет, не дожив до отрочества. От рук вовсе не Клотильды, а родственников жениха или иных недоброжелателей.

- И вы поверили?! – взвыла Лизетта.

- Конечно, нет, - заверил император мягко, стараясь задобрить дракона. – То есть, мы не знали, чему верить. Но потом убедились в правдивости пророчества ведьмы. Тебя, правда, чуть не убили. Дважды. Оба раза ты выжила чудом.

Лизетта открыла рот и... сразу закрыла, предпочтя выслушать продолжение истории в молчании. Тем более, император и так без конца прерывался, чтобы откашляться.

Найти суженного, способного в будущем «излечить» дочь от проклятья, ведьма императорской чете посоветовала, не откладывая. Родители подумали-подумали и таки решились на эксперимент. Был отдан приказ собрать мальчиков благородного происхождения с двух до десяти лет. Им предстояло зайти в зал к Лизетте в дневном облике. Кто первый осмелится погладить зверушку, тот и жених. Казалось бы, ничего сложного. Тем более, девочка обратилась в вполне симпатичного жеребенка.

Однако вышел казус. Раньше всех к принцессе шагнул бледный, как призрак, сын барона. Только не погладил, а за гриву дернул. Лизетта от такого обращения рассвирепела и ударила суженного копытом. Да так, что он месяц проболел. А потом и вовсе чуть беда не стряслась. Папенька суженного подкупил горничную императрицы, дабы выяснить, что за конь такой покалечил отпрыска. Так и узнал правду о принцессе. Рассердился, что сына обманом оборотню в женихи записали, и попытался убить будущую невестку.

Спас девочку Габриэль Милтон – личный художник императора и по совместительству лучший друг. Дед Лизетты привез его еще мальчишкой. Выкупил из рабства у правителя соседней страны, разглядев талант. Вообще-то Габриэль родился свободным человеком. И даже богатым. Однако его родители участвовали в восстании и закончили жизнь на эшафоте. Ребенок же достался правителю в качестве трофея.

В памятную ночь художник заработался допоздна. Возвращаясь к себе, заметил, как служанка заводит закутанного в плащ мужчину в спальню принцессы Ромины. К счастью, Габриэль умел не только картины рисовать, но и владел боевыми искусствами. С легкостью защитил дочку друга и поймал злоумышленников. А дальше... дальше их ждала смерть по приказу императора. Тайная смерть. Покушение предпочли скрыть. Тем более, сыну несостоявшегося убийцы всё равно предстояло жениться на принцессе-оборотне, и лучше ему было не знать, как умер кровожадный родитель.

- Ну, и где этот суженный? – издевательски поинтересовалась Лизетта, прервав отцовский рассказ.

Тот развел руками.

- Погиб в расцвете лет. Голову разбил, упав с коня.

- Какая прелесть. Гениально же ты меня сосватал, папочка.

- Не дерзи, - посоветовал император. - Он бы тебе всё равно не понравился. Себастьян Винзур хоть и бестолковый, но вполне управляемый. А тот был бесшабашный. Никого слушать не желал. Он бы тебя быстро на цепь посадил. В любом обличье.

- Конечно-конечно, - усмехнулась Лизетта. - Ты лучше, чем страшать, дальше рассказывай. О предсказаниях и покушениях.

Папенька подавил тяжкий вздох. Он-то и рассказывал, пока не прервали.

- Едва мы разобрались с одним душегубом, как новое письмо от ведьмы Клотильды появилось. Откуда? Загадка! Утром нашли его в твоей детской. Старая карга пугала нас новыми нападениями. Матушка твоя все глаза выплакала. Первое-то «пророчество» сбылось. И всё же мы решили рискнуть, оставить тебя в замке. Охрана не отходила ни днем, ни ночью. Да только это не помогло.

Однажды после полуночи все бравые стражники внезапно погрузились в магический сон, а негодяй - дядя всё того же суженного проник в спальню и напоил маленькую принцессу отравой. И ничто бы ее не спасло от мучительной смерти, если б днем в облике теленка она не наелась особенной травы, послужившей противоядием.

- Ты не умерла, но серьезно заболела, - пояснил император печально. - Вот тогда-то мы и смирились с неизбежным. Отправили тебя в глушь с Виолеттой, а всем объявили, что... что...

Договорить не получилось. В порыве чувств дракониха выпустила новые клубы дыма, и император раскашлялся до хрипоты.

- Значит, то таинственно появившееся письмо от ведьмы было не единственным, - уточнила Лизетта. - И в последнем она посоветовала отдать меня за похитителя?

Ответить император не смог. Только кивнул сквозь кашель и развел руками. Мол, ничего не поделаешь. Придется свадьбу играть...

Для обряда бракосочетания подготовили бальный зал, а вместо дьяка-пьяницы пригласили настоящего монаха - толстого, лысого, в серой рясе до пола. Зажгли свечи - сотню, не меньше, пол усыпали лепестками белых роз. Жениха принарядили, облачили в привезенный из столицы камзол, расшитый золотыми нитями. Увы, выражение лица молодого герцога оставалось кислым. Не помогала даже папенькина ругань и крепко сжатый кулак.

Гастон всей душой сочувствовал светлости, но поддержать не мог. Разве что хмурой физиономией. Ему велели держаться в сторонке, мол, не велика птица, нечего мозолить глаза императору и остальным. Он не расстроился. В сторонке, так в сторонке. Чем дальше от старшего Винзура, тем лучше. Не ровен час, потребует избавиться от Лизетты на следующий день после свадьбы. А Гастону время требуется, чтобы придумать выход.

Впрочем, кое-что он придумал. Обратиться за советом к той самой ведьме, у которой в карты зелье невидимости выиграл. Придется раскошелиться, но тетка того стоит. Могущественная и мудрая. Многих и магией, и советами дельными выручала. Едва идея пришла в голову, сердце успокоилось, перестало частить. Хорошо, когда есть хоть какой-то план, а не только приказ порешить новобрачную.

- Ну, и где же невеста? - сердито поинтересовался герцог-отец. Спросил, скорее, сам себя, нежели кого-то конкретно. И уж точно не императора.

Тот тоже нервничал. Без конца бросал недовольные взгляды на дверь. Все давно собрались, время убегало, а Лизетта всё не появлялась.

«Может, сбежала?» - с надеждой подумал Гастон и обругал себя мысленно.

Нет, девице-оборотню нельзя исчезать до свадьбы. Тогда светлости конец. Как и всему его семейству. Но кто знает эту Лизетту. Подумаешь, что ей самой грозит погибель. Вдруг решит, что смерть предпочтительнее нежеланного замужества.

- Туточки мы! - объявил гортанный голос.

Из-за двери показалась дородная дама, которую Гастон видел в красном замке. Кажется, ее звали Виолеттой. Она тащила за руку упирающую воспитанницу. В человеческом облике. Белоснежное платье (не то, в которое пытался вырядить ее светлость, а новое, привезенное императором)

переливалось сотней звездочек, фата струилась до пола. Гастон снова залюбовался Лизеттой, как в ночь похищения. А ведь хороша, чертовка!

- Вот она – невеста! – дама подтолкнула девицу к алтарю, где поджидал воодушевленный монах и угрюмый до невозможности жених.

Таким Гастон его не помнил. Даже в первые дни ссылки он выглядел веселее.

Лизетта тоже скривилась и пообещала сквозь зубы:

- Испепелю.

Светлость попятился, герцог-отец охнул, а император вскочил и нервно вытер пот со лба. - Приступайте! – велел он и плюхнулся обратно в кресло.

Увы, ненадолго. Посреди зала с жутким шипением вспыхнуло пламя, напугав всех до колик. Неудивительно, после дневного «общения» с драконом от любого костерка шархаться начнешь. Однако огонь вреда не причинил, быстро погас, рассыпавшись на множество искр. На его месте появился конверт, при виде которого император схватился за сердце.

- Это же не от... от нее? – спросила Лизетта, растерянно глядя на опекуна.

Он самолично поднял письмо, распечатал, прочел и выругался, совершенно неподобающе для правителя целой империи.

- Что там? – спросила невеста шепотом. Но столь громким, что услышали все.

Император растерянно почесал затылок.

- Только вопрос. «Вы уверены, что отдаете ее за похитителя?» Что за бред?! Конечно, уверены! Это ж Винзур тебя похитил. Всё правильно?

- Разумеется, - Лизетта гневно топнула. - Испортил жизнь и мне, и се-се-се...

Она испуганно примолкла, а букет белых лилий, что держала в руках, упал на пол.

- Вот, черти болотные... - с ужасом выдохнул Гастон.

Он одновременно с Лизеттой понял смысл вопроса из таинственного письма.

Да, похитить богатую девицу мечтал светлость. Но выкрал-то ее из замка вовсе не он. По сути Себастьян Винзур тут вообще не при делах. Значит, и не ему жениться...

- Черти! – повтори Гастон, закрывая лицо руками. – Рогатые и огнедышащие...

Глава 6. Сделка

- То есть, украл тебя он?! Этот безродный мальчишка?! – громыхал император, стоя перед хмурой, как ноябрьское небо, Лизеттой.

Она кивнула и сердито глянула на Гастона. Что первый жених, что второй – сплошное недоразумение. И дело даже не в происхождении. Ей вон императорская кровь не шибко в жизни помогает. Просто этот герцогский помощничек – несносный болван под стать господину. Пусть и выглядит...э-э-э... эстетичнее. И худее.

- Не буду я на ней жениться, - начал, было, Гастон. – У меня уже есть...

- Цыц! – приказал старший герцог Винзур, погрозив парню кулаком. Ему явно полегчало после известия, что оборотень достанется в жены не отпрыску: со щек сошла бледность, глаза радостно блестели.

- Но... - продолжил Гастон попытку объяснить, однако помешал император:

- Кто тебе вообще разрешил открыть рот, дурень?! Молчи, пока мы думаем, как нам выбраться из этого безумия!

Гастон покраснел, но смолчал. Кто ж станет спорить с повелителем страны. Однако в душе кипели страсти. Да, он родился у дворецкого и служанки. Но почему сразу – дурень? Разве происхождение определяет уровень интеллекта? Вон светлость – хоть и герцогский сын, но вся семья предпочитает держать его подальше, чтоб не позорил лишней раз глупыми выходками. И вообще, будто он сам горит желанием жениться на Лизетте! И похищал-то ее не для себя, а для друга, который никогда не делает грязную работу.

Вот пусть светлость и отдувается! Он-то – Гастон – с какого перепуга жених? У него Сабина есть – солнечная красавица.

- Ну, и как теперь быть? – спросил император Лизетту.

Но вместо нее ответил Себастьян Винзур.

- Жениться. Гастон у нас – парень видный!

Тот покосился на светлость с укоризной. Друг, называется. Ну, конечно, главное, не самому целый зверинец в жены брать. Остальное неважно.

- Еще не хватало! – император затряс кулаками. – Да кто он такой – сын конюха?

- Дворецкого вообще-то, - осторожно сообщил герцог-отец.

- Невелика разница. Ох, и угораздило!

Пока император причитал, Лизетта устало вздохнула и стянула с головы фату.

- Раз свадьбы сегодня не будет, я, пожалуй, спать пойду. Умаялась что-то за день.

И, не слушая приказа остановиться, зашагала прочь с гордо задранной носом. Его императорское величество выругался, но никого вдогонку не отправил, зато придумал для стражников новый приказ.

- Заприте этого... тьфу! Женишка! Чтоб не сбежал!

- С чего мне бежать-то? Смерти искать? Ведь предсказание...

- Молчать! – взвыл император яростно. – Кто ж тебя знает такого «умного» и не в меру языкастого. Может, отрезать язык, дабы не слышать глупостей? А что, он тебе для бракосочетания не нужен. Достаточно просто кивнуть у алтаря, что согласен.

Гастон глянул на герцогское семейство в поисках поддержки, но не получил оной. Лишь светлость едва заметно пожал плечами. Мол, я-то что могу сделать?

- Ладно, - смилостивился император. – Оставайся с языком. Но еще раз заговоришь не по делу, передумаю. Увести его!

Десять минут спустя, сидя в подземелье – сыром и гулком – Гастон тоже проклинал собственную болтливость. Сам во всем виноват. Никто не заставлял предлагать светлости похищать девицу из красного замка. Томились бы себе в ссылке, придумывая день за днем сомнительные развлечения. А теперь... теперь конец!

И вовсе не свободе и мечтам о Сабине. А жизни!

Гастон, может, и не гений, но и не дурак. Раз уж герцогу Винзору взбрело в голову избавиться от неудобной невестки после свадьбы, что помешает императору приказать убить новоявленного мужа воспитанницы? Раздавят, как букашку, и выдадут злодеяние за несчастный случай. Мол, вином подавился. Иль с коня упал.

И что теперь делать? Безропотно идти на заклание? Не вариант. Только и отказываться от свадьбы, смысла нет. Конец тот же.

А, может, попытаться сбежать после церемонии? Это призрачный, но всё же шанс.

С этой мыслью Гастон уснул и видел счастливые сны: себя и рыженькую Сабину в фате.

Утро в замке началось с переполоха.

- Йохуууууууу!

Окно спальни Лизетты с грохотом распахнулось, вниз посыпались осколки стекла. Воздух со свистом рассекли мощные крылья. И вовсе не жуткие – драконы, а белоснежные, прекрасные, как лебединые, но побольше.

- Смотрите! Лошадка! – закричал, показывая пальцем в небо, сынишка кухарки.

- Йохуууууууу!

Белая крылатая лошадь нарезала круги над башенками и шпилями, явно получая удовольствие от процесса. Еще бы! Ощущения бесподобные! Будто сам ветер тебе подвластен. Дракон, конечно, тоже летать умеет, но отнюдь не грациозно. Особенно с набитым пузом. А лошадь – живность благородная, стройная, просто загляденье!

- Лизетта! Лизетта, спускайся немедленно! – из окна высунулся сонный император в ночном колпаке. – Я кому говорю?!

- И не подумаю! – объявила та, пролетев так близко к повелителю, что едва не задела крылом. А потом резко ушла вверх, явно намереваясь отправиться подальше от замка.

- Ты куда?! – завопил император.

- Скрываться! Йохууууу!

...Через полчаса из замка на поиски сбежавшей чудо-кобылы выдвинулся целый отряд: несколько человек из слуг Винзуров и охрана Лизетты в полном составе. С ними отправился и сам император, отлично понимая, что без него драгоценная старшая дочь даже разговаривать откажется. Не то, что возвращаться. Да, утром она его персону слушать не пожелала. Но это всё новая свободолобивая оболочка. Пройдет немного времени, и человеческая сущность возьмет верх.

Увы, они объехали всю округу, но Лизетту не нашли. Ничего не дали и расспросы местных жителей. Народ только рты открывал при упоминании крылатой белой лошади. «Повезло» на исходе четвертого часа, когда у императора от долгого сидения в седле с непривычки ныла и спина, и другие части тела. Отряду встретился вихрастый парень, который прояснил непростую ситуацию.

- Дык это... того... Коня лесные забрали. Поймали в сети и того... Ну, увели. А что? Их же животинка, раз волшебная.

Император за голову схватился. Лесной народец ему неподвластен. Живет сам по себе. Можно только договариваться о сотрудничестве. В теории. На практике поди договорись!

- Что делать-то будем? – спросил старшина Лизеттиной охраны и, на всякий случай, вжал голову в мощные плечи.

Повелитель поскрежетал зубами, но смирился.

- Едем к лесным. На переговоры.

А что делать-то? Не бросать же кровиночку в глухой чаще. Да и предсказание вот-вот сбудется. Всё императорское семейство на тот свет отправится...

В лес въезжали в гробовом молчании, прислушиваясь к странной тишине. Всё вокруг замерло. Ни птиц не слышать, ни шороха в кустах. Даже ни единая веточка не шелохнется. Оно понятно –

происки народа магического, дабы гостей незваных припугнуть. И ведь страшно. До жути. Охрана у императора хоть и удалая, но толку-то против магов. Шевельнет кто из них мизинцем, и всё – нету бравого отряда.

А едва на поляну круглую – слишком круглую для обычной – выехали, так кони сами остановились. И головы склонили. Перед невидимками, не иначе. Ибо глазам предстала лишь трава, да цветочки голубенькие.

- Мы пришли с миром, - проговорил император, а сердце зачастило от волнения. - Разыскиваем девицу-оборотня. Слышали, она у вас.

- У нас, у нас, - отозвался хриплый голосок, хотя никто так и не появился. - А ты кто?

- Я... - он замялся. Отцом Лизетты представиться – придется выдать тайну, а императором назваться – тоже не лучший вариант. Еще решат, что волю навязать желает. - Опекун я девицы. Хочу домой ее забрать. Свадьба на носу, а невеста пропала.

- Свадьба, говоришь? – протянул невидимка весело. - А что ж тогда жених не явился суженную вызволять? Непорядок.

- А он того... - император судорожно придумывал правдоподобное объяснение. - Мы ему еще не сказали. Не знает он ничегошеньки.

- Так пусть узнает. Мужу будущему полагается переговоры вести, а не опекунам всяким. Пусть явится сюда поскорее, а то не вернем невесту. Ишь чего удумала? Мало того, что магическим зверьем оборачивается, так еще и красоваться перед простым людом смеет! Нельзя так! Никак нельзя!

Императора прошиб ледяной пот. Как это не вернуть?!

- Хорошо-хорошо, сейчас привезут – жениха Лизеттинога.

- Пусть сам приезжает. Один. А ты со своей свитой больше не смей носа сюда совать. Нечего траву вытаптывать.

Едва смолк голосок, лошади сами развернулись и галопом помчались к замку. Не останавливались, пока во двор не въехали. А там застыли, как вкопанные, не смея шелохнуться. Лишь один конь – черный, как ночь, громко заржал. Тревожно, горестно.

- Ведите этого... жениха окаянного! – приказал император, спешившись. Его шатало после безумной скачки, в глазах двоилось, но он держался. Нельзя показывать безродному мальчишке слабость. Иначе им всем конец.

Эх, дочка-дочка. Устроила веселье...

Гастон с тоской глядел в потолок и представлял небо. В животе урчало от голода. Еще бы, время послеобеденное, а ему и завтрак принести не соизволили. Если так пойдет и дальше, к свадьбе кожа да кости останутся. А, может, это часть плана по избавлению от неугодного жениха? А что? Подержат неделку без еды, и ничего вытворять не придется. Сам концы отдаст. Никто и слова не скажет. Разве что отец с матерью попечалятся немного, да светлость огорчится, что остался без закадычного приятеля. Или не огорчится, а обрадуется, что незавидная участь миновала его самого.

Едва Гастон представил собственные похороны, на которые и прийти-то некому, лязгнули замки, и в темницу вошли императорские стражники. Хмурые-прехмурые. Лица основательно обгорели на солнце, а в глазах читалась непроглядная тоска.

- Поднимайся, бездельник. Тебя хочет видеть Его императорское величество.

Гастон мысленно пожелал стражникам провалиться сквозь землю во главе с повелителем. Но вслух ничего не сказал и послушно поднялся. Ни к чему нагнетать. И так положение хуже не придумаешь. Пусть император считает, что, проведя ночь в заточении, он одумался и на всё согласен.

Увы, скоро выяснилось, что согласен Гастон далеко не на всё.

- Что значит – отправляться на переговоры с лесными?

- А то и значит, что отправляться, - проворчал изрядно подуставший за день император.

- Они ж меня со свету сживут.

- Ты и так не жилец, коли на Лизетте в ближайшие часы не женишься.

- А, может, это... не надо теперь жениться? Девицу ж снова украли. Пусть кто-то из лесных ее в жены берет.

Император зарычал не хуже Лизетты в образе очередной живности, а ответила Гастону воспитательница невесты – Виолетта, не отрывая взгляда от вышивания.

- Ишь, размечтался. Ты первый выкрал, тебе и в мужьях ходить. Или в покойниках. Сам выбирай, что больше по душе.

Гастон вздохнул тяжело-тяжко. Ответ-то очевиден. Но какой из него переговорщик?

- Ладно, поеду, - смирился он с неизбежным. – Коня-то дадите? Иль пешком топтать?

Император погрозил нахалу кулаком, но скакуна подготовить распорядился.

- И приоденьте его, чтоб не позорил невесту!

..Гастон думал о словах императора всю дорогу до леса, категорически с ними не соглашаясь. Еще вопрос, кто кого позорит. Да, он – сын дворецкого, а не герцога или барона. Но и Лизетта – не подарок. И дело не в том, что оборотень. Характер не сахарный. Вот, кто ее заставлял улетать из замка в облике волшебной кобылы? Сама себе проблемы организовала. И остальным за компанию.

Солнце лениво ползло на запад, но скрываться за горизонтом пока не собиралось: золотило пшеницу на полях, не жалея лучей. Однако стоило Гастону въехать в лес, как почудилось, что вот-вот настанет ночь. На небе ни облачка, но внизу мрачно и неуютно, словно в осеннюю хмурию. Недружелюбный нынче лес. Ветви скрипят, кругом шорох и странный шепот. Смотреть по сторонам страшно. Не из-за того, что опасаясь заметить нечто жуткое, а наоборот, потому что никого не видеть. Хотя кто-то точно следит. Пристально, с интересом.

- Тьфу! – не удержался Гастон, когда конь резко остановился, не желая продолжать путь. – Да чтоб вас всех! Не стой, как пень. Поехали!

Но четырехкопытное средство передвижения отказывалось сдвигаться с места. Не помогали ни уговоры, ни угрозы. Пришлось спешиться и, обозвав коня трусом, идти между качающимися деревьями в одиночку. Страшно? А то! Но помирать-то не хочется. Вдруг, правда, удастся договориться? Это какой-никакой шанс сохранить жизнь. И себе и горе-невесте. Да, Лизетта, повезло тебе, что в женихах больше не светлость ходит. Он бы куда-то не пошел. Сразу б ретировался. На четвереньках!

Гастон плохо представлял, куда направляется. Вело чутье. Или же лесные маги сами подсказывали дорогу, управляя им мысленно. Одна развилка, другая, третья. Он сворачивал, не раздумывая, хотя с каждым шагом сердце билось сильнее, а мрак вокруг сгущался. Точь-в-точь, как на рисунках к старинным сказкам о лесных обитателях. Их нарочно изображали жуткими, с перекошенными лицами и когтями, чтобы внушить детям, что с местным народцем связываться нельзя. Угу, Гастон об этом и не забывал. Но толку-то...

Наконец, деревья расступились, и показалась круглая поляна, залитая странным светом: серебристым, густым. На самой середине в кресле, похожем на трон, устроился хилый старикашка с бородой белой-белой, как молоко.

- Стало быть, ты жених? – спросил он тонюсеньким голоском.

Гастон кивнул, нервно спрятав руки за спиной. Выглядел собеседник безобидно. Дунешь, кувыркнется вместе с креслом. Однако от взгляда темных, как угольки, глаз пробиравало насквозь.

- Ну, проходи-проходи. Поговорим о поведении твоей невесты.

- А что тут говорить? – Гастон сделал несколько шагов к креслу. – Оно и так понятно, что глупо Лизетта поступила. Но что с нее взять? Девчонка. Как превратится в зверушку необычную, так голову теряет. А тут – крылья! Вот и не удержалась. Полетела. На ее поиски целый отряд опекунов отправил. Да только вы раньше успели перехватить нашу прелестницу.

Дед не перебивал, а едва «гость» закончил, проговорил ядовито:

- Всё сказал? Замечательно. А теперь помолчи и других послушай, коли собственную голову потерять не хочешь. Приведите нарушительницу!

Такой красивой лошади Гастону видеть не доводилось. Поразили вовсе не крылья, хотя и они

заслуживали внимания – белоснежные, мощные, пусть сейчас и волочащиеся по траве. Впечатлил облик в целом: стать и благородство вкупе с грациозной походкой. Кажется, Лизетту не смущали веревки, за которые ее вели два здоровенных мага с факелами в свободных руках. Она вышагивала гордо, будто лес – не вражеская территория, а ее вотчина.

- И не капельки не стыдно невесте твоей, - попенял дед осуждающе.

Лошадь недовольно глянула на него из-под белых ресниц. Промолчала, уже хорошо. Зато Гастона и толикой внимания не удостоила, будто он – пустое место. Неприятно. С другой стороны, он и сам не шибко рад встрече. Предпочел бы долго не видеть. В любом обличье. А лучше вообще никогда.

- Ночь наступит через два с половиной часа, - оповестил дед. – До того момента нам необходимо решить твою судьбу, оборотень. Своим неподобающим поведением и нежеланием извиниться ты заслужила смерть.

Гастон испуганно кашлянул. Как смерть?! Лизетта же и его за собой утащит. А еще родителей и братьев, они ж с ним кровными узами связаны.

Сама драгоценная невеста даже не вздрогнула, а дед продолжил:

- Для нас это – идеальный вариант. Твоя гибель на жертвенном костре в облике пегаса вызовет мощнейший выброс магии. Мы сможем напитать ею десятки оберегов и особых предметов для будущих обрядов. Однако...

У Гастона перехватило дыхание. О, боги! Не погубите!

...однако существует и иной путь. Мы отпустим тебя, но взамен вам с женихом придется выполнить важное задание. Попробуете обмануть, покараем. Наша магия настигнет вас где угодно. Упадете замертво в мгновение ока, даже если спрячетесь в другой империи.

- К-к-какое задание? – поинтересовался Гастон тревожно. Интуиция подсказывала, что они с Лизеттой в ловушке в любом случае.

- Найдите три медальона: удачи, истины и власти.

- Что найти? – переспросил Гастон.

- Вы издеваетесь?! – вторила Лизетта, которая явно поняла, о чем речь. – Это невозможно!

Дедок пожал плечами.

- Коли ты так считаешь, можешь сразу отправляться на костер. Но коли желаешь жить, попытайся сделать то, что десятилетия не удавалось другим. Что выберешь, оборотень: смерть или шанс на благополучный исход?

Лизетта молчала, не желая произносить вслух очевидное, а дед удовлетворенно тряхнул головой, легко догадавшись о ее выборе.

- Кто-нибудь объяснит, что это за медальоны? – осторожно спросил Гастон.

Лизетта опустила голову, отказываясь просвещать жениха. Грива заструилась, переливаясь золотом в свете факелов. Дед достал из кармана камзола трубку, которая мгновенно задымилась сама по себе, затянулся и выпустил изо рта с полдюжины колечек.

- Три магических медальона – удачи, истины и власти – когда-то были собственностью императорской династии Пенетьери, правившей соседней страной Эндорией. Более полувека назад власть сменилась. Ее захватил бывший первый министр, отстраненный от службы. Он вместе со сторонниками проник во дворец. Император и его семья были убиты, а медальоны исчезли. Куда? Загадка. Их искали годами, но тщетно. Известно лишь, что сейчас они хранятся по отдельности, и не где-нибудь, а у нас – в Алмании. По крайней мере, два из трех. Об этом свидетельствуют все знаки.

- Но как же мы найдем медальоны, раз столько народу не справилось? – приуныл Гастон.

Задача казалась невыполнимой. Проще, как сказал дед, сразу на костер. Отложенный приговор – всё равно приговор.

Старик заскрежетал зубами, чуть трубку не сломал.

- И не найдете, коли не будете действовать сообща! Вместе с оборотнем! Еще после исчезновения медальонов было предсказано, что найдут их молодые супруги, предназначенные друг другу самой судьбой: человек и полужверь. Никто не понимал толком, что означает «полужверь». Но твоя невеста

как раз подходит. К тому же, недавно я как раз выяснил, что первый медальон находится в замке герцога Винзура в столице. А ты, как я слышал, обычно живешь там. Интересное совпадение, не считаешь?

- Угу, только не живу, а жил, - поправил Гастон. - До изгнания в глушь.

Старик развел руками.

- Как назад вернуться, ты уж сам придумай. Это в твоих интересах. Главное, запомни, коли найдете первый медальон, с остальными легче дело пойдет. Эти вещицы магические сами друг к другу тянутся. Главное, не посвящайте никого в поиски. Ни слова! Ни единой душе!

- Как они выглядят хоть?

- Да кто ж их знает. Медальоны маскируются.

Гастон с трудом удержался от желания высказать деду всё, что думает о задании. Сам бы попробовал добраться до наделенной магией вещицы, не представляя, где и что искать. Замок Винзуров вам не лесная избушка. Можно до конца жизни все комнаты обыскивать и не добиться результата.

До конца жизни...

Вот, черти лесные! А конец-то, видать, не за горами. И остаток жизни пройдет отнюдь не весело. Да еще в компании Лизетты, которая по организации катастроф оказалась хуже светлости. Знакомы всего пару дней, а смерть так и ходит по пятам...

- Итак, согласны на сделку? Или отправить оборотня на костер? - поинтересовался старикашка ехидно, глазки-угольки прищурились в ожидании ответа.

- Я согласен, - процедил Гастон.

Куда деваться-то? Коли он явится в замок без Лизетты, император четвертует. А если и нет, то случится треклятое пророчество ведьмы. Всё одно - помирать в расцвете лет.

- А ты, невестушка? - спросил дед приунывшую лошадь.

- Согласна, - прошептала она едва слышно и головой качнула в знак согласия.

Старик захлопал в ладоши, как ребенок. Гастон заподозрил, что его обрадовала не сговорчивость будущих супругов, а сама ситуация. Может и не нужны деду никакие медальоны. Кто ж разберет этих лесных. Вдруг они развлекаются, издеваясь над людьми?

- А чтобы вы двое не своевольничали, отправлю с вами соглядатая и помощницу. Внучку мою смышленную. Огонёк!

Девочка лет десяти-одиннадцати появилась прямо из воздуха. Не было никого, и вот, пожалуйста: стоит черноглазая в цветастом платье и русой косой по пояс.

- Тут я, дед! - объявила она весело и притопнула босой ножкой.

- Помнишь задание?

- Ага. А можно в замок на лошадке поехать?

Ноздри Лизетты затрепетали от негодования, но возразить она не рискнула. А Гастон только издал тихий стон. Мало ему одной полоумной. Еще вторая объявилась...

Глава 7. Яблоки Виолетты

По лесу брели в молчании, косясь на неодобрительно скрипящие ветви. Лишь девочка мычала под нос, удобно устроившись верхом на крылатой лошади. Каждый думал о своем. Лизетта сердилась, что вредный старикашка запретил пользоваться магической частью тела и велел добираться до замка пешком. А еще гадала, что бы такого предпринять, дабы женишок думать забыл о первой брачной ночи. И последующих тоже. Перебьется! О безумном задании она тоже вспоминала, но мимоходом. Будет время. Сначала надобно свадьбу пережить и убедиться, что пророчество треклятой Клотильды сбудется. Иначе в замок Визуров не попасть. Кто ж пустит туда корову или слониху?

Гастон с тоской размышлял о Сабине. Ох, и обидится рыжеволосая прелестница, когда узнает о женитьбе. А уж если с Лизеттой в столицу явиться, то совсем беда. И что он скажет своей ненаглядной, мол, потерпи, этот брак не навсегда. Угу, так и есть - не навсегда. Потому что либо император ужокошит, либо дед лесной - силой мысли. Ну а медальоны... Нет никаких шансов найти даже первый. Не в шкатулке же герцогини Винзур он хранится. Впрочем, и до шкатулки еще поди доберись...

- А зачем деду твоему медальоны? - спросил Гастон девочку. - Что они умеют?

- Магию особенную творить, - ответила она расплывчато и снова замычала песенку.

Лизетта неодобрительно фыркнула.

- Сомневаюсь, что эти медальоны хоть на что-то годны. Владельцев-то не спасли - династию Пенетьери.

Гастон покосился на нее с толикой уважения. А ведь права девица!

Лес, наконец, остался позади, показались пыльная дорога и небо в фиолетово-розовых тонах. Солнце почти скрылось за горизонтом. До наступления ночи и обращения Лизетты оставалось совсем чуть-чуть.

- Наездница, как тебя там?

- Огонек, - подсказала девочка.

- Да хоть пламя! Слезай.

Маленькая шпионка не возразила, съехала с «лошадки» на животе и вприпрыжку побежала рядом с Гастоном, поднимая босыми ногами пыль. Лизетта отстала, готовясь к скорому перевоплощению. Жаль, что до замка еще топать и топать. Лошадь, пусть и не пользующаяся крыльями, гораздо выносливее человека.

- Слушай, Огонек, - обратился Гастон к юной спутнице. - Дед же тебя нашей помощницей назвал. А что ты делать умеешь?

- Много чего, - она снова ушла от ответа. - Потерпи, торопыга. Скоро сам узнаешь.

Гастону категорически не понравились слова девочки. Что значит «сам узнаешь»? В смысле, на собственной шкуре? Нет. Он против!

- Ух! - раздалось позади.

- Ох! - выдал Гастон, растерявшись.

Лизетта стояла на четвереньках. В истинном обличье. Вот только... только...

- Красивые ушки, - развеселилась девочка. - И крылышко.

Гастон предпочел промолчать, хотя оставшиеся от лошади «атрибуты» выглядели комично. Особенно крыло, сросшееся с правой рукой. Одно крыло!

- Хватит глазеть! - возмутилась Лизетта. - Лучше думай, как к Винзурам в замок попасть. Особенно, если Клотильдино предсказание не сбудется, и замужество не снимет проклятье. Вот всё семейство светлости мне обрадуется.

- Тьфу! - не удержался Гастон. - Да ты хоть драконом, хоть человеком - не подарок.

Лизетта собралась, было, пригрозить будущему муженьку всевозможными карами, но поймала любопытный взгляд Огонька и передумала.

...До замка добрались, когда на руке девицы-оборотня осталась пара белых перьев, а лошадиные уши уменьшились в размерах и аккуратно спрятались под волосами. Зато ноги едва держали жениха и невесту. Обоих пошатывало. Одна девчонка так и попрыгивала всю дорогу и, кажется, ни капли не устала. Магия, не иначе!

Однако мечты об отдыхе и ужине (для обоих, кстати, первой трапезе за день) пришлось отложить. Бледный от переживаний император потребовал незамедлительного отчета, раскричался, затряс кулаками. Даже юную гостью лесного происхождения не сразу заметил. А та не ступевалась, преспокойно отправилась за Лизеттой и Гастоном в зал для приемов, где повелитель устроил аудиенцию.

- А это еще ЧТО? – гневно поинтересовался он, тыча пальцем с массивным перстнем в девчонку, разглядывающую всё вокруг с приоткрытым ртом.

Лизетта от усталости и переизбытка впечатлений не нашлась, что ответить.

Хорошо хоть Гастон не растерялся.

- Это Огонёк. Из лесных она. С нами отправили, дабы людской жизни научилась. На таком условиях леди Лизетту отпустили. Ну, и обижать Огонька не велели. А еще... еще сказали, что мы должны в столице пожить. Втроем. В замке Винзуров. Только там, и никаких разговоров. Иначе опять подопечную вашу выкрадут. И тогда точно не вернут. Так что, Ваше императорское величество, поговорите с герцогом. Коли вы прикажете, он сопротивляться не рискнет. А по-другому не согласится.

Император побагровел, да столь быстро, будто кожа не была белой-белой минуту назад.

- Всё так? – спросил Лизетту.

Та торопливо закивала. Мол, правда-правда. От первого слова до последнего.

- Ладно, - махнул Его величество рукой. – Прикажу Винзуру вас принять. А теперь живо умываться и переодеваться! У вас свадьба!

Лизетта застонала.

- Сегодня?

- До завтра рискуешь не дожить. Надо поскорее с этим покончить. Глядишь, уже следующим утром останешься человеком.

- Свадьба, так свадьба, - смирилась она, мечтая только об одном – завалиться спать. Можно даже не умываться. И так сойдет.

Гастона пробрал озноб. Ему крайне не понравилось слово «покончить». Уж не с ним ли?

Через час в зале собрались те же действующие лица, что и накануне. С одной лишь разницей: прибавилась гостья – Огонёк, в спешном порядке наряженная в платье попрличнее – голубенькое с бантами на подоле. Да на месте жениха теперь стоял сын дворецкого, а не герцога. Несостоявшийся Лизеттин муженек – довольный и румяный – устроился в кресле рядом с хмурым отцом и откровенно скучающим братом. Глазел на происходящее, будто зритель в театре.

Всё еще голодный Гастон нервно взирал на дверь в ожидании невесты. Если она не явится в течение пяти минут, император пусть хоть сотней смертей страшает, он отправится на кухню – добывать еду. Однако Лизетта таки вошла в зал. Как и в прошлый раз, в компании Виолетты. Деловой походкой прошагала к Гастону с монахом и потребовала:

- Жените скорее. Иначе я прямо тут усну.

Монах открыл рот, готовясь произнести речь, но вновь помешал знакомый шипящий звук.

- Нет! – император схватился за сердце. Даже сил не хватило, чтобы с кресла вскочить.

- Она издевается? – Лизетта отшвырнула букет и подняла очередное послание неугомонной ведьмы Клотильды.

Сердце Гастона кувыркнулось раз пять подряд. Неужели, и он неправильный суженный?! Вот радость-то!

Увы, и жениха с невестой, и императора поджидал иной сюрприз.

Лизетта скривилась, будто лимона наелась, и прочитала сердито:

- На этот раз вы не ошиблись с выбором. Но если хотите остаться в живых, придется прожить в браке не меньше десяти лет. Разведетесь раньше, подпишете себе смертный приговор. А коли вас разлучит внезапная смерть, второй отправится следом. Даже не надейтесь избавиться друг от друга, организовав несчастный случай...

Император тихо охнул и вытер пот с вмиг вспотевшего лба. Лизетта стояла, не шевелясь. И не поймешь, какие чувства испытывает. Только пальцы продолжали крепко держать письмо, не разжались, не уронили. Гастон не знал, радоваться или огорчаться новостям. С одной стороны, его теперь не посмеют тронуть, с другой, мечтам о Сабине конец. Разве захочет она – юная красавица – ждать десятков лет. А жить с ней во грехе неправильно. Да и не согласится Сабина. Роль любовницы женатого мужчины не для нее. Одна рыжая прелестница долго не останется. Быстро ухажеры сбегутся.

А он... он обречен на жизнь с сумасбродной Лизеттой и поиски злополучных медальонов.

- Так свадьба сегодня будет или нет? – нарушил тишину Теодор Винзур, с трудом сдержав зевок.

Герцог-отец шикнул на него, но остальные поглядели с благодарностью. Глубокая ночь на дворе, а день выдался трудный, изматывающий. Скорей бы по кроватям разбрестись.

Император поморщился и кивнул монаху, мол, продолжай церемонию.

Тот заулыбался, обвязал правые руки будущих супругов магической разноцветной веревочкой и начал нараспев:

- Дорогие гости, сегодня мы собрались здесь, чтобы...

Гастон едва слышал, что он говорил. Внезапно навалилась усталость, словно груда камней на грудь. Хотелось одного: проснуться. Даже голод отступил. Ну что за судьба такая? Не в монастырь, так в ссылку, а теперь и вовсе «каторга»! Лизетта, наоборот, сосредоточилась на словах монаха. Не интереса ради, а чтобы отвлечься от горьких мыслей и не разреветься прямо тут – перед всеми. Где справедливость, а? Даже если замужество снимет проклятье, а они с мужем-недоразумением отыщут медальоны, всё бесполезно. Кому она будет нужна через десять лет? Никто и не взглянет на даму не первой свежести, когда вокруг толпы молоденьких девиц с румяными щеками и блеском в глазах!

- Согласна ли ты, прекрасная невеста, взять в мужья этого мужчину?

Лизетта с трудом подавила смехок и кивнула. Прекрасная невеста? О, да! Хорошо еще, что лошадиные уши исчезли. И вообще, что за эпитет? А если невеста уродина?

- Нужно ответить вслух, – подсказал монах нервным шепотом.

- Согласна! – выпалила она и сжала кулаки, да так, что поцарапала ногтями ладони.

- А ты, мужественный жених, согласен ли взять в жены эту женщину?

Повисла тишина. Монаху пришлось подтолкнуть задумавшегося Гастона в бок.

- Что? Ах да! Беру. А смысле, согласен.

Лизетта подарила жениху испепеляющий взгляд и заметила, с какой ненавистью смотрит на него император. Будь возможность, своими руками бы задушил. У алтаря.

- Объявляю вас законными супругами! – тем временем, провозгласил монах и выдохнул с облегчением. Мол, наконец-то бракосочетание состоялось.

В тот же миг веревочка, соединявшая руки Гастона и Лизетты, вспыхнула, но пламя не обожгло кожу, поглотило разноцветные нити, символизируя окончание обряда. Новоявленные супруги растерянно посмотрели друг на друга. Что дальше? Не целоваться же, в самом деле! Гастон внезапно сообразил, что мужу с женой полагается проводить ночи в одной постели, и окончательно приуныл. Вот счастье-то! Засыпаешь с человеком, а просыпаешься с драконом! О нежностях он и не вспомнил. Какие еще нежности?! Раздавленным или подпаленным с утра б не оказаться!

Однако, как быстро выяснилось, не только он не видел себя в постели Лизетты.

- День был длинным, – проговорил император, обращаясь к воспитаннице. – Отправляйся отдыхать. А этого, – он кивнул страже, – под замок. Не отсидел еще своё.

Гастон махнул рукой.

- Черти лесные с вами. В темницу, так в темницу. Только покормить не забудьте. Помру с голоду, жена за мной отправится.

Император заскрежетал зубами, но Гастон не сомневался: без ужина его не оставят. Не теперь. Лизетта ничего не сказала, подобрала подол длинного свадебного платья и неспешно зашагала прочь. Зато возмутился кое-кто другой. Воспитательница Виолетта.

- Зря вы так, Ваше императорское величество. Муж и жена должны ночевать вместе. Тем более, после обряда свадебного.

- Цыц! – разъярился повелитель, замахнулся на подданную, но она не испугалась.

- Поступайте, как знаете. Только не пожалейте потом.

Не дожидаясь реакции императора, Виолетта отправилась за Лизеттой, но Гастон успел разглядеть в темных глазах странный блеск, какой бывает у человека, задумавшего недоброе. Но ей какое дело, вместе ли супруги проводят ночи? Может, мечтает поскорее распрощаться с воспитанницей, взвалив бремя на законного мужа? А как еще объяснить такое поведение?

Лизетта проснулась от ломоты в теле. Приближалось время перевоплощения, но веки не желали размыкаться. Организм отчаянно требовал продолжения отдыха.

- Черти, - пробормотала она, вспомнив в очередной раз недобрым словом Клотильду.

Сползла с кровати со стоном, привычно подняла руки над головой и застыла в ужасе.

Стоп!

А почему, собственно, тело ведет себя, как обычно. Бракосочетание же состоялось!

Ну, старая гримза! Обманула!

Инстинкты взяли верх, и злость отступила на второй план. Лизетта качнулась и... после кувырка приземлилась на четыре копыта. С грохотом, пусть и не грандиозным, как в первое утро в этом замке, когда приняла облик коровы.

Тьфу! Опять лошадь! Спасибо, что не крылатая, а обычная, рыжая.

- погоди, ведьма, когда-нибудь я доберусь до тебя, - пообещала Лизетта и с тоской посмотрела на кровать.

Может завалиться? Нет, еще проломится. Вздохнув, новобрачная растянулась на полу. Подумаешь, что лошади спят, стоя. Она не настоящая лошадь!

...Гастону снился странный сон. Незнакомая комната с малахитовыми стенами, ковер, похожий на траву. И женщина с испуганными синими глазами, как два сапфира. Она трясла его за плечи и приговаривала:

«Что же ты наделал! Что наделал! Как нам теперь быть?»

Он молчал. Только всхлипывал тихонько. Потому что был не взрослым Гастоном, а маленьким мальчиком, который очень боялся...

- Просыпайся! Ну же! Хватит ногами сучить!

- А? – Гастон открыл глаза и изумленно уставился на девочку в цветастом платье. – Ох, это ты, Огонек...

- Вставай, лежебока. У нас дел полно.

- Каких дел? погоди! – до Гастона дошло, что он по-прежнему в темнице. – Как тебя сюда впустили?

Девочка забавно передернула плечами.

- Сама вошла. Буду я кого-то спрашивать.

Гастон предпочел не уточнять, как именно это случилось. Впрочем, ответ поджидал снаружи. Два стражника мирно посапывали на полу. Один свернулся калачиком, по-детски спрятав руки под щеку. Второй растянулся на спине и улыбался во сне. Ох, и достанется же им от императора. Повезло еще, что лесная девчонка не покалечила. К слову, раз она не допускает членовредительства, вдруг получится с ней сработаться?

- А где все? – изумился Гастон.

Они поднялись из подземелья, прошли треть первого этажа, но не встретили ни души.

- Спят. Все, кроме жены твоей. То есть, она тоже спит. Но обычным сном, не магическим, ее я не зачаровывала, - пояснила Огонёк и распорядилась: - Найди острый топор и крепкую лопату. И зелье огненное. Я умею пламя разводить, но важно, чтобы вы сами поработали. Иди же, а я пока лошадку разбужу.

- Ло-ло-ло... - Гастон не договорил. Махнул рукой.

Лизетта сегодня не лошадка. Но с Огоньком лучше не спорить.

Каково же было его удивление, когда десять минут спустя во двор вместе с девочкой вышла, цокая копытами, рыжая кобыла. Сонная-сонная и явно не расположенная к каким-либо совместным делам с мужем. Грива спуталась и падала на глаза, но Лизетта плевать на это хотела. Как и на всё на свете.

- Тебе же это... полагалось перестать оборачиваться...

- Угу! – кобыла гневно засопела. – Благодаря мужу. Да только муж подкачал!

- Или твоя ведьма Клотильда – дура! – разобиделся Гастон.

- А может, и то, и другое!

- Тихо! – Огонёк громко хлопнула в ладоши, а следом гроыхнуло в небе: грозно, опасно.

Супруги испуганно охнули и отпрянули друг от друга.

- Ты! – девочка указала пальчиком на Гастона. – Седлай лошадь!

- Еще чего! – возмутилась Лизетта шепотом.

- Настоящую лошадь, - уточнила Огонёк. – Иначе мы до вечера провозимся. А на тебе, - она погладила рыжий бок, - я поеду.

Гастон с трудом сдержал хохот при виде ошарашенной, но благоразумно молчащей благоверной. Хотя в душе он ее понимал. Сам бы не обрадовался, коли б превратился в излюбленное транспортное средство маленькой нахалки.

...Ехали неспешно. Из-за Лизетты. Она категорически отказывалась переходить на галоп, брела по пыльной дороге нога за ногу и печально вздыхала. Гастон отчетливо слышал, как урчит у женушки в животе. Впрочем, у него самого урчало. Поужинать-то он поужинал. Но с завтраком (спасибо Огоньку!) не сложилось.

- Может, расскажешь, куда мы направляемся? – осторожно поинтересовался Гастон.

Не в столицу же, в конце концов! И, пожалуй, не в лес. Вчера там были.

- В красный замок, - отозвалась девчонка. Она сидела на «лошадке» без седла, но чувствовала себя вполне уверенно.

- Зачем? – Лизетта от неожиданности споткнулась, но наездница удержалась.

- Яблоню Виолетты рубить.

- За-за-зачем?

- Так надо, - Огонёк нисколько не повысила голос, однако ответ прозвучал столь строго, что Лизетта не рискнула еще что-то спрашивать.

Ладно, рубить, так рубить. Сама недавно пыталась сотворить то же самое со зла.

Когда на горизонте показался красный замок, Гастона передернуло. Век бы его не видеть, а лучше повернуть время вспять и не похищать Лизетту. Вернулся бы к светлости ни с чем, пусть бы тот гневался. Ничего, пообижался бы пару дней, максимум неделю, потом заскучал и сам явился мириться. И всё, никаких проблем. Кроме скуки, разумеется. Но лучше уж скука, чем «веселье», как в последние дни.

Замок, по-прежнему, пустовал. Ворота оставались открытыми нараспашку, но, кажется, никто и не думал проникать внутрь. Чему удивляться? По округе давно ходили слухи о живущем здесь чудовище. И вообще, когда целый замок, охраняемый денно и ночью, внезапно пустеет, любой

здравомыслящий человек десять раз подумает, прежде чем туда соваться. Решит, что без магии – темной магии! – не обошлось.

- Что замерли? – спросила Огонёк. – Заезжаем. Яблоня сама себя не уничтожит.

Что правда, то правда. Задачку, как быстро выяснилось, лесная «помощница» придумала трудную. Гастон весь взмок, пока орудовал топором. Странное дело, кора напоминала броню, а древесина металл. Треклятая яблоня сопротивлялась, будто обладала разумом. Но Гастон не сдавался. Как и Лизетта, которая лупила по дереву копытами, когда муж опускал топор, чтобы чуток передохнуть. Вряд ли она старалась из желания помочь. Скорее, выпускала пар, однако Гастона и это устраивало.

- Не сдаемся, рук и ног не опускаем, – своеобразно подбадривала их Огонёк, удобно расположившись на травке и жуя яблоко. Мол, подумаешь, что дерево особенное. Яблоки неопасные, коли заклинания нужного не знаешь. Каждый слопать право имеет.

На исходе получаса ствол, наконец, качнулся и рухнул, шурша листьями. И не только он. По земле замолотили сочные плоды. Один, особенно ловкий, угодил Гастону в лоб. Аж в глазах потемнело, а жена раздвоилась, и теперь он видел сразу две лошади.

- Хватит прохлаждаться! – потребовали они. – Бери лопату и копай.

- Сами копайте, – огрызнулся Гастон, представляя в красках, какая шишка появится к вечеру. Громадная! И синяя-пресиняя!

- Чем копать? Копытами? – усмехнулась Лизетта.

- Да хоть зубами!

- Ух!

Лошадь издала грозное ржание и встала на дыбы. Упомянутые недавно копыта прицелились Гастону в грудь, но он плюхнулся на пятую точку прежде, чем жена успела нанести удар. Зажмурился, прикрыл голову руками и, к счастью, не увидел, как «орудия» впечатались в землю в полуметре от лица. Не то бы точно сердечный недуг заработал.

- Прекратить! Сейчас же! – Огонёк запустила в лошадь недоеденным яблоком. – Никакого сладу с вами нет! Как вы собираетесь найти медальоны и остаться в живых, если даже с деревом не справляетесь!

Супруги испуганно посмотрели на девочку, потом друг на друга, и занялись делом. Точнее, занялся Гастон, впечатленный словами «остаться в живых». Полтора часа потратил, чтобы выкорчевать пень и вытащить все корни. Земля сопротивлялась, словно не лето на дворе, а зима, когда почва промерзает насквозь. Лизетта мужу не мешала, наблюдала за его усилиями в сторонке. Только вздыхала тихонечко, когда тот вспоминал чертей – то земляных, то древесных.

Наконец, последний изогнутый корень показался на поверхности, и Огонёк звонко хлопала в ладоши.

- А теперь – жги! Дотла!

Обрызганное зельем дерево вспыхнуло мгновенно, да только горело не обычным огнем, а магическим сине-зеленым, треща так, что в соседнем замке, наверняка, услышали. А после в воздух поднял пепел, повисел с минуту и растворился под жуткое шипение.

- Что не так с этой яблоней? – шепотом спросила Лизетта.

- Всё, – отмахнулась Огонёк. – Поехали назад. И поскорее. А то опоздаем.

...Увы, скорость не помогла, хоть Лизетта и лошадь Гастона мчались во весь опор. Они миновали ворота аккуратно к кульминации «представления». Двор устлала тела стражников. Спящих или без сознания – не разберешь. В середине стояла растрепанная старуха в красном с золотом платье, принадлежащем раньше Виолетте, а у ног ползал император и причитал:

- Не гневайся, Клотильда. Пощади...

- Ты сам виноват. Позволил бы дочке брачную ночь с мужем провести, сегодня б человеком ходила, а не живностью. Теперь всё одно: пусть хоть каждый раз спят вместе, не сработает магия. Упустили шанс!

Император взвыл, а старуха замахнулась на него костлявой рукой.

- Как это Клотильда? – пробормотала Лизетта.

- Какой дочке? – вторил ей опешивший Гастон.

Ведьма обернулась, зыркнула раскосыми блеклыми глазами на молодоженов.

- Уничтожили яблоньку, чтоб я оборачиваться больше не могла, - попеняла шипящим шепотом. – Вам же хуже. Знаю я еще один способ проклятье снять, да повременю с советами. Так пока живите. А коли разведетесь или расстанетесь больше чем на неделю, сами знаете, что случится.

Сказала и пропала под страшный звук, похожий на волчий плач. Только сизая дымка осталась, от которой император расчихался, а Огонёк прослезилась.

- Ууууу ведьма! – плаксиво пожаловалась девочка и скрылась в замке, оставив Лизетту с Гастоном в полном смятении...

Глава 8. Нищенка и лис

- Нам с тобой крупно повезло, что оборотень из замка улетела и с лесными столкнулась. А то бы торчали тут до скончания времен. Эх, домой! Как приедем, сразу по трактирам. Загуляем на недельку-другую. Гастон? Гастон, ты меня вообще слышишь?

Развалившийся в кресле Себастьян Винзур недовольно покосился на лучшего друга. Тот сидел на кровати, сжимая в руках рубашку, и бестолково таращился на стену. Полчаса назад начал собирать сундук в дорогу, но дело совершенно не продвигалось. На дно легли всего две пары штанов и скромный камзол без намека на вышивку. Слов светлости Гастон, разумеется, не слышал. И не разделял его мечтаний. Думал о своем.

Принцесса?! Да вы издеваетесь?! Вот только этого известия не доставало, дабы осознать плачевность собственного положения. Лизетта и сама по себе катастрофа ходячая. А уж, приходясь императору дочкой, превратит жизнь новоиспеченного мужа в ад. Попробуй слово поперек сказать. Одним ударом рогов по мягкому месту не отделаешься. Папенька добавит целую охапку всевозможных кар. Неудивительно, что не хотел, дабы Гастон с Лизеттой ночевал. Сдались ему внуки от черни.

- Гастон! – светлость грохнул кулаком по подлокотнику. – Очнись! Я, между прочим, тут планы строю. На будущее.

Тот поглядел на молодого герцога, будто впервые видел.

Угу, у друга будущее. У него же только прошлое и скоротечное настоящее.

- А я причем? Мне теперь за женой надобно присматривать. И за девчонкой лесной. Дабы не натворили чего.

Лицо светлости вытянулось, как у малого разобидевшегося ребенка.

- Вот еще удумал! Ты со мной! А эти пусть сами по себе.

- Точно, - Гастон швырнул рубашку в сундук. - Спят ваш замок, вот твой папенька обрадуется. А следом и опекун Лизеттин - император. А кто виноват останется? Уж точно не ты. И не эти полоумные девицы.

Светлость задумался, представляя родовое гнездо Винзуров в огне, а Гастон вздохнул тяжело. Пару часов назад у него состоялся непростой разговор с тестем. Император доходчиво объяснил, что раскрывать тайну происхождения Лизетты никак нельзя. Что до главной обязанности Гастона, она и без наставлений очевидна: беречь и лелеять женушку. А еще трогать не смей. Во всех смыслах. Не его полета птица. А коли она пожалуется, худо придется... нет, не Гастону, а всей родне. Так и сказал повелитель: *«Всех твоих близких со света сживу!»*. Потому нынче не до развлечений со светлостью, а всем заботам забота - не отходить от Лизетты ни на шаг. А то, правда, от замка головешки останутся.

Император таки смирился с неизбежным, приказал герцогу-отцу принять у себя молодоженов и малолетнюю гостью из леса. Мол, таково условие магов, а нарушать его чревато. Пообещал, что Лизетта будет выходить лишь ночами, а днем сидеть тихо, как мышка, даже если обернется слоном. Винзур перекосялся, будто сока полыни глотнул вместо любимого вина, но отказать не посмел. Дал слово, что исполнит всё в лучшем виде, и умчался восвояси, прихватив старшего отпрыска. Младшего оставил расхлебывать заваренную совместно с Гастоном кашу. А расхлебывать предстояло немало. То еще веселье - добираться до столицы в компании оборотня. Новоявленная госпожа Ла-Пьер не каждый день неприметной рыжей лошадкой ходит.

План придумал император перед тем, как отбыть домой в сопровождении стражников. Молодоженам, светлости и охране предстояло выдвинуться в путь следующим утром. После обращения Лизетты. Плотникам за ночь приказали сколотить закрытую повозку, способную выдерживать большой груз. А чтобы «путешественников» не останавливали посты, тесть вручил Гастону документ с личной печатью. Мол, он везет ценный товар в императорский дворец, препятствовать и досматривать строжайше запрещено.

Гастона предосторожность не впечатлила. Он сильно сомневался, что Лизетта долго просидит в повозке. Нет! И еще раз нет! Всенепременно найдет приключения и себе, и всем сопровождающим. Ох, только бы случилось сие не в облике дракона!

- Заканчивай раскисать, ничего не случится, - объявил светлость после раздумий. - Папенька быстро твою женушку на место поставит, чтоб не бедокурила у нас в замке. А мы с тобой по трактирам пойдем. И пропади всё пропадом.

Гастон сжал зубы. А что тут скажешь? Друг, называется. У него проблем целых два воза, а светлость только о развлечениях и думает...

Вернувшей настоящий облик Лизетте тоже полагалось собираться. Рассортировать вещи, доставленные стражниками из красного замка. Выбрать, что взять с собой, а с чем проститься навсегда. Ни к чему жене простого слуги огромный гардероб. Но дело не ладилось. Обычно подобным занималась Виолетта, единолично решала, какая одежда «достойна» отправиться в новый дом. Лизетта в такие моменты хандрила и мешала воспитательнице, подкладывая «отбракованные» платья назад.

Вот именно, Виолетта!

Из ушей едва дым не валил. Как? Как, во имя всех богов, гадкая ведьма Клотильда жила годами под боком, и никто ни о чем не подозревал?! Главное, зачем?!

Хотелось и кричать, и плакать. Кататься по полу! Вопреки бесконечным ссорам, Ви всё это время оставалась для нее самым близким человеком на свете. Уж точно ближе родной матери, отдающей всю любовь младшим дочкам. Вон, даже на свадьбу не соизволила приехать. Тяжело, видите ли! А ей – Лизетте – можно подумать, легко?!

Мать даже письма писала раз в два-три месяца, причем, такие, что вызывали слёзы. Разве затворнице приятно читать, как Офелия с Брианой побывали на очередном балу, а отец подписал указ о проведении карнавала – то зимнего, то летнего? Зато Ви всегда умела успокоить или вправить мозги, чтобы Лизетта взяла себя в руки. А теперь... теперь получалось, воспитательница годами играла ее жизнью, наблюдала за мытарствами и веселилась втайне. Как с таким смириться?!

Сводило с ума и другое. Первая брачная ночь! Гадкая ведьма сказала: если б молодожены провели ее вместе, Лизетта перестала бы оборачиваться. Вот только... только...

Она сильно сомневалась, что подпустила бы к себе муженька, даже зная об особом *условии* снятия проклятья. Одно дело – стоять в белом платье перед монахом, и совсем другое – позволить самоуверенному мальчишке прикоснуться к телу. Такому полагается происходить по любви, а не по чьему-то приказу, да еще с первым встречным! С другой стороны, это всего одна ночь. Ночь, способная подарить свободу на всю жизнь...

- Чтоб тебе провалиться, Клотильда, – прохныкала Лизетта и вздрогнула, услышав, как скрипнула дверь. – Ох... А ты что тут забыла?

На пороге стояла Огонёк, спрятав руки за спиной.

- Я тебе травки успокоительной принесла. Под луной собрала, как положено.

Девчонка гордо показала пучок зелени, но благодарности не дождалась. Лизетта скривилась, мол, она же сейчас не корова, чтоб травой питаться. И вообще, даже коровой предпочитает иные лакомства. Огонек печально вздохнула и подула на пучок. Тот вспыхнул, но не разгорелся. Языки пламени показались на мгновение и растворились. Остался струящийся спиральями дымок от тлеющих травинок.

Лизетта чуть глаза не протерла. Свежая трава тлеет? Свежая, а не сухая?

ТЬфу! Лесная магия!

Но ругательства не слетели с языка. Не успели. Злость сменилась головокружением, а оно – легкостью в теле. Того гляди, воспаришь к потолку без крыльев. Но летать быстро расхотелось. Лизетта зевнула и свернулась калачиком на кровати. Однако прежде чем сон принял в объятия, она услышала голос Огонька.

- Мне жаль, что с ведьмой так вышло. Дед сказал, спроводить ее надобно. А то не даст медальоны найти. Иль себе присвоит. Потому я и велела яблоню уничтожить. Она сгорела, а с ней и ведьмины запасы яблок. Ну, и облик истинный вернулся.

Лизетта молчала. А смысл что-то обсуждать? Сгнула Клотильда, и ладно. Всё равно только злорадствовала исподтишка. Хотела б помочь снять проклятье, давала бы понятные советы, а не нагоняла тумана, предлагая самим догадываться. Знала ведь, что император запер мужа в подземелье в первую брачную ночь. Знала, но ничего не сделала!

Лизетта снова зевнула. Сладко-сладко.

Жаль, конечно, что проклятье никуда не делось. Да еще эти лесные прицепились, как пиявки, с медальонами треклятыми. Но ведь есть и плюсы. Она едет в столицу! А, значит, впереди море новых впечатлений. Всё лучше, чем сидеть взаперти в глуши...

Снились яблоки. Много-много яблок. И на полу, и на расставленных повсюду блюдах. Клотильда в образе Ви брала одно за другим и внимательно рассматривала, но не находила подходящего, всё больше и больше мрачнела. А потом сгинула. Вместе с сочными плодами. Взору предстали двое: темноволосая женщина и маленький мальчик в перемазанной красками рубашонке. Она трясла ребенка за плечи и приговаривала:

«Что ты наделал? Ох, что же ты наделал?!»

Мальчик горестно всхлипывал и, кажется, не понимал, за что его ругают...

- Да-а-а. Если не везет, то надолго, - протянул светлость, взирая на огромное нечто, пытающееся спуститься по лестнице на первый этаж.

- Поговори у меня, - пригрозило оно и поскользнулось.

Ну, или оступилось. Еще бы! С такими-то ножищами!

Грохот потряс весь замок. Но никто из герцогских слуг и личной охраны Лизетты не соизволил поинтересоваться причиной оного. Первые предпочли отсидеться подальше, вторые ко всему привыкли. Один Гастон за голову схватился. Покалечится женушка, ему отвечать! А уж если шею свернет... Хм. Впрочем, та-а-акую шею поди сверни. А вот попу отбить можно запросто.

Кажется, именно это и приключилось. Лизетта в экзотическом облике слонихи сидела на полу у лестницы и бухтела под нос нечто нечленораздельное.

- Может, еще на сутки тут останемся? - предложил Гастон, с опаской косясь на хобот. Не рога, конечно. Но приложит, мало не покажется.

- Нельзя, - предвосхитила ответ Лизетты Огонек. - Дед сказал, нельзя нам тут рассиживаться. А на дворе и так полдень.

- Когда сказал?

- Нынче ночью. Я с ним на расстоянии говорить умею. Мысленно.

Гастон поморщился. Вот, радость-то! Лизетта тоже не пришла в восторг. Зато вскочила мигом и на толстых, похожих на вековые стволы, ногах рванула к выходу. Никого не снесла, и то ладно. Увы, снаружи ждала новая «засада». Повозку-то плотники смастерили, однако попробуй взгромоздить туда слонику. Выход придумали Лизеттины охранники: выложили из крепких бревен лесенку и давай подталкивать подопечную сзади. С четвертой попытки дело, то бишь, тело сдвинулось с мертвой точки. А едва оно целиком оказалось на повозке, все дружно вытерли пот и мысленно взмолились, чтобы пол выдержал вес необычной животинки и не проломился в пути.

- По коням! - приказал светлость и поманил Гастона за собой в карету. Одному-то ехать - тоска зеленая.

Тот не обрадовался, с завистью посмотрел на лесную девчонку, выпросившую новую лошадку. Уж лучше в седле, чем подле грезящего о новых безумствах приятеля.

...Поезда показалась Гастону, как никогда, тоскливой. Светлость неожиданно позабыл о развлечениях, ныл и ныл, вспоминая особенно скучные дни в ссылке. Проклинал и семью. Мол, как батюшка посмел отвешивать подзатыльники у всех на глазах, а старший братец насмеяться. Да, у самого невеста не оборотень, но и не красавица. Приснится такая, одеялом подавишься с перепуга. И вообще, что все накинулись, не разобравшись. Не он же воспитанницу императора крал!

- Ну, чего ты молчишь? Я тебя с собой посадил не для того, чтобы кислой физиономией любоваться. Расскажи что-нибудь. Да хоть о лесных. Страшный дед у девчонки?

- Нет. Маленький и щуплый. Но магию творит знатно.

- Эх, жаль, меня с вами не было. Я бы всем там показал.

И светлость принялся разглагольствовать о схватке с обитателями леса. Гастон кивал, дабы не гневить молодого герцога, а фантазия рисовала, как тот удирает, сверкая пятками, а еще лучше - на четвереньках. Угу, знаем мы, какой из него вояка. За окном кареты проносились поля с пшеницей и кукурузой, а мысли то и дело возвращались к Лизетте. Интересно, как она там? Быть может, стоило

ехать с ней? Нет, плохая идея. Раздавит еще невзначай. А коли обойдется, дело всенепременно кончится ссорой.

Лизетта, тем временем, мысленно вспоминала всех на свете чертей. Особенно доставалось лесным. И болотным заодно. Чем последние не угодили, она вряд ли смогла бы ответить. Но проклятья в их адрес приносили облегчение. Ну, что за напасть?! Повозка шатается, скрипит, да так, что уши вянут. Еще и не видать ничего, кроме стены деревянной. Приятное путешествие, ничего не скажешь! Раньше, когда требовалось перебираться на новое место, она ехала исключительно по ночам. В карете! Днем отсыпалась на постоялых дворах – подальше от чужих глаз. А нынче – сущее издевательство! Муженек-то с комфортом передвигается. Паразит! Ну, ничего. Она еще отыграется. И на нем, и на всех остальных...

К «делу» Лизетта приступила после обращения, когда они заехали на постоянный двор. Уперла кулаки в бока и накинулась на мужа с приятелем-толстяком.

- Что значит – ужинаем и спим? – спросила грозно. – Ничего не знаю: ужинаем и отправляемся дальше. Только я в карету переберусь. Отдыхать завтра днем будем.

- Все устали, – возразил Гастон. Но исключительно для вида. Закралось подозрение, что жenuшка добьется своего. Она в ударе.

- Вот и славно. Значит, сон поутру будет крепкий.

- Лизетта, послушай...

- Нет, это ты послушай! Либо едем сейчас, а днем спим. Либо я не сдвинусь с места до завтрашней ночи.

- А что дед лесной на это скажет?

- А мне почему знать? Это ты с ним переговоры вел, я была предметом торга. Вот и думай, как всё утрясать.

Гастон почесал затылок. Светлость в супружескую ссору не вмешивался. Глядел в пол и прикидывался невидимкой.

- Давай так: сейчас едем, с восходом ляжем спать, а после полудня отправимся дальше. Отдохнем мало, зато попадем в замок Винзуров до следующего утра. Ты еще обернуться не успеешь. Спокойно войдешь через главный вход.

Лизетта сделала вид, что задумалась, однако предложение ее устроило. Полностью! Придется-таки часть пути проехать живностью в повозке. Но не целый же день. А в замке лучше появляться человеком, а не коровой или, не дай боги, драконом.

- Будь по-твоему, – изобразила Лизетта вынужденное согласие. – Взамен я поеду в карете одна. А вы на лошадей пересядете.

Светлость вытаращил глаза, а Гастон открыл рот, чтобы воспротивиться, но...

- И я в карете! – вмешалась Огонёк. – Вдвоем нам будет очень удобно.

Никто не обрадовался. Ни капли. Включая Лизетту. Но на этом разговор закончился. Спорить с лесной девчонкой – себе дороже.

...После сытного ужина собрались в дорогу. Неторопливо вышли во двор: Гастон со светлостью впереди, Лизетта с Огоньком сзади. Охрана покорно поджидала господ: успела перекусить и сменить лошадей. Никому и в голову не пришло возразить против скорой отправки в дорогу. Мол, надо, значит надо.

- Подайте, люди добрые.

Из темноты шагнула сгорбленная старуха с палкой. При виде растрепанных седых волос Лизетту передернуло. Вспомнился истинный облик дражайшей воспитательницы.

- Прочь! – светлость замахнулся на нищенку, но Гастон умело перехватил его руку.

- Не стоит.

Ребенком он стал свидетелем отвратительной сцены, когда из замка Винзуров выгнали старую полуслепую служанку, которая больше не могла выполнять обязанности. Вытирая слёзы, она уходила в никуда, ведь это был ее единственный дом. Отец тогда объяснил Гастону, что жизнь непредсказуема и очень часто несправедлива, а им – людям простым и небогатым – нужно

поддерживать друг друга, потому что больше никто не поможет. Объяснил это и отдал старушке мешочек монет, а еще подсказал адрес женского монастыря в глуши, где никому не отказывают в приюте.

Она ушла, пожелав дворецкому и его семье крепкого здоровья, а сцена запала глубоко в душу маленькому Гастону. С тех пор он не раз выручал бедняков, особенно пожилых и немощных. Правда, делал это втайне от светлости. Тот не поймет. Только на смех поднимет. Всегда любил подчеркивать, что все бедняки – глупцы, раз не придумали, как разбогатеть. Будто богатство Винзуров – его личная заслуга.

Вот и сейчас светлость удивленно глянул на Гастона и скривился.

- Ты чего?

- Ничего, - буркнул тот и сунул в костлявую руку нищенки четыре монеты, что лежали в кармане. Да, пришлось сделать это на глазах у приятеля. Но лучше так, чем мимо пройти.

Гастон посчитал инцидент исчерпанным, однако старуха остановила его, схватив за рукав.

- Погоди, милоч. Послушай. Предупредить тебя хочу. Ты судьбой отмечен, для свершений рожден. Но тебя ищут. Посланники черного принца. Держись подальше от столицы и серебряного императорского дворца.

Сказала и заковыляла прочь. Гастон не сразу опомнился, застыл, замороженный странным предупреждением и чарующим шепотом. А когда рванул вдогонку, старухи след простыл.

- Кто она? Где искать? – накинулся он на хозяина постоянного двора.

Но тот плечами пожал.

- Никто не знает. Она то появляется, то пропадает бесследно. Как дух. Но коли дает советы, лучше прислушиваться. Сбываются ее пророчества.

Гастон приуныл. Он сам не понимал, отчего поверил нищенке, но интуиция подсказывала, что та не солгала и не разыграла. И недаром дворец упомянула. Это не совпадение, учитывая, что Гастон только-только женился на дочке императора. Хотя... почему серебряный дворец? Он из желтого камня...

Светлость распалился, затряс кулаками.

- Тьфу! Достали старухи с предсказаниями! Мы едем или еще неделю будем тут торчать?!

Пришлось махнуть рукой и отправляться в путь. В конце концов, хотела бы нищенка сказать что-то еще, не промолчала бы, не ушла. Вот только как следовать совету? Ладно, во дворец их с Лизеттой приглашать никто не торопится. Но в столице-то придется задержаться. Иначе Огонёк быстро донесет деду лесному. А там уж никакие черные принцы не страшны. После смерти-то...

Лизетта попыталась провести время с пользой. Устроилась с удобством в карете и набросилась на Огонька с расспросами. О медальонах и их поисках. А, главное, как девчонка помогать намерена. Не случайно же дед помощницей назвал. Пока-то пользы никто не увидел. Кроме рассекречивания Ви. Да и польза ли это? Ведьма сгнула, отказавшись рассказывать, как Лизетте проклятье снять.

Огонёк поджала губки, не обрадовавшись разговорчивости спутницы. Щелкнула пальчиками, и та распласталась на мягком сиденье, погрузившись в глубокий сон.

- Отдохни уже, мстительница, - прошептала девчонка и уставилась в окно – в темноту.

Лизетте снился лес. Да не простой, а особенный, волшебный, где между стволами просачивается легкая дымка с запахом сладким-сладким, звери говорят на человеческом языке, а еще живут птицы с золотым оперением, о которых детям рассказывают няньки. Они редко являются людям, но коли встретятся, то обязательно исполняют желания. И не абы какие, а самые заветные...

Гастону, в отличие от жены, не спалось. Да и как уснуть, когда рядом храпит светлость, аки боров. Аж повозка, выдерживающаяся слонику, сотрясается. Приятели отказались от конной поездки и расположились в транспорте Лизетты, устлав пол спешно купленной на постоялом дворе периной. Теперь светлость дрых, а Гастон глазел в деревянный потолок и прислушивался к скрипу колес, в котором – вот, странность! – мерещился волчий вой.

Представлялась встреча с Сабиной – красавицей златовласой. Как она себя поведет: расплатится или кинется с кулаками? А, может, сделает вид, что они незнакомы, и быстренько найдет Гастону замену? От этой мысли внутри всё переворачивалось. Несправедливо! Он же ни в чем не виноват. Или виноват? Сам же предложил светлости выкрасть девицу. Никто за язык не тянул.

Едва мысли о Сабине отступали, вспоминались слова нищенки. Это он-то для свершений рожден? Угу, разве что для таких, которые неприятности приносят. Как в последнюю неделю. А вот упомянутый черный принц вызывал тревогу. Почему бы ему не охотиться, в самом деле? Гастону поручено магические медальоны найти. Вдруг принц этот их охраняет и уничтожает всех, кто присвоит добро задумывает. А кого уничтожить? Не деда ж лесного. Он не у дел, как светлость в случае с похищением. Это Гастон с Лизеттой поисками занимаются. И неважно, что не для себя.

Ну, черти лесные и дорожные! И как теперь выпутываться? Самому не справиться. А к богам обращаться бесполезно. Разгневал он богов, избежав пути, отцом уготовленного. Дал тот слово отправить третьего сына в монахи, а не сложилось...

Эх, вот бы защитника магического иметь! Говорят, и от бед, и от смерти бережет. Да только он от рождения положен. А коли сразу не появился оберег, значит, не судьба.

- Кхе-кхе...

Гастон резко сел, аж голова закружилась.

- Кто здесь?

- Я, господин.

От стены отделилась дымка, ловко сложившись в фигуру крупного лиса. Но не рыжего, а серебристого, полупрозрачного. Зверь сел, пушистый хвост обогнул бок и расположился на лапках. Темнота не мешала лису с любопытством оглядывать обалдевшее лицо Гастона и делать выводы.

- Я подозревал, что дела не ахти. Но чтоб ты совсем простофилей оказался... Н-да...

- Я не... - начал Гастон обиженно.

Но лис не позволил договорить. Фыркнул и произнес:

- Спи, молодой вожак.

И сгинул, будто померещился в ночи...

Глава 9. Дом, милый дом

- За что? – Гастон схватился за полыхнувшую от боли щеку.

И тут же получил ответ. Увы, не тот, на который рассчитывал, а вторую оплеуху, да такую, что на ногах не устоял, рухнул на пол плашмя.

- Вы бы полегче, батюшка, иначе до вдовства недалеко.

Нет, это сказал не Гастон. Он бы не посмел говорить в издевательском тоне с отцом. Зато Лизетта не боялась широкоплечего седовласого мужчину с крупными чертами лица и внушительными кулаками. Она ж нынче – лось. В смысле, лосиха. Да, ножки несуразные, тонковатые, но толчковое копытце вполне способно выбить дух.

Уильям Ла-Пьер – дворецкий Винзуров и по совместительству отец Гастона глянул на невестку с нескрываемым пренебрежением и вновь повернулся к отпрыску.

- Встань, когда с тобой говорят.

Тот предпочел бы прикинуться мертвым и не подниматься, пока грозный родитель не удалится. Однако пришлось подчиниться. Непослушание в их семье чревато последствиями. Впрочем, послушание иногда тоже.

- Дурень! – Ла-Пьер-старший вновь замахнулся на сына, но рука остановилась на полпути, не наградила очередной пощечиной. Зато пальцы другой руки вцепились в вихры и основательно потянули. – Мы с матерью столько для тебя сделали. А ты! Ты! Это ж надо было додуматься – девицу похищать! Знаю, твоя идея. Его сиятельству мозгов бы не хватило такое предложить. И храбрости. А ты и рад бедокурить. Вечно энергию кипучую не в то русло направляешь! Эх, загубил ты все наши старания...

Гастона захлестнула обида. Какие старания? Ну да, родили, растили. Но только для того, чтобы в монастыре до конца дней запереть, разрешения не спрашивая. Будто он ни малейшего права не имеет жизнью распоряжаться. Да, мнением других сыновей батюшка тоже не особо интересовался, устраивая судьбу, но им повезло. У старшего братца тяга была врожденная к военному делу, а среднему разрешили самому ремесло выбрать. Вот он и подался в пекари, работу хорошую нашел – в популярной кондитерской. По праздникам матушке сладости присылает. А Гастону с пеленок про рясу монашескую талдычили, хоть и знали, что не лежит душа.

Еще сильнее слова дворецкого задела Лизетту. Что значит – загубил старания?! Она что – худшее из существующих на свете зол?! Да – не подарок. Но в жены-то не набивалась!

- А чего вы, собственно, возмущаетесь? – спросила она ядовито. – Ваша ж плоть и кровь. И воспитывали его вы, а не дядька чужой. Вот и пожижайте плоды.

Гастон вжал голову в плечи, ожидая бури. Но она не последовала. Отец впервые на его памяти опешил и вытаращил глаза. С ним так даже герцог Винзур говорить не смел, не то, что остальные. А тут какая-то лосиха. В смысле, девчонка.

- А ты языкастая, я погляжу, – наконец «ожил» дворецкий. – Вот уж точно: два сапога – пара. Судьбой друг другу предназначены.

Лизетта хотела, было, фыркнуть и выдать еще пару хлестких фраз, но Гастон предостерегающе кашлянул, и она сдержалась. Не из жалости к мужу. Просто вспомнила, что она – леди благородного происхождения. И неважно, что нынче в пол упираются четыре копыта, вместо стройных ножек в изящных туфельках.

- Ты, главное, в таком виде по замку не ходи, – посоветовал свекор на прощание и усмехнулся. – А то вдруг кто поохотиться решит.

Он ушел, а Гастон, вздохнув с облегчением, плюхнулся на диванчик у окна в новой гостиной супругов Ла-Пьер. «Апартаменты» с двумя спальнями, упомянутой гостиной и столовой выделил герцог Винзур, помня наказ императора. Располагались «хоромы» в западной стороне замка – в самом конце необитаемой части. Но Гастон обрадовался и этому. Собственное жильё! Раньше-то ему приходилось жить на этаже для слуг – в комнатухе по соседству с родителями. Конечно, он бы не возражал, если б в апартаментах было три спальни вместо двух. Но ничего, на этом самом диванчике спать вполне удобно. Проверено. Да и не с Лизеттой же ночевать. А другую комнату заняла Огонёк, которая по приезду закрыла за собой дверь и не объявлялась с самой ночи.

Кстати, о ночи...

...Оставшаяся часть пути до столицы прошла без приключений и казусов. Проснувшись в

скрипящей повозке, Гастон сделал вывод, что серебристый лис ему померещился. Или приснился. Посему озаботился делами насущными и приземленными. Пока остальные отдыхали и набирались сил, следил за Лизеттой, обернувшейся в уже хорошо знакомую корову. Она, как и в прошлый раз, плескалась в близлежащей речке и обещала муженьку новую встречу с рогами.

После полудня отправились в путь: Гастон со светлостью – хмурым, как ноябрьское небо – в карете, Лизетта в повозке. Огонёк, как и накануне, пересела на лошадку. К ночи обе «дамы» перебрались в карету и, к счастью, не погнали джентльменов вон. Впрочем, ехать, а, следовательно, терпеть друг друга оставалось недолго. Столица показалась на горизонте во втором часу. При виде каменной статуи единорога – символа Алманской империи светлость чуть не прослезился от радости, а у Гастона зачастило сердце. Дом! Милый дом! Как же он соскучился!

Увы, дальше ждали сплошные разочарования. Не считая выделенных апартаментов, разумеется. Герцог Винзур встретил вновь прибывших лично. Влепил младшему отпрыску очередной подзатыльник и велел неделю не выходить из покоев. Мол, ссылка еще не закончилась. Гастона и Огонька Его светлость предпочел не заметить, а Лизетте ледяным тоном напомнил, что в ее интересах «не казать носа», как и других частей звериных тел в дневное время суток.

Едва переступили порог нового дома, завалились спать, а утром супругов ждал сюрприз номер два: горелый пирог и прокисшее молоко на завтрак.

- Они издеваются? – поинтересовалась Лизетта, успевшая обернуться лосихой. – Нас решили отравить? Или место указать? Что этот герцог Винзур о себе возомнил? А вообще, - она мечтательно вздохнула, - мне бы сейчас грибочков. Желательно, маринованных. И листьев салатных. Сочных-сочных.

- Это не герцог, - протянул Гастон горестно. – А кухарка Берта. Мстит. Из-за тебя.

Лосиха глянула недоуменно, а потом сообразила, в чем тут соль, и издала нечто похожее на смешок. Издевательский смешок.

- Так у тебя роман был с кухаркой?

В карих звериных глазах отразилось неприкрытое веселье.

Гастон поморщился, но стерпел насмешку и признался:

- Был. Но не с Бертой. С дочкой ее – Сабиной.

А смысл скрывать? Всё равно женушка узнает рано или поздно, раз им объявлена продовольственная война. Гастон постарался произнести фразу небрежно, чтоб непонятно было, как важна для него златовласая девица, однако голос дрогнул. Аккурат на дорогом имени. Однако Лизетта не рассмеялась, наоборот, перестала ерничать, грустно вздохнула и растянулась на полу, смешно поджав тоненькие ноги.

Гастон подошел к окну, приоткрыл шторы, и взору предстал выхолощенный сад Винзуров. И два садовника, отчитывающиеся перед новой экономкой, назначенной на должность полтора месяца назад. При виде стройной светловолосой женщины со строгим пучком на затылке екнуло сердце. Мать! Занимается привычными делами, будто младший сын не возвращался домой. Сабина и ее реакция на женитьбу мигом покинули мысли. Накануне ночью мать с отцом не потрудились встретить отпрыска и новоявленную сноху. Это плохой знак. Очень плохой.

Опасения подтвердились четверть часа спустя, когда в «гости» пожаловал батюшка. Для «разговора», после которого щеки так и полыхали. Гастону и раньше доставалось от отца. Но в этот раз всё было иначе. Строгий родитель выглядел не просто раздосадованным. В его глазах сын прочел разочарование и настоящую злость. Таковую, что не проходит никогда. Лишь стихает, но не исчезает. Но почему?

Гастон думал о поведении отца до самого обеда, пока Лизетта дремала, время от времени печально вздыхая. Отвыкла она сидеть днем взаперти. А еще жизнь в замке казалась тюрьмой. Огонёк, по-прежнему, не объявлялась. Не то спала, не то занималась ей одной ведомыми делами, причем подозрительно тихими. Гастон несколько раз бросал взгляд на дверь ее спальни, но ничего не предпринимал. Связываться с лесными – себе дороже. Вот если до ночи не выйдет, тогда он и начнет беспокоиться.

Доставленный в апартаменты обед обрадовал не больше завтрака и доказал серьезность намерений кухарки Берты. Суп оказался пересоленным настолько, словно для приготовления использовалась морская вода, вместо обычной, а хлеб идеально подходил для забивания гвоздей. Даже драконьи зубы с ним бы не справились. Не то, что лосиные, предназначенные для пережевывания травы и хрупких веточек.

- Разберись с этим, - велела Лизетта, опасно сопя. - Иначе я сама отправлюсь на поиски кухни. И тогда... тогда...

- Хорошо! - Гастон торопливо выставил ладони вперед, мол, не изволь беспокоиться. Он всё организует в лучшем виде. - Я скоро. Ты, главное, никуда не выходи.

Получив от женушки неохотный кивок, он отправился на «подвиги», подозревая, что ничего путного из этого не выйдет...

Прошло больше часа, а Гастон не возвращался. Лизетта изнывала от голода, в животе урчало на все лады. Оттого и мысли в голове крутились отнюдь не радужные. Вспоминалось императорское семейство. Воображение в красках рисовало сестер, сидящих подле матери, и ее ласковый взгляд. Правильно! Афелия и Бриана круглые сутки ходят в человеческом облике, с ними не стыдно людям на глаза показываться.

А, может, плюнуть на всё и объявиться во дворце? Рассказать историю преждевременной «кончины»? Пусть родители перед подданными оправдываются, объясняют, как бросили старшую дочь. А что? Она - принцесса! Имеет право на почести и беззаботную жизнь без сидения взаперти и прокисших каш на завтрак! А медальоны...

Ох, медальоны... Хоть десять раз себя принцессой объявляй, от поисков не отвертись.

- Ну, здравствуйте, Ваше высочество.

Лизетта встрепенулась и охнула.

- Ты! Ах, ты!

Она вскочила, но лосиные ноги подвели. Или, лучше сказать, копыта, которые поехали в разные стороны. К счастью, обошлось без падения, но злости от этого не убавилось.

- Убью! На костре сожгу!

- Ой-ой, напугала! Я сейчас даже не здесь.

На Лизетту насмешливо взирала ведьма Клотильда. Не столь растрепанная, как при прошлой встрече и...полупрозрачная. Сквозь тело в коричневом балахоне отлично просматривались кресло и стена с пейзажем в массивной раме.

- Подумаешь, - протянула Лизетта. - Найду и на костре сожгу.

Новая угроза тоже не впечатлила неприятельницу.

- Ты сначала медальоны найди, - посоветовала она.

- Тебя не спреси-си-си-ли...

Бывшая ведьмина воспитанница вытаращила глаза.

Клотильда знает о задании лесных?! Во, дела!

- Послушай внимательно, девочка. Это в твоих интересах.

Но Лизетта перебила.

- О! Подозреваю, тебе тоже нужны треклятые побрякушки?

- Не ёрничай, - посоветовала ведьма. - А то сделаю так, что навсегда лосихой останешься. Или коровой. Будешь вместо фруктов травку до конца дней жевать и молоко мужу давать. Да, мне нужны медальоны. Точнее, один медальон - истины. Власти и удачи можешь отдать лесным. Мне они без надобности. Коли сделаешь, как велено, подскажу еще один способ от проклятья избавиться.

Лизетта молчала, переваривая услышанное, а сердечко стучало, как безумное, от волнения. Это Клотильда «хорошо» придумала. Пообещать желанную награду. Только вот она воспитанницу не душой набитой вырастила.

- И на что мне твой способ? Мертвому всё равно, человек он иль слон неповоротливый.

- А если я помогу от лесных скрыться? Сделаю так, чтоб посчитали тебя покойницей. Будешь жить припеваючи. Мужем, правда, придется пожертвовать. С другой стороны, он тебе ни капли не мил.

Какая печаль?

Лизетта грозно засопела.

- Ты ж сама сказала, что я...

- Отправишься вслед за ним, коли помрет? – подсказала ведьма. – Ну, сказала. Я установила это правило, могу и отменить. Хорошенько подумай, девочка, прежде чем отказываться. Это выгодное предложение.

Сказала и исчезла, будто привиделась.

Лизетта снова легла на пол, ощущая странную пустоту. И, что греха таить, злость. Мерзкая-мерзкая Клотильда! Отвратительное предложение! Гадкое! Да, муж ни капельки не дорог. Свалился на голову. Вместе с ворохом проблем. Но она – не убийца. Это батюшка-император привык распоряжаться чужими судьбами: казнить или приговаривать к заключению. Лизетта же знает, каково по другую сторону, когда тебя перебрасывают с места на место, как котенка, не спрашивая разрешения. Она знает, что такое жить без права голоса. Брошенной! Отвергнутой!

И все же... Всё же в глубине души червячком копошилось желание (или призрачный намек на него) принять предложение ведьмы. Лизетта считала, что никогда этого не сделает. Но мечтать-то никто не запрещал. О свободе. От проклятья и глупого брака.

Ох, ну и где этот муж? Быстрее от голода помрешь, чем дождешься от него прока...

Стоило подумать, скрипнула входная дверь.

Лизетта вскочила, приготовившись выплеснуть на Гастона негодование. Однако порог переступил вовсе не он, а рыжая девчонка в платье горничной.

- Ой! – она попятилась, встретившись взглядом с лосихой, и промямлила. – Зверушка...

Та с трудом сдержала порыв осчастливить «гостью» знанием, что никакая она не зверушка. Вместо этого хмуро оглядела девчонку. Смазливенькая. Глазища серые, огромные, губки бантиком и ни одной веснушки, что весьма необычно для рыжеволосых. Наоборот, кожа белая-белая. Как молоко. А вот брови не понравились. Нахмуренные, да так, что на переносице видны морщинки.

- Ну, и где эта так называемая жена? – тем временем, поинтересовалась девчонка. Спросила не лосиху Лизетту, разумеется. А, скорее, саму себя. И каблучком притопнула. Мол, она тут всем покажет: и женам, и неучтенному зверью.

Первым делом нахалка распахнула дверь столовой. Никого не обнаружив, проследовала в спальню Лизетты. Та не рискнула отправиться следом, но явственно услышала, как звякнули хранящиеся в шкапулке украшения. Та-а-ак! Решили устроить примерку. Ну-ну! Сейчас кое-кто получит копытом в лоб!

В голове предостерегающе зазвучал голос лесного деда:

«Что выберешь, оборотень: смерть или шанс на благополучный исход?»

Лизетта закрыла глаза, призывая себя сохранять спокойствие. Нельзя копытом в лоб. Как и в другие части тела. Узнает герцог Винзур, выставит вон. Даже приказ императора не поможет. А им с муженьком надобно тут оставаться. Иначе плакал шанс на упомянутый «благополучный исход». А первый вариант ей ну никак не подходит.

Рыжая нахалка вновь появилась в поле зрения минут через пятнадцать. С шальной улыбкой на губах. Видно, примерка чужих украшений доставила немало удовольствия. Постояла, задумчиво глядя на лосиху. Пальчики нервно теребили прядь волос.

- Интересно, зачем эта дура провинциальная тебя сюда притащила? Ты, понятное дело, смиренная зверушка, но в чем смысл?

Лизетта явственно представила, как из ушей повалил дым. Черный дым!

Это она-то смиренная?!

Стоп! Провинциальная дура?! Ну, держись, рыжая!

Девчонка, не подозревая о готовящейся расправе, шагнула к спальне Огонька. Рывком распахнула дверь и...

От грохота и последующего за ним вопля заложило уши. Лизетта даже на расстоянии ощутила

волну жара. А незваной гостье досталось основательно. Причитая и ревя навзрыд, она терла покрывшееся сажей лицо, но лишь размазывала черноту. Волосы стояли дыбом. Не рыжие. Совсем нет. Темно-серые, с налетом пепла. Столкнешься с таким «чудищем», нервный тик заработаешь. Или заикание.

- Ты еще кто? - на пороге злосчастной спальни появилась Огонёк, сложив руки на груди.

Но вместо ответа получила лишь горестное «Уууууууу...»

- Кто тебя просил дверь открывать, а? Весь обряд испортила! - девчонка назидательно покачала головой и повернулась к Лизетте. - А ты почему не помешала?

- Дык я это... - выдала та, забывшись, и добила оглушительного визга горничной.

Еще бы! Где это видано, чтоб лосихи по-человечьи разговаривали?

- Ма-а-а-ама! - взвыла рыжая нахалка и ринулась к выходу.

Но и тут приключился казус. В виде очень «вовремя» вернувшегося Гастона. Поднос, что он держал в руках, со звоном приземлился на пол. А с ним и столь желанный завтрак-обед. Лизетте только и осталось с тоской взирать на стекающие по стене ручейки молока и соуса, пока муженек чертил в воздухе защитные знаки и судорожно повторял:

- Свят, свят, свят...

Задержался Гастон неспроста. По пути на кухню его останавливал каждый встречный, желая знать, каково жить со страшной, как все на свете черти, женой. Он только диву давался: откуда все так быстро узнали о женитьбе, а, главное, с чего вдруг приписали Лизетте уродство. Оказалось, Теодор постарался - старший братец светлости. Разболтал всему замку о «глупой ошибке» Гастона. Мол, решил выкрасть богатую наследницу, да перепутал замки и умыкнул дурнушку, которую родня подальше от людских глаз держала, дабы никого не пугать.

- Нет же, она симпатичная, герцог Теодор пошутить изволили, - только и делал, что твердил новоявленный супруг.

Увы, никто не верил. Парни похлопывали по плечу, девушки хихикали вслед. А личная горничная герцогини подарила снисходительную улыбку.

- Ну ты и опростоволохился, мальчик. Пожинай плоды. Теперь все служанки жаждут поквитаться за разбитое сердце Сабины.

- Но... - Гастон опешил. - Как же так?

- Это называется - женская солидарность, милый. Готовься к неприятностям. И супруге передай, пусть не рассчитывает на теплый прием. Надеюсь, она умеет сама укладывать волосы и приводить в порядок одежду. Запомни, ради госпожи Ла-Пьер здесь никто палец о палец не ударит.

Пришлось сжать зубы и смолчать. В голове промелькнула мысль, что это всё не к добру. Лизетта не обрадуется и, не ровен час, попытается добиться признания прав с боем. Тем более, личной горничной у нее нет. Хотя это и странно. Неужели, раньше всем занималась воспитательница Виолетта? В смысле, ведьма Клотильда? Вроде ж не по статусу...

На кухню Гастона не пустили. Погнали, едва увидели, зашикали хором, а Берта половником запустила. К счастью, промазала, но облегчения сие не принесло. Наоборот, заставило почувствовать себя беспомощным. С другой стороны, что тут поделаешь? Не врукопашную же сражаться с толпой разгневанных женщин. Покрутившись неподалеку от поля несостоявшегося боя, Гастон пошел на хитрость. Перехватил камердинера третьего герцогского отпрыска и по совместительству мужа одной из кухарок.

- Достань еды. И побольше. Я в долгу не останусь.

Тот замотал головой.

- Еще чего! Ты тут теперь всё равно, что прокаженный. Говорить с тобой - преступление. А уж ежели кто помогать вздумает, тому в жизни перед женской половиной замка не оправдаться. На месте проклянут. А у меня жена тут работает. Сам знаешь.

Гастон задохнулся от обиды. Значит, женская солидарность в наличии, а как до мужской дошло, так все умывают руки? Не пойдет!

- Вот именно - жена, - объявил он, готовясь нанести удар. Ниже пояса? Ну и пусть! - Как думаешь, она поступит, коли узнает, что бегаешь к помощнице садовника? Подозреваю, не только проклянет, но и покалечит. И не одним половником.

Камердинер побледнел, попятился.

- Ты так не поступишь.

- Еще как поступлю, - пообещал тот уверенно. - Мне, если не заметил, объявили войну. А на войне средствами не разбрасываются.

...Четверть часа спустя довольный собственной находчивостью Гастон заходил в апартаменты с подносом полным еды: куриным бульоном в супнице, кувшином молока, тарелками с рассыпчатой картошкой и запеченной бараниной, а еще свежими овощами, только утром собранными с грядки. Увы, всему этому добру не суждено было добраться до стола. Гастона чуть удар не хватил при виде чудища с черным лицом. Решил грешным делом, что это посланница упомянутого нищенкой «принца». Да и как, собственно, не решить, когда оно врывается в тебя и орет дурным голосом?

- Ну, спасибо тебе за обед, - протянула Лизетта, когда «чудовище» наградило муженька пощечиной и унеслось в неизвестном направлении.

- Что... что это бы-было? - спросил он, указывая трясущимся пальцем на дверь.

Лосиха фыркнула, но всё же ответила.

- Дык разлюбезная твоя. Кухаркина дочка. Неужто, не признал?

- Са-са-сабиина?

- А у тебя этих девиц толпы? Кстати, я ни при чем. Это она с Огоньком познакомилась.

- А нечего было обряд срывать! - возмутилась девочка и притопнула. Грозно. Аж искорки из-под босой ножки полетели. - Сама виновата, что дверь открыла. Она под защитой была.

Гастон качнулся и прислонился к стене. Закрыв лицо ладонями, чтобы не видеть гневного взгляда лесной девчонки и обиженного Лизеттино. А, впрочем, к чертям кухонным все эти взгляды. У него теперь проблемы посерьезней.

Принять Сабину за чудище? Ну, дела.....

Глава 10. Третий человек

- Не подавись, - посоветовала Лизетта, хмуро наблюдая, как Гастон уплетает жаркое из баранины, причем, глотает, почти не жуя.

Она сама поглощала пищу размеренно, беря ртом ломтики фруктов с тарелки. А чем еще есть? Копытами? До ночи-то далеко. Хорошо хоть посуду можно на стол поставить.

- Вкуснотища, - протянула Огонёк, причмокивая. - Как называется эта еда?

- Шоколадный торт, - пояснила Лизетта.

Поглядела на перепачканные кремом губы лесной девчонки, но оставила замечание при себе. Не стоит укорять того, кто обеспечил сытную трапезу и окончание объявленной поварами войны. Да, постаралась именно Огонёк. Услышав о приключившейся напасти, самолично отправилась на кухню и «объяснила» строптивым дамочкам, что держать голодными господина Ла-Пьера с женой, как и их магическую помощницу, нельзя. Наглядно объяснила, «организовав» воительницам свиные пяточки вместо носов.

- Что ж ты их целиком в свиней не превратила? - спросила Лизетта в шутку и получила неожиданный ответ.

- Я хотела. Не вышло. Тут моя магия слабее. Мы же далеко от леса. Расколдовать поварих сразу тоже не получается. Приходится по одной приглашать. Раз в два часа.

Лизетта хмыкнула. Вон оно что! Но это к лучшему. Пусть считают, что девчонка сразу не избавляет от пятачков в воспитательных целях. Чтоб надолго запомнили урок.

- А что за обряд ты проводила? - поинтересовался Гастон, наевшись до отвала.

- Медальон искала, - ответила девчонка, будто это само собой разумеющееся.

- Нашла?! - вскричали Гастон с Лизеттой в один голос.

Та насупилась. Отложила недоеденное яблоко.

- Нет. Мне же помещали. Да и сила здесь не та, я ж вам говорила. Но... - она смешно почесала нос, - медальон точно в замке. А еще с ним связан третий человек, который встретится нам нынче ночью. Да-да, мы отправимся исследовать территорию. Вместе.

Гастон не обрадовался, подозревая, что вылазка обернется очередной несуразностью, но вида не показал. Лизетта, наоборот, повеселела, «исследовать территорию» она любила. Компания, конечно, не шибко приятная, но это мелочи.

...Выдвинулись незадолго до полуночи. Могли бы и раньше, но пришлось ждать Гастона. Он покинул апартаменты со словами «я на полчаса», а пропадал раз в шесть-семь дольше. Вернулся с расцарапанной щекой, сказал, мол, оступился и врезался в стену. Но Лизетта заподозрила, что муженек «пообщался» с драгоценной Сабиной. Днем-то она унеслась быстрее ветра. До того, как возлюбленный вообще ее признал.

Так всё и было. Гастон долго нарезал круги возле женского жилого блока, где обитали незамужние служанки. Внутрь носа совать не смел. Заходить туда запрещалось строжайше. Любого нарушителя мигом изгоняли из замка Винзуров. Без права на второй шанс. Такое правило установила герцогиня, славящаяся пуританскими взглядами. Помогали ей «следить» за порядком две вездесущие тетушки из прислуги. Одна из них заметила Гастона и устроила разнос. Мол, как смеет он - женатый мужчина - разыскивать им же брошенную незамужнюю девицу?! Пришлось срочно уносить ноги.

На обратном пути Гастону таки повезло (точнее, совершенно не повезло) встретить Сабину с остатками черноты на щеках и Берту со свиным пятачком. Дамы аккуратно возвращались домой. Ох, и подняли они шум. Рыжеволосая прелестница расцарапала «гадкому предателю» лицо, а ее мать столь крепко вцепилась в черные вихры, что пришлось оставить в пальцах клочок волос, дабы вырваться.

В апартаменты Гастон вернулся расстроенный и униженный. С одним единственным желанием - забиться в угол и не казать оттуда носа. Но кого волнуют его хотения. Огонёк подпрыгивала от нетерпения, Лизетта облачилась в шикарное платье небесного цвета. Еще и бриллианты нацепила, будто не на прогулку по чужому замку собралась, а на самый настоящий бал. А может, просто жаждала напомнить Гастону его место. С женушки-принцессы станется.

Замок засыпал. Лишь в дни приемов и балов здесь бодрствовали до утра. Всё остальное время

герцогиня Винзур требовала придерживаться ею же установленного порядка – никакого шума после одиннадцати вечера. Слуги только радовались такому положению дел, ведь большинству приходилось вставать спозаранку. Сыновья терпели, пусть спать и не укладывались. Покидали замок и бедокурили в других местах. Герцог давно смирился с требованиями жены, но раннему сну предпочитал сидение в библиотеке с книгой и бутылкой вина.

Гастон сильно сомневался, что им встретится кто-то на пути. Не то, что третий человек, но даже первые двое. Прошло уже минут пятнадцать, а вокруг не наблюдалось ни единой живой души. Впрочем, шли они крайне медленно. Из-за Огонька. Девчонка то и дело останавливалась, прислушивалась к звукам, доступным ей одной, или вглядывалась в ничем непримечательные стены, будто таинственные узоры рассматривала. Гастон хмурился. И чего топтаться на месте? Он бы предпочел вернуться и завалиться на боковую. День выдался суетный.

- Как думаешь, если мы каким-то чудом отыщем эти медальоны, лесные отвяжутся? – шепотом спросил Гастон Лизетту. Покосился на Огонька, но она не услышала. Внимательно изучала портрет кого-то из предков Винзуров. Чем ее привлек худосочный мужчина в старомодной шляпе с пером, поди пойми.

- Найдем мы их, как же, – прошипела Лизетта под нос, а сама недобрым словом вспомнила ведьму Клотильду.

Она ничего не сказала о тайном «посещении» мужу и лесной девчонке. У этих двоих свои секреты. Огонёк вообще ничем толком не делится, не сотрудничество, а недоразумение сплошное. Супруг же только и думает, как с ненаглядной кухаркиной дочкой помириться. Плевать ему на всё остальное. Значит, и она имеет право переживать только о себе. Всё равно пока ни одной побрякушки не найдено. Вот когда появится в распоряжении необходимый ведьме медальон истины, тогда и придет время решение принимать – соглашаться на Клотильдино предложение или мужу в обмане признаваться.

- Хочу такую шапку, – оповестила спутников Огонёк, указывая пальчиком на портрет.

- Найдем, – пообещала Лизетта.

Предпочла не разубеждать девчонку, что головной убор давно вышел из моды, и вообще ни разу не девичий. Пусть хоть горшок напялит, лишь бы деду лесному не нажаловалась.

- Вот, незадача, – проворчал Гастон под нос, когда на исходе часа «прогулки» в коридоре показалась фигура «первого человека». Женская фигура.

Главную местную сплетницу – незамужнюю служанку Полли – он признал издали, ибо двигалась та вовсе не как трепетная лань, а скорее, походка напоминала грузную медвежью. Отлично! Теперь все узнают, что он с «семейством» бродил по замку среди ночи. Мало им чужого любопытства. Теперь у всех появятся новые вопросы.

Однако встреча пошла вовсе не по сценарию.

- Ой! – выдала Полли, подойдя ближе.

Удивилась она не поздней прогулке, а внешнему облику Лизетты. Как и все вокруг, наслушалась сплетен о женитьбе Гастона на дурнушке, а столкнулась с девушкой, никак не похожей на ту, что описывал в красках Теодор Винзур.

- Вы кто? – спросила она на всякий случай. Вдруг новоявленный муж притащил в замок любовницу.

- Жена моя, – ответил Гастон строго. – Лизетта Ла-Пьер.

Полли еще раз оглядела девушку, будто опасалась, что та на глазах превратится из красавицы в чудовище, и поинтересовалась, прищурившись:

- А что ж вы по ночам-то бродите? Порядки не знаете?

- Так Огонёк решила – девочка лесная, – бросила Лизетта свысока. – А ее желание – закон. С ней даже мой опекун – император – не спорит. Иначе прекратит она мое обучение колдовскому ремеслу.

Глаза Полли сильнее округлились, что сделало ее похожей на встревоженную сову.

- Император? О-о-о-опекун?

- Угу. Мой отец был ему, как брат. Поэтому ко мне Его величество относится, как к дочери. Как к старшей дочери, – Лизетта хищно улыбнулась. Фраза неожиданно доставила удовольствие. Пусть все знают, что она не чужая правителю. Надоело ходить в сиротках.

- А разве колдунами не рождаются? – с придыханием задала Полли следующий вопрос. – Говорят, коли ты появился на свет человеком, им и останешься. А к колдовству ну никак не способен.

- Так для этого не обязательно у магов рождаться, - бросила Лизетта небрежно. – Главное, знать заклинания и зелья особенные готовить научиться. И тогда не хуже лесных начнешь любопытные носы в пяточки превращать. Но это наука не для всех. В ученики лесные только избранных берут. Таких, как я.

Полли нелепо открыла рот, а потом выдала скороговоркой «ну, и славно», и бочком капитулировала прочь. В смысле, до ближайшей развилки, чтобы скрыться от внимательно следящих за ней трех пар глаз.

- Лихо ты ее, - уважительно протянул Гастон.

Лизетта пожала плечами. Мол, невелико искусство – ставить на место недалеких тёток.

...«Второй человек» появился еще часа через полтора, когда Гастон откровенно зевал, а супруга плелась позади, бурча под нос. Огонёк не обращала на отсутствие энтузиазма внимание. Шлепала босыми ногами по начищенному до блеска полу и крутила головой, изучая всё и вся. Сначала скрипнула дверь, затем раздался собачий лай, а следом грозный окрик, приказывающий замолчать.

«Герцог!» - промелькнуло в голове Гастона. Вышел из библиотеки в компании любимого охотничьего пса Георга.

И это было странно. Не появление хозяина с собакой, вовсе нет. Наоборот, шанс встретить господина, засиживающегося допоздна, значительно превышал все остальные. Однако Гастон считал, что Его светлость окажется тем самым «третьим человеком». Кому еще, как не герцогу Винзуру – любителю путешествовать по «заграницам», прятать ценный чужеземный магический медальон.

Но вот, поди ж ты...

- Так-так, - протянул герцог, заметив троицу. – Не сидится вам в спальне.

- Вы ж сами сказали, днем не появляться, - ответила Лизетта ворчливо. – А когда мне выходить-то? Да и Огонёк скучает. Захотелось ей погулять.

Герцог скривился.

- Хочешь сказать, что она сегодня мало развлеклась? Мы едва без ужина не остались из-за выходки сумасбродной девчонки.

- А мы без завтрака и обеда. И не едва, а по-настоящему.

Лизетта и герцог сердито взирали друг на друга, вот-вот искры полетят. Гастон предпочитал помалкивать. И так со всех сторон виноват. Зато пес Георг, последние минуты подозрительно принюхивавшийся, вновь громко залаял. На Лизетту. Да так, что она подскочила. Лосиный запах-то не выветрился до конца, а собака охотничья.

- Тихо! – приказал герцог псу и погрозил пальцем Гастону. – Заканчивайте эти ночные бдения. По ночам жену улаживать положено, а не выгуливать. Понял?

- Угу, - буркнул тот, отводя взгляд.

А сам подумал: «Ублажать? Да ни в жизнь!»

Щеки Лизетты и вовсе покраснелись от смущения и негодования, что не укрылось от пристального герцогского взгляда.

- Тьфу! – не выдержал он и махнул рукой. Мол, что с этой парочки взять...

Прогулка продолжилась, а Гастон крепко задумался. Не о словах герцога о совместных ночах с фиктивной женой, а о нем самом. Что же получается: единственный подходящий кандидат в хранители медальона ни сном, ни духом? Но если не он, то кто? Не сыновья же, в самом деле. А, может, жена? Женщины – они такие, умеют и секреты хранить, и интриги хитроумные плести. Почтище мужиков. Вон ведьма Клотильда годами самого императора за нос водила, притворяясь Лизеттиной воспитательницей.

...Время шло и шло, а третий встречный как сквозь землю провалился. Ну, или сквозь пол. В конце концов, бродить по замку подустала даже Огонёк. Плюхнулась на диванчик в главной гостиной. Гастон с Лизеттой устроились в креслах. Оба невольно посмотрели в сторону окна. Ночное небо посерело, готовясь распрощаться с мрачными оттенками и поприветствовать зарю. Все шло к тому,

что треклятый третий окажется не полуночником, а самой ранней пташкой в замке.

- Хочу побывать на ярмарке, - неожиданно объявила Огонёк. - Наши, кто в городах жил, говорят, там весело. Много сладостей и эти... как их...на которых дети крутятся.

- Карусели, - подсказал Гастон.

- Ага. Они самые. Хочу.

- Сходим. Завтра. Ярмарки только по воскресеньям устраивают.

Огонёк расцвела от радости и предвкушения. Пусть и лесная девчонка, но ребенок - везде ребенок. А Лизетта приуныла. Ей-то придется в апартаментах торчать. Кто ж корову или дракона на ярмарку пустит, а по ночам та не работает. Ох, что бы такого потребовать в качестве компенсации за вынужденное одиночество?

- Шшшшш, - Гастон приложил палец к губам, прежде чем жене пришла хоть одна дельная мысль. - Кто-то идёт.

Он не ошибся. Да только появление этого «кого-то» чуть не довело до удара. Ну, или, как минимум, заикания. «Третий человек» вошел в гостиную уверенной походкой. Почти хозяйской. Он имел на то право. Да, замок принадлежал не ему, но когда ты командуешь огромным штатом прислуги, то и ведешь себя как персона важная и влиятельная.

- О-о-отец? - пробормотал Гастон и замолчал. Утратил дар речи. Полностью. И, кажется, впервые в жизни.

Уильям Ла-Пьер глянул на сына и компанию без тени удивления. Скорее, с досадой. Особенно прожигающий взгляд достался Лизетте. Не спасли положение ни человеческий облик, ни привлекательная внешность. Он ничего не сказал. Поджал губы и ушел, звеня связкой ключей. Отправился отпирать закрытые на ночь двери. Предпочел выполнение обязанностей общению с молодыми родственниками и их маленькой «помощницей».

«Безумие», - пронеслось в голове Гастона.

Отец попросту не мог быть хранителем магического медальона. С какой стати?

С другой стороны, это открытие - не самое безумное за последние дни...

Гастон шел по замку и не мог отделаться от мысли, что за последние часы стряслось нечто важное, касающееся лично его. А как еще объяснить, что все пялятся и хихикают, будто у него рога выросли. Гораздо оригинальней, чем приходилось наблюдать у Лизетты.

- В чем дело? - спросил он грозно младшего лакея - совсем мальчишку, когда тот выпучил глаза, став похожим на лягушонка.

Лакей испуганно пискнул и припустился прочь, сверкая стоптанными подошвами.

Гастон только выругался под нос и отправился дальше - матушку разыскивать. Для разговора важного, хотя и сильно сомневался, что из затей выйдет что-то путное.

Это все Лизетта с Огоньком придумали! После того, как все трое вернулись в апартаменты и переругались в пух и прах. Не устроило девиц, видите ли, что Гастон отказался спрашивать отца о медальоне. А кто бы согласился? Батюшка из него одной левой дух выбьет, коли посмеет задать столь важный вопрос в лоб. Так Гастон и сказал жене, мол, коли она на тот свет торопится, можно и рискнуть. Девицы впечатлились. Подумали-подумали и решили, что безопаснее приняться за матушку. Во второй половине дня, разумеется. Глупо заниматься серьезным делом после бессонной ночи. Надобно выспаться и силы восстановить.

Вот он теперь - спустя проведенные на диване часы - и шел. Правда, сам плохо представлял, с какой стороны подступиться к заданию...

...Инецца Ла-Пьер - экономка Винзуров и матушка Гастона нашлась в общей комнате для прислуги, что располагалась недалеко от кухни на цокольном этаже. Господа уже отужинали, и экономка занялась отложенными на вечер делами: сидела за столом в очках и внимательно изучала хозяйственную книгу, куда вносились все расходы. Гастон обожал наблюдать за матерью в подобные моменты: за чтением книг, разбором бумаг или составлением писем. На ее лбу появлялась глубокая вертикальная морщинка, но она не портила смуглое лицо, а делало его мудрее.

Мать почувствовала взгляд. Посмотрела на сына и недовольно вздохнула.

- Явился, - проворчала, закрывая книгу. - И хватило наглости.

Обида вновь закопошилась внутри напоподобие зверька с когтистыми лапками. Ладно, отец. Что взять с мужчины, привыкшего раздавать распоряжение направо и налево. Но разве женщине не полагается испытывать сочувствие? И вообще - подбодрить младшего отпрыска? Родная кровь всё-таки.

- Я... я... поговорить хотел. Об отце.

- Само собой. Но не надейся, что замолвлю за тебя словечко.

- Не об этом речь. Я хотел...

- Твои хотения больше никого не интересуют, - перебила мать раздраженно, чего обычно за ней не водилось. Она умела говорить строго, но всегда делала это без эмоций. - Ты уничтожил свое будущее. Будущее, ради которого мы с отцом столько старались!

Терпение Гастона лопнуло. Сколько можно выслушивать претензии и упреки? Причем, сразу со всех сторон.

- Вы оба так говорите, будто принесли жертву, и не одну, ради моего рождения и воспитания! Я же не...

Он осекся, заметив, как мать изменилась в лице. Вместо ожидаемого гнева на нем промелькнул страх. Но почему?!

- Вы с отцом что-то скрываете? - спросил Гастон прямо.

- Не мели чепухи! - велела мать, взяв себя в руки. - Уйди с глаз моих! Иначе...

Однако сыну не довелось узнать, чем именно планировала пригрозить разгневанная родительница. В комнату вошли два лакея, поминая не добрыми словами характеры братьев Винзуров, и она принялась за них.

- Сколько раз вам говорено: нельзя обсуждать господ! Вам невероятно повезло. Вы работаете на известнейшую в Алмании и за ее пределами семью, а смеете злословить. Ох, узнает господин Ла-Пьер, погонит обоих в шею.

Парни побледнели. Все знали грозный характер дворецкого. Мало того, что выставит, еще и обеспечит попадание в «черный список», и больше никто в столице на работу не возьмет. Разве что за коровами и свиньями убирать. Оба молитвенно сложили руки, надеясь убедить экономку не выдавать их мужу, а Гастон предпочел ретироваться бочком. Всё равно разговора не получится. Но не вышло. В дверях он столкнулся с бородатым конюхом Фредди - настоящей местной «достопримечательностью», коей слыл благодаря огромному росту. А вот умом боги его обделили, что он в очередной раз и доказал.

- А, это ты, Гастон, - расплылся Фредди в бестолковой улыбке и добавил, совершенно не подумав, что открывает рот при взбешенной экономке. - Как твоя жenuшка? Рогами еще не покалечила? Иль копытами?

В комнате повисла опасная тишина. Не считая звука удара. Это Гастон попятился и врезался спиной в стену.

- В с-с-смысле? - спросил он хрипло.

- Дык это... все только и болтают. О жене-корове. То бишь, оборотне. Утром Полли всем рассказала, что герцог Теодор всех того... обдурил. Никакая твоя корова...э-э-э... жена - не уродина, а очень даже ничего. А тут Арнольд... ну, камердинер герцога Себастьяна и выдал, мол, она только по ночам красавица. А днем того... копытами прикладывает любит. То-то вы с Его светлостью на дереве сидели весь день.

Голова Гастона пошла кругом. Все знают?! Знают?!

Арнольд совсем сдурел? Иль пил всю ночь, да так, что к утру не протрезвел? Наверняка! Чем ему еще заниматься, коли господин в покоях заперт! Тьфу!

- А родит-то она тебе кого: теленка или жеребенка?

Фредди совершил огромную ошибку, заговорив в подобном тоне о следующем поколении Ла-Пьеров в присутствии Инессы. Если до сего момента она слушала бездарную болтовню конюха, вытаращив глаза и не произнося не единого звука (из-за шока, не иначе), то теперь ее прорвало. Во всех смыслах. Сначала в Фредди полетела хозяйственная книга, затем тяжелые мужские сапоги,

обмазанные кремом и оставленные сушиться у стены. А потом... и сама госпожа Ла-Пьер. В смысле, не полетела, конечно же, а накинулась с кулаками, приговаривая:

- Я тебе покажу теленка и корову! Договорись у меня, бездарь никчемный!

Несмотря на внушительный рост и сильные накаченные руки, Фредди не смел защищаться, а ведь мог приложить всего единожды и запросто б вышиб из экономки дух. Однако даже его скудного ума хватало, чтобы осознавать последствия подобного действия. Ладно, тюрьма. Сначала придется иметь дело с дворецким. А тот, поговаривали, мог и сам любого порешить сгоряча.

- Дык я ж не со зла, - пытался оправдаться конюх под нос, но это мычание ни на что не влияло. Все понимали, что экономка не успокоится, пока пар не выпустит.

Понимали и предпочли воспользоваться ситуацией. И спешно выскользнувшие за дверь лакеи, и сам Гастон. Всё равно до появления Фредди уходить собирался.

- Идиоты! Кругом одни идиоты! - неся вслед матушкин голос.

Гастон в кое-то веке был с нею согласен. И, правда, одни идиоты. Что конюх, что камердинер светлости. Да и сам светлость недалеко ушел от Арнольда. Если б не его памятный галоп, не оказались бы они в глуши и не встретились с Лизеттой.

Ох, Лизетта...

Взбеленится ведь, как услышит новости. Промолчать? Нет, глупо. Всё равно рано или поздно узнает, и ему влетит за скрытность. А может, наоборот, не откладывать неприятный разговор? Солнце село, и женошке полагалось уже превратиться в себя любимую. Пусть уж лучше в человеческом обличье беснуется, глядишь, к утру куда меньше прыти останется на копытные, рогатые или огнедышащие подвиги. Гастон мимоходом глянул в окно - на розово-фиолетовое небо. Решено. Поговорит с Лизеттой сейчас. Да, ночка ему опять предстоит беспокойная. Но всё лучше, чем завтра за злым драконом по всему замку гоняться. Или... хм... от него удирать...

В апартаменты Гастон вошел полный решимости. Вошел и... споткнулся от неожиданности. В паре метров от порога лежала Огонёк, положив ладошки под голову, и сладко посапывала.

- Эй! - Гастон склонился над девчонкой. - Вставай. Не дело на полу укладываться. Ты не в лесу. Ты слы-слы-слы...

Он беспокойно принюхался и выругался, хлопнув себя по коленке.

Сонное зелье! О, да! Гастон отлично знал его терпкий ягодный аромат. Они со светлостью годами опаивали этим снадобьем няnek и камердинеров, чтобы бедокурить без помех. Вот только зачем кому-то понадобилось давать его Огоньку?

Стоп!

- Лизетта! - завопил Гастон и кинулся на розыски жены.

Увы, апартаменты пустовали. Драгоценной женошки и след простыл. Зато на столе вместе с недоеденным ужином нашлись два стакана с остатками злополучного снадобья...

Глава 11. Лучший товар

- Просыпайся! Огонёк, миленькая, ну же! Открой глаза!

Это была вторая попытка разбудить лесную девчонку. Тщетная, как и предыдущая. Но Гастон не знал, что еще предпринять, потому тряс и тряс маленькую помощницу. А как иначе? Лизетта исчезла. Коли с ней что-то случится, ему тоже не жить. Самому ее не найти, а приходится на выручку никто не намерен. Гастон это выяснил опытным путем. Успел и к родителям сбежать, и даже к герцогу Винзору. В смысле герцогу-отцу. Первые не пустили отпрыска на порог. Отец наградил очередной оплеухой, не дав вымолвить слова, и дверью перед носом хлопнул. А второй рассмеялся в лицо. Мол, чего паниковать, жена сама сбежала. Туда ей и дорога.

- Но император рассердится, когда узнает, - привел Гастон главный аргумент.

Увы, он ни пронял герцога. Совсем.

- Скорее, обрадуется. Ему осточертела история с оборотнем. Не случайно же вздорную девчонку за тебя - простолюдина - замуж отдал и руки умыл. А коли и рассердится император, то только для вида. Но это твоя проблема.

Посему Гастон вернулся в апартаменты и предпринял новую попытку разбудить Огонька. Но добился лишь невнятного бурчания и пинка в живот босой детской ногой. Ну да, неприятно. Но сам виноват. Следовало помнить о побочном эффекте сонного снадобья. Арнольд однажды так светлость лягнул, что тот в стену улетел и спину ушиб, да так, что на неделю забыл и о гулянках, и других развлечениях.

- Огонёк... Ох, Огонёк...

Гастон вытер вспотевший лоб рукавом и в сердцах ударил кулаком об пол.

- Не буйствуй, господин. Гневом делу не поможешь.

- Ох ты, нечистая, - Гастон отшатнулся прямо на пятой точке. - Хм... Или чистая...

На него укоризненно взирали блестящие глаза с серебристой лисьей морды.

- И это твоя благодарность? Хотя чего ожидать от невоспитанного мальчишки.

- Так ты реален? - спросил Гастон благоговейно. - Не мерещишься?

- Мерещатся черти. И те - с перепоя. А я порождение чистейшей магии. Являюсь на трезвую голову и исключительно по делу.

- Но как? В смысле, если ты - защитник, то почему объявился сейчас, а не раньше - в моем детстве? Или ж тебя только сейчас мне выделили? Но разве такое возможно?

Лис закатил глаза.

- Разве нынче об этом надобно спрашивать?

Гастон торопливо поднялся.

- Нет. Конечно же, нет. Лизетта! Ты знаешь, где она?

Но чудо-зверушка отрицательно качнула головой.

- Я не могу находиться подле тебя постоянно. Нельзя мне. Да и при девчонке опасно. Люди меня не видят, а лесной народ способен почувствовать. Не хватало еще, чтоб она деду донесла. Новых хлопот с женой не оберетесь.

Гастон сосредоточенно слушал, но в душу закралось подозрение. Что значит «нельзя»? В смысле, не положено лису помогать? Тогда с какого перепуга является? Уж не происки ли ведьмы Клотильды очередные? Создала лже-защитника и следит исподтишка. А Огоньку лис не показывается вовсе не из-за деда, а потому что девочка легко распознает обман.

- Оставь ребенка. Не проснется, пока действие зелья не закончится. За Лизетту не беспокойся. Пока. Раз на столе два стакана, значит, тоже спит. Хотели бы убить, здесь бы прикончили. А коли с собой потащили, стало быть, надобность некая имеется.

Гастон почесал затылок. Дело лис говорит. Сообразительный достался. Это хорошо. Даже если он и от Клотильды пожаловал, какая печаль? Ведьме Лизетта для чего-то тоже нужна. И явно живая.

- Так какой у нас план?

- У нас? – зверушка одарила очередным взглядом. На этот раз снисходительным. – А я причем? Твоя жена, вот план и придумывай. Тебе голова для чего дана? От батюшки подзатыльники получать? Иль чтоб для светлости развлечения сочинять?

- Э-э-э... - Гастон растерялся.

Ну, лис! Именно что лис! Хитрая морда! Смысл тогда объявляться, коли помогать не намерен. Помощников в последнее время развелось. Да толку-то? Одна дрыхнет, другой в остроумии упражняется. И Лизетта хороша! Только страшать умеет рогами и копытами. А на деле второй раз становится жертвой похищения. А ему опять выручать!

- Думай! – повторил лис сурово. – Не стой, как пень.

- Полагаешь, на ходу лучше думается? – огрызнулся Гастон и охнул.

Лже-помощничек махнул хвостом, и кожу на спине обожгло, будто невидимый кнут хлестнул.

- За языком следи, - посоветовал лис. Печально вздохнул и смилостивился. – Напряги мозги хоть чуть-чуть. Лизетта с девчонкой ничего бы не выпили против воли. Значит...

- Снадобье подмешали в питье. Если ты незнаком с запахом, запросто примешь за компот. Это яснее ясного.

- Ну-ну, - бросил лис и задал новый вопрос: - А как подмешали? Полагаешь, твои девицы впустили бы незнакомца на порог.

- Нет, конечно. Подмешали на кухне. А, значит... значит... Вот, черти поварские! Они решили отомстить Огоньку за свиные пяточки!

- Угу, и украли твою жену.

- Э-э-э... - Гастон развел руками, мол, поспешил с выводами, с кем не бывает? – Значит, навредить хотят Лизетте. Но кто? Не Сабина с Бертой, в самом деле? Или...

Он осекся и несчастно посмотрел на лиса.

Нет, только не Сабина. Не могла она – прелестница златовласая - пойти на злодеяние. Она же кроткая и мягкая, как трепетная лань и лесная птаха.

- До кухарки и ее дочки тебе пока не добраться. Но сидеть и ждать до утра глупо. Ты ведь знаешь способ поиска людей. Точнее...

- Знаю тех, кто умеет искать, - проворчал Гастон, вспомнив знакомую ведьму, у которой порошок невидимости в карты выиграл. Она еще как умела разыскивать пропажи, в том числе и живые. Но требовала за это немало.

- Придется отдать все запасы. Всё, что у меня есть.

Лис повторно махнул хвостом, и Гастон взвыл от боли. На этот раз обожгло, как раскаленным железом. И не только спину, но и ту часть тела, что пониже.

- Твои запасы дороже жизни?

- Нет.

- Тогда действуй. Я к тебе позже наведуось – узнать, как продвигаются дела.

Гастон не любил ночную столицу. Днём всё кругом чинно и благородно, люди вежливы, дарят улыбки. Редко кто нагрубит даже в бедных кварталах с покосившимися лачугами. Но едва на город покрывалом опускалась тьма, спокойными и безопасными оставались лишь ближайшие к императорскому дворцу кварталы. Их тщательно охраняли и любого, кто посмел бы нарушить порядок, закрывали в темнице навечно. Во всех остальных местах стоило держать ухо востро, чтобы не лишиться кошелька, а то и самого ценного – жизни.

Гастон знал, что его не тронут. Братья Винзуры хорошо платили ночному повелителю города – одноглазому Вилли, чтобы развлекаться без помех. Во время прогулок и они сами, и их сопровождающие носили «знаки отличия» - невидимые обычному глазу повязки на руках. Зато члены шайки Вили отлично распознавали такие, благодаря ведьмовской магии. Да-да, на Вилли

работало немало ведьм. В том числе, и Бригитта – та, которую Гастон сегодня искал.

Он поймал хмурый взгляд громилы с длинными патлами. Тот заметил спасительную повязку и отвернулся, признав право парня свободно передвигаться по городу, и всё же Гастон не чувствовал себя в безопасности. Столь нелюбимая ночная столица всегда вызывала желание забиться в укромный уголок и просидеть там до утра. Он и со светлостью предпочитал развлекаться в дневное или вечернее время, а к ночи возвращаться в замок. Себе Гастон это объяснял вовсе не трусостью. Он не боялся громил как таковых, тревожила сама ночная тьма.

Вот и нужная улочка. Петляет между мрачных одноэтажных домов с зашторенными окнами. На первый взгляд, внутри все спят. Но это на первый взгляд. Большинство строений – обманки. Там никто не живет. Настоящее «действие» происходит под землей – в подвалах, соединенных тайными ходами. Там торгуют запрещенными иноземными товарами, играют в карты по-крупному, иногда даже на жизнь, и предлагают еще массу сомнительных развлечений.

Там – внизу – работает и Бригитта, творит запрещенное ведьмовство, такое, за которое и сама ведьма, и клиенты могут отправиться в темницу до конца дней. С другой стороны, клиенты не шибко боятся подобной кары. К Бригитте приходят исключительно по особой нужде, и коли она случилась, уже никакие подземелья не страшны. Гастон слышал, что ведьма умеет решать многие проблемы, даже смертельно больных на ноги поднимает. Это вам не ерунда, вроде «вернуть любимого» или «отвратить отца семейства от стола игрального». С такими задачами и ведьмы послабее Бригитты справятся. А вот поиск людей далеко не каждой под силу. Это особое умение.

Гастон приготовился к трудному разговору, дав себе обещание не спорить и соглашаться на любые условия старой чертовки, однако на подходе к ее логову поджидал неприятный сюрприз. Дверь подземной комнаты оказалась не просто заперта, а наглухо заколочена.

- Шел бы отсюда, парень.

Из коморки напротив выглянула низкорослая тетка с огненно-рыжими волосами, перехваченными косынкой.

- Дык мне Бригитта нужна. Срочно. Где она теперь принимает?

Тетка замахала руками.

- Нигде не принимает. Нету Бригитты. Убили.

- Уби-би... Что?!

Почудилось, каменный пол под ногами разломился, открыв дорогу в преисподнюю.

Проклятье! Бригитта – лучшая в своем деле. В смысле, была лучшей. Где теперь замену искать? К таким ведьмам просто так не явишься. Первую встречу через знакомых назначают. Или через одноглазого Вилли.

- За что ж ее? Клиенты недовольные? Или конкуренты? – спросил он, скорее, из вежливости, нежели из интереса или сострадания.

Конечно, в глубине души Гастон сочувствовал Бригитте. Он же не чудовище, неспособное испытывать человеческие эмоции, а думающее только о собственной шкуре. Но дела обстояли так, что они с Лизеттой рисковали отправиться следом за старой ведьмой. Некогда, знаете ли, сопли распускать.

- Может, и конкуренты, – поведала тетка зловещим шепотом. – Утром проникли. Через двери запертые. После восхода солнца, когда тут все дела закончились. Порешили Бригитту – шею свернули. И надпись на стене оставили.

- Какую надпись? – спросил Гастон.

На этот раз не ради поддержания разговора или праздного любопытства. Накрыло предчувствие и ощущение неотвратимости беды.

- «Черный принц вышел на охоту». Во!

Вот теперь пол, и правда, качнулся. Или это сам Гастон потерял равновесие?

Черный принц?! Тот самый, о котором предупреждала нищенка?! Да идите вы болотом...

- Эй, парень, ты чего?

Тетка нависла над ним, выпучив глаза, и он осознал, что сидит, прислонившись спиной к сырой

стене, а по лицу ручьями бежит ледяной пот.

- Ох, ну и страсти рассказываете. Черный принц? Брррррр...

- Дык у самой поджилки трясутся. Всё думаю, вдруг убивцы эти вернутся. Но куда деваться? Работать надобно. От Вилли не уйдешь. Он и сам, как... не принц, конечно, но очень даже черен.

Гастон закивал, мол, полностью согласен с выводами тетки, а она задумчиво потерла лоб.

- Слушай, у Бригитты раньше помощница была. Карой звать. Давно уж сама работает, но старуху навещала. Я слышала, она многое у нее переняла. Обратись к ней.

- Кара? – переспросил Гастон удивленно.

Странно. Прежде он ни разу не слышал ни о какой помощнице ведьмы. И вообще о ком-то с умениями Бригитты. Уж не ловушка ли? Но в чем смысл?

- Ладно, - пробормотал он, скрепя сердце. - Говори адрес.

- Монетку-то дашь? – тетка прищурилась.

- А то, - Гастон полез в карман, надеясь, что именно в этом и заключается выгода странной собеседницы.

Искать пришлось недолго. Всего пару кварталов пешком, и вот описанный рыжей теткой дом – с красными воротами и вывеской: «Потомственная чародейка Кара». И как он раньше не замечал. Столько раз проходили здесь со светлостью, держа путь в тайный, но невероятно популярный кабак. Может, эта Кара недавно тут «заведение» открыла?

Гастон ударил в молоточек на калитке. Открыла темноволосая девушка с глазами синими, как сапфиры.

- Кара? – уточнил он, поежившись. Что-то знакомое почудилось в ее облике.

- Нет. Я Дина, дочка чародейки. И ученица. Проходи, коли явился. Не стой на пороге. Иначе удачу спугнешь нерешительностью.

Гастон выругался про себя. Сплошные суеверия! Тьфу! Однако внутрь зашел. Дело-то важное. И срочное.

Чародейка поджидала за столом в комнатухе, где горела всего одна свеча. Но, несмотря на темноту, Гастон легко разглядел сходство двух женщин. Однозначно родственницы. Разве что у второй морщинки и взгляд усталый, а так за сестричек бы сошли. Кара посмотрела ему в глаза, и пробрало насквозь. Аж дыхание остановилось. Странное чувство. И не поймешь, в чем дело. Радостно и страшно одновременно.

- Садись, - велела чародейка, указывая на стул напротив. – И рассказывай.

Гастона по-прежнему одолевали сомнения, но едва он сел, слова сами полились, словно быстрая речушка.

- Жену у меня похитили. Усыпили и похитили. Возможно, моя возлюбленная. Или ее мать. А, может, и вместе. Найти надо. Срочно. Мы заколдованы. Если Лизетта погибнет, то и мне не жить. И вообще, она хоть упрямая и вздорная, но все равно жалко девчонку. Ей и так в жизни не повезло, а семья сплывила подальше, потому что не такая, как все.

Синие глаза чародейки блеснули, и Гастону почудилось, что увидел в них отражение пламени.

- Возлюбленная похитила, говоришь? Что ж так мягко? Надо называть вещи своими именами. Не упрощай ситуацию благозвучными словами. Любовница, так любовница.

- Нет-нет, - запротестовал он. – Я к Сабине и пальцем не прикасался. Клянусь! Целовались только. Я ж жениться на ней хотел. А пришлось на Лизетте. Сабина рассердилась и...

- Занялась вредительством, - подсказала чародейка.

Гастон хотел, было, возразить, мол, его рыжая красавица не такая. Но не издал ни звука. Глупо возражать, слыша правду, пусть и неприятную.

- Хорошо, помогу я тебе жену разыскать, - проговорила Кара, постукивая длинными ногтями по

столу. – Но не бесплатно, разумеется.

- Просите, что угодно, - отозвался Гастон, предчувствуя, что цена ожидается высокая. И расчет предстоит не в деньгах...

- Просто ответь на вопрос. Какую сделку ты заключил с лесным народом?

- Э-э-э.... - Гастон чуть со стула не грохнулся.

Вот так новости! Чародейка в курсе тайны?! Но как?!

- Да-да, мне ведомо о вашем общении. На тебе особая печать, невидимая обычным людям.

- Но... но... мне запретили рассказывать.

- Само собой, - усмехнулась Кара. - И тебе решать, стоит ли нарушать распоряжение. С другой стороны, коли быстро не отыщешь жену, беспокоиться о гнев лесных уже не придется. Покойникам никакие маги не страшны.

- Тьфу! - не удержался Гастон.

Как же все достали! А ему еще ссылка казалась наказанием!

- Веди себя прилично, - чародейка погрозила пальцем. - Ты взрослый человек, а не мальчишка неразумный. Ну, и каково твое решение?

- Ладно, - он смирился с неизбежным. Деду лесному еще узнать о нарушении надобно, а вот отправка на тот свет – угроза вполне реальная. – Лесные жаждут заполучить три медальона: истины, удачи и власти. Считают, что мы с женой способны их разыскать.

Он ожидал, какой угодно реакции: любопытства, изумления и даже алчного желания заполучить магические вещицы. Но никак не ярости.

- Глупцы! - прорычала Кара и ударила ладонью по столу.

Аж свеча подпрыгнула. Хорошо, что у Гастона реакция отменная, успел подхватить, иначе без пожара б не обошлось. Горячий воск обжег руку, но это мелочи. Из-за светлости всю жизнь приходилось синяки собирать.

- Послушай меня очень внимательно, - зашептала чародейка проникновенно. - Ни при каких обстоятельствах не отдавай медальоны лесным. Слышишь? Ни за что!

Гастон закатил глаза.

- Угу, не отдавай лесным. А кому? Вам что ли? Меня ж дед-коротышка на расстоянии ужокошит, ежели не подчинюсь. И вообще, поди найди эти побрякушки. Наши с Лизеттой умения явно переоценили.

- Это ты себя недооцениваешь, бестолочь. Медальоны найдешь, не сомневайся. Что с ними делать, сам поймешь, а мне они даром не нужны. Как от лесных защититься, я научу, когда время придет. А пока хватит головой мотать, - пресекла чародейка очередную попытку Гастона возразить. - Принес личную вещь жены?

Он кивнул и достал из кармана гребень Лизетты. Что произойдет дальше, прекрасно знал. Видел, как Бригитта использует заклинание поиска. Однажды светлость так напился, что вручил кому-то из девок трактирных фамильный перстень, отцом подаренный. Пришлось к ведьме идти за помощью, дабы «пропажу» разыскать и избежать праведного гнева старшего герцога Винзура. Повезло светлости, что «часть» одежды той девицы в кармане обнаружилась. Бригитте труда не оставило зачаровать эту самую «часть» для поиска. Гастон отлично помнил, как засияла она в руках старухи, а потом привела к новой обладательнице перстня. И очень вовремя. Та как раз собиралась продать герцогскую собственность.

Вот и теперь гребень засверкал всеми цветами радуги, осветив лицо КАРЫ. Гастон снова встревожился. Он точно видел эту женщину раньше. Но где? Когда? Точно не с Бригиттой. Та всегда принимала клиентов в одиночку. Спросить? Нет, не стоит. А то еще отменит колдовство, и тогда прощайся и с вздорной женошкой, и с жизнью. Рано или поздно воспоминание само придет.

- Держи, - чародейка протянула погасший гребень. - Как работает, знаешь?

- Ага. Чем ближе к Лизетте, тем он горячее.

- Тогда не тяни время. Ступай. Дина тебя проводит.

Гастон удивленно приподнял брови.

- А как же плата? Неужели, достаточно рассказа о сделке с лесными?

- Недостаточно, - бросила чародейка хмуро. - Позже со мной рассчитаешься. Это не последняя наша встреча...

...Воспоминание пришло, когда Гастон отошел от дома Кары на полквартила. Явилось вспышкой молнии. Да такой, что всё вокруг погасло, остался лишь образ из недавнего сна.

«Что же ты наделал! Что наделал! Как нам теперь быть?»

Темноволосая женщина трясла его за плечи и все повторяла эти слова, чуть не плача от обиды и отчаянья.

Вот, черти! Все черти на свете! Это же Кара! Только моложе лет на двадцать!

Но... но... с чего ей вдруг являться во сне? Или не сон это вовсе, а забытая быль?

Гастон развернулся и бросился назад - к жилищу чародейки. Плевать на последствия. Пусть объясняет, что и как. Увы, его ждало разочарование. И дом, и скрывающие его красные ворота исчезли. На их месте простирался поросший бурьяном пустырь. Будто не десять минут прошло, а много лет. В кармане внезапно потеплело. Гастон сунул руку за Лизеттиным гребнем, однако извлек кое-что иное: медальон со струящейся цепочкой и буквой «У» в самой середине.

В ушах зазвучал голос Кары:

«Не оплошай снова, мальчик...»

Лизетта проснулась от боли. Не от привычной предутренней ломоты в теле, а именно от боли. Застонала, попыталась встать, но... копыта лишь чиркнули по воздуху.

- Ммммммм... - выдала она, хотя собиралась сказать совсем иное, а именно поинтересоваться, какого лешего происходит.

Собралась с силами, и...

- Ммммммм! - возмутилась Лизетта, ибо очередная попытка подняться провалилась.

Ноги (все четыре ноги!) категорически отказывались слушаться. Как и язык. Странно. И дело не столько в несговорчивости тела, сколько в его облике. Она еще ни разу не оборачивалась во сне. Всегда просыпалась заблаговременно. Даже в младенчестве. Интересно, кто она нынче? Копыта вроде лошадиные, ноги тоже, а еще белые-белые, можно сказать, снежные. Крыльев, кажется, нет. Зато голова тяжелее обычного. Будто ко лбу что-то прикрепили.

Стоп!

До Лизетты дошло, что она лежит не в спальне и даже не в другой комнате апартаментов, «любезно» выделенных герцогом Винзуром, а в сарае. В самом настоящем сарае! На соломе!

Бред? Определенно!

Лизетта попыталась вспомнить, как умудрилась оказаться в столь неожиданном месте, но ничего не вышло. Память услужливо нарисовала, как они ужинали с Огоньком, решив не ждать прохладившегося неизвестно где Гастона. Лизетта только-только обратилась и жаждала трапезничать, как человек, а не как несуразная лосиха. С аппетитом умяла куриную грудку с салатом из овощей, запила всё это дело компотом, а потом... потом... проснулась тут.

Вот, черти сарайные! Неужто, происки лесной девчонки? А что? Вдруг она узнала, что Лизетта умолчала о приходе Виолетты, в смысле, Клотильды, и теперь мстит.

- ММММММММмммм! - возмутилась «плененная»... хм... лошадь пуце прежнего и, наконец, добилась внимания.

В сарай вошла женщина. Пухлая и краснощекая, но вполне ухоженная и обаятельная. Правда, на Лизетту онаглянула раздраженно, моментально утратив презентабельность.

- Чего мычишь? - спросила с издевкой. - Лежи уже, треклятый оборотень. Всё равно тебе никто не поможет.

Лизетта взвыла еще громче, но ей в лицо, то бишь, в морду брызнули пахнущую лавандой жидкость. Веки мгновенно налились свинцовой тяжестью и сомкнулись. Нет, она не уснула. Слышала всё, что происходило вокруг, но не могла ни шевельнуться, ни замычать.

- Кхе-кхе...

Кто-то еще вошел в сарай.

- Наконец-то, - проворчала женщина. - Думала, вы заблудились по дороге.

- Нет-нет, нашел вас быстро, - отозвался бодрый мужской голос. - Пришлось задержаться у клиентов. Они хотели перенести всё на завтра.

Толстуха испуганно охнула.

- Как на завтра? Я ж предупредила, что к вечеру единорог в другую живность обернется и уже не сойдет за лесную магическую. Надо сегодня порешить.

Лизетта едва поверила ушам. Единорог?! Да ладно! Такого с ней еще не случалось. Зато понятно, что за «ноша» на лбу.

Стоп! Как это «порешить»?!

- Не паникуй, Берта. Я всё уладил. Убедил этих олухов, что у меня лучший товар на свете. Как раз для их нужд. А коли промедлят, найду других покупателей. Мне, мол, ждать не с руки.

- Лучший товар? Это она-то? - усмехнулась женщина, но в голосе прозвучало явное облегчение.

- Лучший-лучший, - засмеялся мужчина. - Главное, правильно подать. А там несуразный оборотень превратится в самое желанное приобретение на свете. Та-а-ак, - судя по звуку, он хлопнул в ладоши. - Я позову парней. Пора перевозить нашу животинку и начинать «представление»...

Глава 12. Лисьи шалости

- Вы правы, отличный товар. Белоснежный единорог. Просто чудо!

- Главное, не тяните с обрядом жертвоприношения. Зверушка из особой породы. Нельзя ей надолго лес покидать. С заходом солнца вся энергия иссякнет. Навсегда.

- О! У нас всё готово. Племяннику не терпится приступить к делу. Я его понимаю. Не каждый получает шанс обрести мужскую силу, ежели она не дана богами. Мы ждем лишь почетного гостя – старейшего родственника. Он явится в течение часа.

Лизетта слушала диалог мужчины, забравшего ее у толстухи, с клиентом – обладателем мощного баса и сходилась с ума от безысходности. Она в жизни не чувствовала себя столь беспомощной. Даже в плену у лесных. Там хоть дара речи никто не лишал, а с ним и возможности высказывать свое «фи» и ёрничать. А тут пришлось лежать без движения, будто, правда, живность, а не человек, и ждать упомянутого жертвоприношения.

Удивительно, но страха она не ощущала. Только обиду на весь свет и злость. Ну не бред ли? Ее – старшую дочь императора – принесут в жертву ради немого парня, у которого ничего не выходит с женщинами! Лизетта знала о таких обрядах. В книгах, что давала Ви, ничего подобного не описывалось, однако затворница любила подслушивать разговоры слуг и охранников. Так и выясняла много любопытного о реальной жизни за стенами вынужденных темниц. Считалось, что лесные магические зверушки способны исправлять человеческие «дефекты». Правда, ценой жизни. Обряды строжайше запрещались, однако всегда находились люди, готовые рискнуть.

Злилась Лизетта и на Гастона, легко догадавшись, что толстуха – мамаша ненаглядной Сабины. Сам же говорил, кухарку Бертой звать. Тьфу! Вот уж точно глупость несусветная – сгинуть из-за подружки мужа, который и муж-то исключительно на бумаге. Но ничего, он тоже сгинет следом, и кухарка с дочкой останутся ни с чем! Как и Огонек с треклятым дедом! Увы, удовольствия эта мысль не доставляла. Да, недруги желаемого не получают, но ей-то на том свете какая радость?

- Начинаем! – раздалось над ухом, и сердце почти остановилось.

Нет-нет, она не хочет! Нечестно! Несправедливо! Она же ничего в жизни не успела сделать. Росла взаперти, замуж вышла по чужой воле, а супружеской ласки так и не изведала. Поцелуи и те ни разу не случились! Не с Гастоном же было всё это опробовать, в самом деле! Лизетта разревелась бы, как распоследняя неженка, коли б могла. Но слезы и те не посчитали нужным подчиниться желаниям. Или просто единороги не умеют плакать?

Несколько пар рук взяли ее за ноги и поволокли, будто она мешок или... хм... бревно. Навстречу бесславному концу. Раздались приветственные крики, кто-то бил в барабан, как и полагалось по идиотскому обряду. Глаза оставались закрытыми, и Лизетта не видела мучителей. Может, оно и к лучшему. Слышать, как все вокруг радуются приближающейся гибели, мерзко. А лицезреть, тем более.

- Красивая зверушка, - проговорил молодой мужской голос. – А рог какой большой!

- Самое то для твоей проблемы, - съязвил кто-то и охнул, явно получив подзатыльник.

К барабанной дроби присоединился вой (иначе этот звук не назовешь) трубы. Обряд начинался, жизнь Лизетты отсчитывала последние секунды. Она физически ощущала прикованные взгляды. Любопытные взгляды! Для всех собравшихся ее смерть – увлекательное зрелище.

- Ну, чего ждешь? Бери пилу.

- Пи-пилу? Разве ножом не удобнее?

- Дурень! Сначала рог надобно спилить, а потом уж ножом орудовать. Боги тебя и мозгами обделили?

Спилить?! Пилой по живому?!

Лизетта попыталась дернуться, но единорожье тело вновь подвело. Ноги даже не трепыхнулись, а ко лбу уже приставили холодный металл. В голове промелькнула одна единственная мысль: «*Вот и всё, лошадка, попалась...*»

Медальон жег грудь. Не в прямом смысле. Металл оставался холодным, но Гастона не покидало ощущение, что тот пылает. Он сомневался, стоит ли вешать треклятую «побрякушку» на шею, но решил, что так надежнее, чем носить в кармане, а тайникам у него особого доверия не было.

Существует масса магических способов разыскать чужое припрятанное добро. Главное, знать хорошую ведьму и плату подходящую иметь.

Гастон плохо понимал, что случилось. Одно не подвергалось сомнению: медальон попал к нему стараниями чародейки Кары. Но как? И с какой стати? Это помощь или подстава? Он подозревал второй вариант, однако предпочел отложить размышления. Позже всё обдумает. Вместе с Лизеттой. Если... то есть, когда ее найдет. В конце концов, медальоны – их общая проблема. Надо, как сказал лесной дед, решать ее сообща.

Достав из кармана зачарованный гребень, Гастон покружился. Тот не подвел. Потеплел, оказавшись на северной стороне. Отлично. Направление движения теперь известно. Однако пришлось потратить немало часов, чтобы по-настоящему напасть на след. Стоило чуть-чуть ошибиться, гребень остывал. Приходилось снова крутиться и петлять. Со стороны он, наверное, смотрелся странно. Будто пьяница, который никак не может решить, в какую сторону отправиться. Хорошо, что повязка есть, не то давно бы привлек ненужное внимание шайки одноглазого Вилли.

С рассветом дело пошло быстрее. Гастон настолько близко подобрался к пункту назначения, что почти не требовалось прикладывать усилий. Пару раз он вспоминал лесную девчонку. Может, стоит сбежать за ней в замок Винзуров? Она хоть и далеко от леса, но какой-никакой магией обладает. Сам-то он неважный вояка. С Бертой и Сабиной как-нибудь справится. Но у них, ясное дело, сообщники имеются. Не две же женщины Лизетту умыкнули. Она девушка стройная, и всё же требовалась мужская помощь. Однако Гастон решил обойтись без Огонька. Интуиция подсказывала, что опасно тратить время на беготню туда-сюда. К тому же, на медальоне стояла буква «У», что означало «удача». Глядишь, волшебная вещица поможет новому «владельцу».

...Сарай, в котором проснулась Лизетта, Гастон нашел в девятом часу утра. Никого там не застал и растерялся. Гребень остыл и не желал заново теплеть.

Неужели, тупик? Как так?

Гастон выругался и плюхнулся на солому, понятия не имея, что предпринять дальше. Столько часов поисков, и всё впустую. Получается, чародейка обманула? А смысл?

- Ну, и чего расселся сиднем?

В глазах, негодующе смотрящих с серебристой лисьей морды, блеснул огонь.

- Дык! Это... гребень того...

- А из сарая выйти и новое направление поискать не пробовал? Была твоя жена тут. Явно была. Но припозднился ты. Перевезли ее, судя по всему. Против воли. Воздух пахнет страхом и горечью. А еще... хм... лошадю, кажется. Хотя и не совсем лошадю.

- Опять что ли крылья отрастила? – проворчал Гастон поднимаясь.

Предположение лиса оправдалось. Стоило покружиться с гребнем на улице, как тот послушно потеплел, указывая на юго-запад. Оставалось лишь следовать в указанном направлении и стараться поменьше скрежетать зубами, слушая саркастичные замечания так называемого помощника. А лис упражнялся в остроумии вовсю. Прошелся и по медлительности Гастона, и по отсутствию сообразительности, и даже по внешнему виду, мол, выглядит, как самый настоящий «валенок», в смысле, мужлан и бездарь.

- Откуда ты вообще такой языкастый взялся? – не выдержал Гастон через четверть часа.

- Я к тебе с рождения приписан. С нашего общего рождения.

- А что ж раньше не являлся?

- Много будешь знать, голова треснет.

- Тьфу! От тебя проку, как от светлости.

- Но-но! Нашел с кем сравнить. Твоему светлости ничего в жизни не светит, кроме беславия, а я – существо особое. Ну, а ты... ладно, забудь.

- Угу, - буркнул Гастон.

Он бы и рад забыть. Всё, что стряслось в последние дни. Особенно открытие о вероятной причастности Сабины к похищению Лизетты. В глубине души Гастон и раньше знал, что златовласая прелестница неидеальна. Сколько разговоров было о будущем. Безоблачном будущем. Еще бы! Ведь Гастон – не простой слуга, а сын дворецкого и, что особенно важно, лучший друг герцогского отпрыска. Окажись он обычным конюхом, Сабина прошла б мимо, задрав нос. Гастон

это отлично понимал, но запрещал себе об этом думать. Ведь он – не конюх.

...Еще через полтора часа, когда ноги начали отваливаться, гребень привел к заброшенному строению, стоящему особняком от жилья. Барабанную дробь и визг трубы Гастон с лисом услышали издали. Как и предвкушающий стон толпы.

- Что делать-то? Если Лизетта там, я один не справлюсь.

Лис снисходительно фыркнул.

- А разве ты один?

И первым вошел внутрь.

В просторном помещении, где раньше, вероятно, располагался бальный зал, глазам предстала картина маслом: пара дюжин мужчин, ликующих, будто пришли на скачки, худосочный бледный паренек – растерянный, как девица из приличной семьи, по ошибке заглянувшая в бордель, и...

Гастон протер глаза.

Единорог! Самый настоящий единорог!

Или нет? Тьфу! Это ж Лизетта!

Седовласый, но весьма крепкий старик подтолкнул паренька в спину.

- Ну, чего ждешь? Бери пилу.

- Пи-пилу? Разве ножом не удобнее?

- Дурень! Сначала рог надобно спилить, а потом уж ножом орудовать. Боги тебя и мозгами обделили?

У Гастона перехватило дыхание. Рог спилить? Лизеттин? Ага, сейчас! Отдаться-то потом ему, коли после обратного превращения женушка без какой-нибудь части тела или лица окажется. Без носа, к примеру.

Парень, тем временем, взял дрожжащими руками пилу и приставил к рогу.

- Не трожь! – завопил Гастон, не придумав плана получше. – Это моя жен... же... же... Живность!

Мужчины обернулись, оглядели его с головы до ног. Паренек перетрусил, опустил пилу и отступил на пару шагов. Зато остальные не впечатлились. Старик покачал головой и засмеялся. Гаденьким обидным смехом.

- Иди отсюда подобру-поздорову, юноша.

Но Гастон не сдвинулся с места.

- Это моя собственность. А вы ее украли.

- Допустим, – не стал отпираться старик, но заговорил издевательским тоном. – Но что ты предпримешь? Драться с нами будешь? Не думаю. Ты в меньшинстве. Жаловаться стражам порядка побежишь? Вот уж нет. Никто в здравом уме не заявит властям, что у него украли единорога.

Гастон опешил. А ведь прав мерзавец. Но отступать глупо. И не по-мужски. Он же не тюфяк, как светлость, который даже на ветке удержаться не способен. Подхватил с пола палку, бывшую некогда ножкой кресла, и с воинственным кличем ринулся в бой. Выскочил, размахивая ею, на середину – аккуратно к неподвижной Лизетте. Мол, только суньтесь, приложу так, что мало не покажется.

- Ну, покалечишь ты одного-другого, а дальше что? – поинтересовался старик, отошедший на безопасное расстояние. – Сдавайся, парень. Не видать тебе животинки. Смирись.

- Да неужто? А как насчет меня?

Нет, это сказал не Гастон. А доселе незаметный для всех остальных лис. Мгновение, и вот он – призрачный и неопасный – проявился во всей красе. Заискрился под испуганные возгласы и увеличился в размерах. Махина! Даже не слон. А целых два слона!

- Мамочка! – взвыл паренек, что Лизеттин рог пилить собирался. И замер.

Остальные оказались куда резвее, рванули к выходу, но лис их опередил. Преградил дорогу, принял

боевую стойку и... всего-навсего махнул хвостом. Но этого оказалось достаточно, чтобы четверо противников влетели в стену, как игрушечные. Бам! Туда же отправилась и вторая партия, а следом и третья. Гастон тоже не прохлаждался. Лупил палкой всех, кто подворачивался под руку. Но аккурратно, чтоб не искалечить и кости не переломать. Прикладывал точно – по мягкому месту – и приговаривал:

- Будете еще чужих единорогов похищать? Будете?

В конце концов, очередь дошла и до старика, что предлагал Гастону сдаться и отказаться от притязаний на Лизетту. Получив всё по той же части тела, он плюхнулся на бок и прикрылся руками, опасаясь новой порции «наказания».

- Ну, и кто теперь в меньшинстве?

- Пощади! Обещаю, если вы нас отпустите, мы никому ничего не скажем!

- Вы и так будете язык за зубами держать. Ни за что не признаетесь, что вас победил единственный парень, а, тем более, гигантский лис.

Кровь кипела от злости и азарта, требуя продолжения экзекуции, но в глазах поверженного старика светилась мольба, и Гастон сдался, опуская палку:

- Ладно, убирайтесь. Живо!

Лис посмотрел с толикой удивления, но не возразил. Отступил в сторону, пропуская беглецов к выходу. Но под конец не выдержал, щелкнул зубами перед носом всё того же хиленького паренька. Тот пискнул, как пойманная мышь, и грохнулся в обморок. Лицом вниз. Пришлось пошатывающимся «сообщникам» подхватывать его за ноги и за руки, дабы жуткая нечисть не сотворила с ним чего похлеще.

- Хорошо пошалили, - лисья морда расплылась в довольной улыбке, едва за дверь исчез последний неприятель. - А ты, похоже, не совсем бесполезен.

- Спасибо, - буркнул Гастон, роняя отлично сослужившую службу «оружие», и бросился к жене. - Лизетта? Ты меня слышишь? Просыпайся!

Лис подошел вплотную и недовольно вздохнул.

- Не тряси. Не спит она. И прекрасно тебя слышит. Ее порошком особенным обездвижили. Оклемаются через пару часов.

- Уверен?

Лис зарычал, мол, разумеется, он уверен.

Гастон сел на пол и вытер рукавом вспотевший лоб.

- Значит, нам тут еще не один час торчать.

- Вообще-то до самого заката. Или собираешься топтать до замка Винзуров в компании единорога? В темницу захотелось за похищение магической животинки лесных?

- Тьфу! - Гастон раздосадовано хлопнул себя по коленке.

А лис зевнул, потянулся и съежился. В смысле, вернул реальный размер.

- А тебе это... разве можно на глаза людям показываться?

- Не-а. Но кто нажалуется? Ты? Да и кому? Ты разве в курсе? И вообще, я живая душа, имею право иногда пошалить. Кстати, есть у меня еще одна идея для развлечения.

Гастон скривился, предчувствуя ворох проблем. Уж больно пакостное выражение на лисьей морде нарисовалось.

- Ну, пошел я. Развлекаться. А ты пока подумай, где противоядие от любовной отравы достать. Той, что тебя опаивали.

- Отр... Чего?!

Лис хмыкнул.

- А ты решил, что чистойшей любовью к кухаркиной дочке воспылал? Дурень! Ты ж еще полгода назад мимо нее проходил, будто она – стена. И вдруг – здарсьте!

Гастон замотал головой. Нет-нет. Что за чушь? Никто его не опаивал. Да и когда?

Лис легко догадался, о чем тот думает. Или попросту прочел мысли.

- Это нетрудно, если мать – кухарка. Добавляешь в питье пару капель в день, и все дела.

- Но меня два месяца не было в столице, - нашел отличный аргумент Гастон, вспомнив ссылку в глуши в компании светлости. – Любовное зелье давно б выветрилось. Даже самое сильное.

- Вот-вот, - лис весело подмигнул. – До заката полно времени, чтобы мозгами пораскинуть и вычислить того, кто в изгнании помогал рыжей чертовке тебя опаивать. А я того... на развлечения. Бывай, жертва любовного сговора...

Махнул хвостом и был таков. Растворился прямо в воздухе.

Гастон сидел рядом с Лизеттой-единорогом и думал о Сабине. Неужели, лис прав? И все чувства к девушке – ложь? Умом он понимал, что серебристый помощник знает, что говорит, однако душа отказывалась верить. Допустим, подливать любовное снадобье дома для кухарки или ее дочки – задача не самая сложная. Но как же ссылка? Напрашивался единственный вариант – камердинер Арнольд. Он всегда посматривал на Берту и запросто бы согласился «помочь» взамен на обещание любовной ласки. Вот только, чтобы исполнить Бертин наказ требовались последовательность и аккуратность, а Гастон ни разу в Алманской глуши не видел камердинера трезвым.

Но кто, если не он? Остальные слуги – местные, с кухаркой из столичного замка вряд ли знакомы. Не светлость же два месяца «старался», в самом деле?

- Если уж не везет, то не везет, - пробормотал он и вздрогнул от неожиданности.

Доселе неподвижная «лошадка» дернула ногами, а по белоснежной щеке скатилась слеза. Но глаза так и не открылись.

- Ох... Лизетта, ты это... не расстраивайся. Знаю-знаю, у нас нескончаемые проблемы. Но однажды всё наладится. Обязательно. Ты пока не можешь посмотреть, но я первый медальон нашел. Медальон удачи. И сработало! Я ж тебя отыскал! Вовремя. Лис, конечно, помогал. Но всё же...

Он говорил и говорил. Рассказал обо всём: странной встрече с чародейкой Карой, странном сне, появлении медальона в кармане и загадочном лисе.

- Всё это – сущее безумие. Но серебристый плут, вправду, приносит пользу. А медальон... да черти болотные с ними – с несуразностями этими. Главное, процесс пошел. А там, глядишь, остальные отыщем и избавимся от лесных.

Лизетта всхлипнула, но ничего не сказала. Гастон вздохнул и погладил ее по шее. Девушка-единорог вздрогнула, и он испуганно отдернул руку. Наверное, это лишнее. Хотя сейчас ему очень хотелось утешить бедняжку. Страху, наверное, натерпелась. У любого б сердце в пятки ускакало, коли негодяи всякие то за ножи, то за пилы хватаются в попытке отхватить от тебя кусочек. К тому же, похищение – его вина. Понятное дело, что всё организовали Сабина с Бертой, но причина-то всему он – Гастон.

Лизетта, действительно, не пришла в восторг от «нежности». Странно это как-то. Неуместно. Зато жадно ловила каждое слово мужа, хотя самой не верилось, что слушает. Пусть и вынужденно, но с неподдельным интересом. Во, дела! Первый адекватный «разговор» состоялся, когда она лежит бездвигательная и слова вымолвить не может. Неужто, близость смерти сказалась? Или попросту надоели бесконечные ссоры и пререкания? А потом вспомнилось, что Гастон не ради нее старался, а собственную шкуру спасал, и настроение испортилось. Не свяжи ведьма Клотильда их жизни в один узел, отправился он бы на поиски? Как же!

Любовным снадобьем опаивали, говорите? Так Гастону и надо!

- Знаешь, я тут подумал, - проговорил муж, не подозревая о гадких мыслях Лизетты. – Зря мы ведем себя, как враги. Знаю-знаю, я тебя выкрал и втянул во всю эту историю. Повод злиться знатный. Но разве не проще быть союзниками? У нас столько проблем. Мы никогда их не решим, враждая друг с другом.

- Зато это весело...

Ох, она сказала это вслух? Вот, черти!

- Ну-ну, - проворчал Гастон. – Кстати, тебе стоит кое-что знать. Дурачина Арнольд разболтал, что ты это... ну, оборотень. Теперь в замке все знают.

- Ух... - выдохнула Лизетта, сходя с ума от желания вскочить и крушить всё подряд. Подумаешь, рог всего один. Зато остался при ней.

Увы, в отличие от языка, тело пока не собиралось подчиняться.

- Посмотри на это с другой стороны, - вернул Гастон осторожно. - Больше нет смысла прятаться в апартаментах. Можешь хоть весь день по замку Винзуров гулять. Ты ж оборачиваешься в крупных зверушек, никто тронуть не посмеют.

- Дурак, - бросила Лизетта.

А сама подумала, что идея не так уж плоха. Есть возможность «развернуться».

В замок Винзуров вернулись после заката. Гастон нанял экипаж, и Лизетта всю дорогу глазела в окно на дома бедноты и среднего класса. Прежде их видеть не доводилось. Когда ее изредка доставляли в столицу, везли исключительно по главным улицам, где всё аккуратно и чинно до тошноты. Тут ощущалась жизнь. Самая настоящая, с горестями и радостями. Та, что годами проходила мимо, оставаясь несбыточной мечтой.

Расчувствовавшись, Лизетта чуть не брякнула, что неплохо бы после поисков медальонов заставить папеньку купить им дом. Пусть не замок, но свое собственное жилье. И не где-нибудь, а в столице. Но вовремя смолчала и отругала себя. Иметь что-то общее с Гастоном Ла-Пьером? Да ни за что! Пусть не надеется, что разбогатеет за ее счет. Уж лучше по чужим жилищам скитаться. И вообще, общий дом будет означать, что она смирилась с проклятьем Клотильды и готова прожить с ненавистным мужем десять отведенных ведьмой лет. Нет. Не соглашалась она. И не сделает этого. Никогда!

...Удивительное дело, но замок Винзуров не спал и даже не готовился ко сну, хотя в этот час, по «закону» герцогини, всем полагалось разбрестись по спальням. Народ нервно сновал туда-сюда, озираясь по сторонам. На Гастона с Лизеттой глядели без малейшего интереса, хотя известию об особенности девушки полагалось пробудить любопытство.

- А вас где носило? - навстречу шагнула главная местная сплетница Полли. - Я к вам заходила. Да только девчонку вашу обнаружила. Дрыхла прямо на полу. Я ее растолкала, а она рукой махнула, повернулась на другой бок и дальше спать.

- Что случилось? - спросил Гастон нервно, сообразив, что дело неладно. В замке за время их отсутствия что-то определенно стряслось.

Полли скривилась.

- Да теща твоя несостоявшаяся свихнулась. Носилась по коридорам с топором. Кричала, мол, за ней лисица гоняется и за ноги кусает. Серебряная лисица! Пришлось связать.

- Лисицу? - растерялся Гастон.

- Бестолочь! - рассердилась Полли. - Не было никакой лисицы. Берту связали и...

Окончание фразы потонуло в громком крике:

- ГАСТОН!

Парню на шею кинулась выскочившая из-за угла Сабина и разрыдалась.

- Гастон! Миленький! Мама заболела! Что теперь делать?!

В первый миг на сердце потеплело, как случалось всегда, едва златовласая «прелестница» его касалась. Но вспомнились лисьи слова, и он отстранил девушку.

- Лекаря надо искать, - проговорил жестко. - Или ведьму, дабы зелье особое сварила. Но что я тебе советую. Ты лучше меня во всяких снадобьях разбираешься.

- Га-га-гаст...

- Хватит! - он пресек новую попытку Сабинины повиснуть на шее. - Я женатый мужчина, если ты до сих пор не заметила. А с матерью-пакостницей сама разбирайся.

- Говорят, такие недуги быстро не лечатся, - вставила Лизетта мстительно. - Надо в особые клиники отправлять, где буйных дамочек в комнатах с решетками держат. А то сегодня она с топором за невидимым зверьем носится, а завтра - за людьми начнет.

Сабина ахнула, заметив Лизетту. Ещё бы! Жертвоприношению полагалось давным-давно завершиться, а, значит, Гастоновой благоверной тут находиться никак не полагалось.

- Идем, дорогой, - Лизетта показательно взяла мужа под руку.

В его душе на мгновение вспыхнула жалость к Сабине, но память нарисовала парня с пилой над единорогом, и все светлые чувства погасли. Поделом девчонке. Как и Берте!

Ай да лис! Вот в чем, значит, заключалась его «шалость»...

Глава 13. Власть и трепет

Воскресным утром Гастона разбудила Огонёк. Уселась верхом и шлепала ладошками по щекам, приговаривая:

- Ярмарка. Идем на ярмарку. Ты обещал.

Гастон с трудом удержался от желания напомнить лесной девчонке, что не заслужила она никаких развлечений. Позволила опохмелиться и Лизетту, не участвовала в поисках последней и вообще показала себя, как помощница совершенно бесполезная. Даром, что магичка. Однако он сдержался и проворчал:

- Сначала завтрак.

- Я поела!

- А я нет.

- На ходу позавтракаешь. Я тебе в дорогу пирожков собрала. С курочкой. И сладкие – с яблочками.

Гастон надул щеки и с шумом выдохнул воздух. Ох уж, эти женщины!

- Ладно, будет тебе ярмарка. Только оденься приличнее. Ты в столице, а не в лесу. Тебе горничные, по распоряжению герцогини Винзур, целый гардероб приготовили. И обувь не забудь! Тут босиком щеголять не принято.

Огонёк с радостным воплем умчалась переодеваться, а к Гастону, цокая копытами, подошла отлично знакомая корова.

- Рано или поздно придется сказать ей про медальон, – проговорила шепотом. – Будет хуже, если сама его почувствует и деду донесет.

Накануне они утаили часть «приключений» от Огонька. Большую часть. Умолчали и о найденном медальоне, и о помощи лиса. Мол, Гастон сам отыскал жену и героически освободил из рук похитителей. Хотя он, и правда, неплохо поработал. Как и ножка от кресла в его руках.

- Ладно, я поговорю с ней. Постараюсь повеселить на ярмарке, чтобы настроение еще улучшилось, а потом огорошу новостью.

- И как объяснишь помощь чародейки Кары?

Гастон пожал плечами.

- Скажу, как есть. Медальон передала она. Загадочным образом и по непонятной причине. Вот только... стоит ли про сон рассказывать, как считаешь?

Лизеттино спасение совершенно не сблизило супругов, зато вчерашняя совместная выходка перед Сабиной немного растопила лед.

Корова вздохнула, на морде расцвело смущение.

- Кстати, о сне. Я его тоже видела. Несколько дней назад. Точь-в-точь, как ты описывал. Темноволосая женщина повторяла те самые слова и трясла за плечи мальчика. Хм... подзреваю, тебя.

Гастон подарил жене укоризненный взгляд.

- А почему вчера не сказала?

- Настроение было неподходящее.

- Думаешь, это забытое детское воспоминание? – спросил он, предпочтя не продолжать тему скрытности Лизетты.

Она в ответ фыркнула.

- Твое, может быть. Но я-то каким боком? Я ничего подобного наяву не видела.

Гастон развел руками, мол, твоя правда. Однако он не сомневался, что сновидение жены – не случайность. Оно пытается что-то подсказать. Им обоим.

- Я готова!

В гостиную, служившую Гастону спальней, вернулась Огонёк с розовыми от предвкушения щеками. Для «выхода в свет» она выбрала васильковое платье с белым тоненьким пояском и тифельки со шнурками, правда, последние волочились по полу.

- Ты еще не собрался? – девочка сложила руки на груди и нахмурилась.

- Две минуты, – пообещал Гастон. Присел на корточки, завязал горе-помощнице шнурки и поспешил в умывальную комнату – ополоснуть лицо и переодеться.

Глянул на себя в зеркало и поежился. В облике появилось что-то...хм... лисье: плутоватое, капельку хищное, да и сами черты заострились. Или это ему мерещится после выходов серебристого помощника? Не оборотень же он, как Лизетта, в конце-то концов...

После ухода Гастона с Огоньком Лизетта, пошатываясь, побродила по апартаментам, но не придумала интересного занятия. Выспалась она ночью. Угроза жизни, как выяснилось, изматывает знатно, сон приходит, едва голова касается подушки. Да и какое занятие можно себе организовать в зверином облике? Читать невозможно, копыта не способны страницы переворачивать. Общаться не с кем, а гулять негде. Хотя почему негде? Да, Гастон вчера предложил побродить по замку исключительно в шутку. Однако кто мешает попробовать? Муженек прав, всем теперь известна их семейная тайна. К тому же, корова – зверь нестрашный. Это вам не дракон. Живьем не спалит.

Она ошиблась. Не насчет огня. Ее боялись. Еще как боялись. Пусть и началось это не сразу. Прежде не обошлось без казуса.

- Ой, смотри: корова! – пискнула горничная, зажатая любвеобильным лакеем в углу, и указала пальчиком на гордо вышагивающую по коридору Лизетту.

Лакей обернулся и нахмурился, не обрадовавшись, что их неучтиво прервали.

- Ты, скотина рогатая, как умудрилась здесь оказаться?

- Может, молодой герцог опять дурачится? – спросила горничная шепотом.

- Не-а, он папенькой в покоях заперт. Эта телка – не его рук дело.

Терпению Лизетты мигом пришел конец. Она и после первого «эпитета» смолчала исключительно потому, что растерялась, застыв в целующуюся парочку.

- Кто это тут телка? – спросила, наклоня голову и прицеливаясь парню в бок. – Я тебе покажу телку! И скотину! А с рогами ты сейчас очень близко познакомишься.

А дальше... дальше они резво мчались по замку: лакей впереди, Лизетта сзади. Горничная в гонке не участвовала, осталась в углу. В обмороке особо не побегаешь. Лизетта не возражала. Гнаться за девчонкой – сомнительное удовольствие, а вот вопящий дурным голосом парень – забавная добыча.

- Госпожа Ла-Пьер, сжальтесь! – молил он. – Я больше так не буду! Клянусь!

Помочь лакею никто не рвался. Слуги и стражники благоразумно шарахались в стороны, пропуская «бегунов», сливались со стенами и притворялись мебелью. Лишь мальчишка лет двенадцати, что натирал полы, вскинул кулак и крикнул:

- Медяк на корову!

Как ни странно, Лизетта не обиделась. Наоборот, ставка повеселила. Приятно, когда тебя заведомо считают победителем.

Преследование закончилось в саду. Лакея подвела дорожка. Точнее, молодой и неопытный садовник, разливший удобрения и еще не успевший их убрать. С криком «*Спасите, братьцы!*» парень проехал сначала подошвами по темной жиже, затем животом по серым камням. Вскочил, готовясь припуститься дальше. К его несчастью, Лизетта оказалась проворнее, игриво поддела рогом за то место, на котором нормальные люди сидят, а некоторые, особо «одаренные», находят приключения. Парень лихо подскочил и приземлился на грядке с гладиолусами – лицом в землю.

Лизетта сочла «долг» выполненным и отправилась на поиски новых «развлечений». За три четверти часа она успела с радостным воплем пронестись по коридорам, прицелиться рогами в упитанный бок камердинера второго по старшинству сына герцогской четы, проткнуть упомянутой частью головы уродливую картину с болотом и заглянуть на кухню, дабы напомнить ее работникам (а, особенно, работницам), что шутки плохи не только с Огоньком. Когда же она вознамерилась приложить рога еще к чему-нибудь (например, к статуе сутулого старика у подножия лестницы), произошла неприятная встреча.

- Так-так, - протянул знакомый высокомерный голос. - Вижу, няньки совсем не занимались твоим воспитанием.

Лизетта оторвалась от созерцания статуи и обернулась. Встретилась с холодным взглядом старшего Ла-Пьера, то бишь, отца Гастона и фыркнула:

- Шли бы вы мимо, господин хороший.

А чего любезничать? Он и на сына с кулаками кидается, и о ней все выводы еще до личного знакомства сделал. Хоть вся извернись, не передумает.

- Хочешь сломать статую бога Хидоса - покровителя дома Винзуров? Вперед. Вот, Её светлость обрадуется.

Лизетта напряглась. Она слышала, что здесь герцогиня - главный авторитет, ссориться с ней не с руки. Это куда опаснее, чем быть не в ладах с хозяином замка.

- У вас работа закончилась?! - прикрикнул дворецкий на самых смелых слуг, следящих за девицей-оборотнем из-за углов и мебели. - А ну подошли сюда! Живо!

Полдюжины парней предстали перед господином Ла-Пьером, повесив головы. Как провинившиеся псы. Лизетта заподозрила, что они притворяются послушными и взволнованными, дабы не назначили наказание, вроде лишения дневного заработка. Но, присмотревшись к лицам, поняла, что парни боятся дворцового. По-настоящему боятся, будто он способен развеять их по ветру движением мизинца.

- Как же с вами поступить? - поинтересовался Ла-Пьер, оглядывая бледные лица одно за другим. - Решено. На этой неделе вы лишаетесь выходного. А теперь прочь!

Парни шустро унесли ноги, а дворецкий подошел к Лизетте. Глянул грозно. Его ни капли не страшили ни ее габариты, ни рога.

- Ну, а с тобой как поступить?

На языке вертелось предложение идти мимо, но едва взгляды встретились, сердце ускакало... хм... в копыта. Накрыл страх, будто перед ней не человек, а божество - могущественное и опасное, такое, что на века превращает врагов в камень, а родню до седьмого колена проклинает на страдания и скитания.

- Пожалуй, стоит... - начал дворецкий, но его прервали.

- Я сама разберусь с этой воительницей, Уильям.

По лестнице спускалась женщина в годах, но ухоженная и стройная. Волосы цвета соломы были собраны в низкий пучок, а темно-зеленое платье идеально подчеркивало все достоинства фигуры. Лизетта заметила, как она поежилась при взгляде на дворцового, но тот быстро опустил голову, и с губ госпожи сорвался вздох облегчения. Видно, способность старшего Ла-Пьера вызывать трепет действовала не только на слуг.

- Она опасна, Ваша светлость.

- Не сомневаюсь, Уильям. И всё же, оставь нас. Для женского разговора. Вы тоже, - велела герцогиня двум служанкам и лакею.

Едва все поклонились и удалились, Её светлость подошла ближе и бесстрашно взяла Лизетту за коровий подбородок.

- У меня к тебе предложение, милочка...

Голос звучал бархатисто и располагающе, но оборотня это не обмануло. Ох, черти дворцовые, кому-то сегодня придется очень несладко...

Гастон тоже развлекался. В прямом смысле. Огонёк, раскрыв рот, тянула то в одну сторону, то в другую: поглядеть на клоунов, купить леденцов на палочках, покружиться на каруселях. Постепенно ее веселье передалось и ему. Он набрал девчонке сладостей и даже выиграл приз в стрельбе из рогатки - нарядную куклу. Огонёк, взвизгнув от радости, бросилась ему на шею и пообещала позже наколдовать какую-нибудь приятность в ответ.

- Ты мне противоядие приготовить не забудь от любовного зелья, это и будет лучшая приятность, - проворчал Гастон.

Согласие девчонки он получил еще накануне, но пока не увидел желаемого.

- Не забуду, - отозвалась Огонёк. - Завтра как раз луна убывать начнет. Вот и соберу нужные травы. Они все в саду растут. Их сорняками кличут.

А потом на глаза попался шатер циркачей, и он купил два билета на представление.

- Ты, главное, запомни: у них не магия, а фокусы - ловкость рук, - объяснил Гастон маленькой спутнице, устроившись в зале под навесом. - Потому и получают всякие штуки.

- То есть, они не колдуют, а обманывают? - уточнила та.

Гастон вздохнул тяжко. Ну, мелочь сообразительная!

- Это не обман, а игра.

Девчонка озадаченно наморщила лоб, но кивнула, мол, принимается, а Гастон напрягся: как бы лесная сумасбродка представление не сорвала...

И не зря опасался...

Большая часть действия прошла спокойно. Огонёк, наклонив голову набок, наблюдала за артистами. Ее впечатлили акробаты, рассмешили клоуны, позабавили собачки, послушно выполняющие трюки под присмотром дрессировщика. Однако фокусники вызвали исключительно недовольство. Глаза девчонки сужались, губы кривились и что-то сердито шептали. Гастон разобрал лишь два слова «жульничество» и «вранье».

Под конец появилась леди Ночь, и всё вышло из-под контроля.

Никто не видел ее лица. Женщина вышла в плаще с капюшоном. Гастона пробрал озноб, будто в кожу вонзились кристаллы льда. Нет, не от страха. От странного волнения. Не разглядеть ни цвета волос, ни фигуры, и всё же чудилось что-то знакомое. Он знал, что леди Ночь важна, и обязательно сыграет свою «роль». Кто-то вложил это знание в разум.

- Добрый день, дорогие гости! - поприветствовал зрителей помощник загадочной дамы - коротышка с завитыми усами. - Леди Ночь продемонстрирует особые умения. Нам нужны три добровольца.

С поиском проблем не возникло. На первых рядах нашлось достаточно желающих поучаствовать в представлении. Трое парней выстроились за спиной женщины, потирая ладони в предвкушении. Коротышка попросил зрителей поаплодировать, затем объяснил суть номера. От парней требовалось писать мелом на доске названия фруктов, цветов, или любимых блюд. Женщине предстояло их угадывать.

- Коли она ошибется, вам вернут деньги за билеты, - пообещал коротышка троице.

Гастон сильно сомневался, что им что-то светит. Он слышал о подобных трюках. Да, леди Ночь не видит надписей, их показывают только толпе. Но среди зрителей имеется «подсадная утка», которая умело дает подсказки. Однако сколько Гастон ни вглядывался в лица и ни следил за руками, ничего подозрительного не заметил, а женщина легко «угадывала» каждую надпись.

- Вишня, - объявила она хриплым голосом. Скорее всего, нарочно измененным для пущего эффекта.

Зрители встречали каждый правильный ответ восторженными криками и аплодисментами, парни нервничали. Уж больно хотелось заработать, а еще сильнее - победить леди Ночь.

- Лотос. Апельсин. Запеченный картофель.

- Во, дает! - восхитился сосед Гастона - седовласый мужчина и захопал, стоя.

Его примеру последовали остальные зрители, а Гастон поморщился. Какие же все наивные. перевел взгляд на Огонька, и сердце ёкнуло. Девчонка сидела, сложив руки на груди, и смотрела на леди Ночь с неприязнью.

- Это просто фокус, - напомнил Гастон шепотом.

- Ничего подобного! - возмутилась та. - Эта тетя - маг!

На беду в этот самый миг зал притих в ожидании очередного ответа «фокусницы», потому обвинение Огонька услышали все. Обернулись, негодуя зашикали. Никто, разумеется, не поверил. Магам запрещалось работать в цирке. Если у тебя магический дар, вся прелесть фокусов терялась. Это уже не мастерство, а настоящее притворство.

- Да, маг! - повторила девчонка, обидевшись на всеобщее негодование.

Щелкнула пальчиками, и с головы леди Ночь слетел капюшон, обнажив бледное молодое лицо и темные волосы. А еще обруч на голове. Особенную вещицу, что помогала магам концентрироваться.

- Ох... - выдохнул Гастон, не веря глазам.

Кара! Чародейка Кара!

Хотя... нет, не Кара. Дина. Дочь.

- Проклятье! - тем временем, выругалась она. И повторила «трюк» лесной девчонки: тоже щелкнула пальцами.

И всё. Свет погас, а в следующее мгновение зрители оказались на улице. Стояли всей толпой там, где только что располагался цветной шатер циркачей...

Гастон «очнулся» первым.

- Идём, - схватил маленькую пакостницу за руку, пока никто не вознамерился предъявить им претензии за сорванное представление.

Однако далеко уйти не удалось. Нет, догнали их вовсе не опомнившиеся зрители, а сама «леди Ночь». Без плаща с капюшоном. И без обруча. А в скромном платье самой обыкновенной и неприметной горожанки.

- Идиот! - она ударила Гастона кулаками в грудь. - Всё испортил! Теперь весь наш цирк без работы!

Тот качнулся и вытаращил глаза.

- Я? Дык я же не... не я.

В самом деле, он же ничего не сделал. Это всё Огонёк! Но ее Дина почему-то не обвиняет.

- Ты! - в грудь последовала новая порция ударов. - Надо было лучше следить за лесной неотесанной тупицей.

- Это кто тут... - попыталась Огонёк отстоять свою честь, но...

Дина опять щелкнула пальцами и приказала:

- Замолчи!

Девчонка в ужасе схватилась за горло. Она отчаянно пыталась что-то сказать, но изо рта вырывались лишь хрипы.

- Ни ума, ни фантазии! - вновь накинулась Дина на Гастона. - И как вообще умудрился не помереть в детстве и дожить до двадцати трех лет.

Гастон собрался, было, возразить, что фантазия у него как раз в наличие, но сообразил, что дочка чародейки ошиблась.

- Мне вообще-то двадцать два, - объявил он.

Дина открыла рот, судорожно выдохнула и кивнула.

- К-к-как скажешь...

Гастон воспользовался замешательством девушки.

- Мне с твоей матушкой потолковать надобно.

Но не тут то было.

- А мне надобно, чтобы все запомнили о вашей выходке. Забудь о матери. Она сама тебя найдет, когда потребуется.

- Но...

- И, кстати, - Дина взяла его за ворот. - Не задерживайтесь в столице. Заканчивайте с женой дела и уезжайте. Он жаждет твоей крови. Круг сжимается. Уезжайте туда, где никому не придет в голову вас искать - к врагу под бок.

Голос девушки звучал зловеще. Опасно. И не будь на дворе день, Гастон с трудом бы удержался от желания рвануть куда подальше.

- К-к-кто ищет?

- Черный принц.

Гастон качнулся. Тот самый черный принц, которого упоминала нищенка, встретившаяся по дороге из ссылки?!

- Да кто он такой? Принц этот? И что я ему сделал?

Дина неожиданно ласково погладила по щеке и наклонилась к уху, чтобы прошептать:

- Родился...

Сказала и была такова. Нет, она не исчезла на месте, как делал это серебристый лис. Торопливо пошла прочь, но все попытки ее догнать успехом не увенчались. Сколько Гастон ни старался, расстояние между ним и Диной не сокращалось, а только увеличивалось, пока девушка не пропала из виду...

Огонёк заговорила лишь возле замка Винзуров. Не потому, что раньше не хотела. Не могла.

- Нечестно... Она сама... сама обманывала.

- Ну... - протянул Гастон задумчиво. - Каждый зарабатывает, как умеет. В конце концов, Динин обман никому вреда не причиняет.

В глазах девчонки отразилась обида.

- Городские маги вообще неправильные. Так дед говорит.

- Возможно, он прав. Но это не повод для вражды. Она пользы никому не приносит. Не сердчай, Огонёк. В жизни случаются огорчения.

И он достал из кармана бусы из разноцветных стекляшек. Купил подарок еще до представления, пока маленькая спутница гуляла по товарным рядам кондитеров. Не красавица-кукла, но тоже симпатичная вещица для любой девочки.

- Ой... это мне?

- Конечно, тебе.

Дрожавшие от расстройства детские губы расплылись в улыбке.

- Ты хороший...

Удивительно, на сердце потеплело. Хоть раз он для кого-то хороший, а не бездарь, идиот или олух...

...Лизетту они застали в апартаментах. Довольную и...объевшуюся. Обеденный стол в буквальном смысле ломился от фруктов: от самых обычных, растущих в здешних широтах, до заморских, экзотических.

- Подарок герцогини Винзур, - сообщила Лизетта и громко икнула.

- За что? - Гастон растерянно взирал на ананасы, которые до сего момента видел на картинках и однажды в реальности - на кухне - готовые к отправке на праздничный герцогский стол, но сам, разумеется, не пробовал.

- За помощь. Ик...Требовалось вывести на чистую воду одного конюха. А чужие рога - отличный... ик...аргумент для признания в воровстве и других грешках. Кстати, еще герцогиня хочет Огонька... Ик... На время. В смысле, надо завтра съездить с ней в гости к заклятой подруге. Ее светлость сказала, что та давно заслуживает свиной пяточок.

Оттаявшая после подарка Гастона лесная девчонка опять нахмурилась. Сегодняшний урок пошел впрок. Вдруг и подруга герцогини окажется скрытым магом?

- Не буду колдовать.

Лизетта грозно засопела коровьим носом.

- Еще как будешь. Во-первых, ты мне должна. Всё мое похищение проспала, как сурок. Во-вторых, с герцогиней полезно дружить.

Гастон встал на сторону лесной девчонки.

- И в чем польза? – он кивнул на стол. – Ее светлость поможет помереть от обжорства?

Сопение усилилось.

- Скоро у Теодора Винзура – старшего герцогского сына - свадьба, - процедила Лизетта сквозь травоядные коровьи зубы. - Жить молодых отправят...ик... в загородный замок, чтоб не в столице развлекались, а потомством...ик...озаботились. Слуги некоторые туда уже переезжают. Завтра, по приказу Ее светлости, отправятся еще две... ик... служанки: безумная повариха и ее дочка.

Гастон открыл рот от изумления. Во, дела! Берта с Сабиной уедут?! Прекрасно!

- А еще завтра днем герцогиня отправит всю прислугу во главе с дворецким и экономкой в сад, цветочки...ик... поливать. Да не просто поливать, а петь особые песенки в процессе. Так положено по обряду, который Ее светлость в старинной книге... ик... вычитала. Блажь, конечно. Но герцогиня... ик... имеет право. Никто возразить не посмеет.

Гастон едва не сел мимо стула. С каких это пор госпожа страдает подобными странностями? Она же самый разумный человек в замке.

- За-за-зачем?

- Затем, чтобы цветочки хорошо росли. А еще, чтоб мы могли без помех комнаты твоих родителей обыскать, дубина. Пока они и всё остальные слуги заняты будут. Пением.

- А-а-а-а.... – протянул Гастон, дивясь находчивости жены. – погоди! Ты сказала герцогине про медальон?!

- Разумеется, нет. Кем... ик... ты меня считаешь? Тупой коровой? Я сказала, что тебе дед с бабкой завещали ценную брошь, мол, получишь ее, как женишься. Она дорогая. Коли продать, можно много чего для молодой...ик... семьи прикупить. Но родители твои – изверги и жадины – не отдадут наследство. Вот нам и надобно... ик... обыск устроить.

- Герцогиня купилась?

Лизетта зевнула.

- Ей безразлична причина. Не любит она... ик... отца твоего. Так что не против досадить. Всё, займитесь делами полезными. Платье...ик...Огоньку на завтра подберите. А я, пожалуй, того... посплю. Утомилась что-то...

- Уверена, что нас не застукают? Всё-таки ты сегодня живность не боевая.

Гастон покосился на стоящую рядом антилопу и поймал недовольный взгляд карих глаз. А что, разве он не прав? Рогов-то у самок не бывает. Копыта, да, в наличие, зато ноги тонюсенькие. Того гляди, переломятся. Вот уж, повезло, так повезло. Когда не надо – дракон, а когда не помешает зверь для всеобщего устрашения, получите трепетную... э-э-э... все равно, что лань.

- Почему ты так боишься отца?

- Я не... - начал Гастон, но пожал плечами, решив не отрицать очевидного. – Его все боятся. Даже герцог, пожалуй.

Так было всегда, сколько он себя помнил. Отец вызывал трепет. Не только из-за наказаний, которые сыпались на младшего отпрыска, как из рога изобилия. Причина крылась в самом Уильяме Ла-Пьере. Рядом с ним сын чувствовал себя маленьким и ничтожным. Никчемным. Покорялся его воле. Не всегда безропотно, но покорялся. Отказался в детстве от рисования. Понимал, что согласится на жизнь в монастыре, едва родитель прикажет собирать вещички в дорогу. Не посмеет спорить, а тем более, сбежать. Отец с легкостью внушал, что у Гастона нет права голоса. И права выбора.

- Ну, ты откроешь дверь? Или нам до скончания времен тут торчать?

Он сжал зубы и сделал то, ради чего жена заключила сделку с герцогиней Винзур, Огонек отправилась в гости наколдовывать свиной пяточок, а вся прислуга в сад – упражнять голосовые связки. Повернул ключ в замке и вошел в скромные апартаменты, в которых сам когда-то жил вместе с родителями. От запаха лаванды – родного и чарующего – немного закружилась голова.

Матушка обожала аромат этого цветка и покупала у чародеек особо стойкие благовония.

- А здесь уютно, - протянула Лизетта, оглядываясь. Они миновали крохотный «холл» и вошли в светлую гостиную.

Гастон кивнул. Матушка умела создавать домашнюю теплую атмосферу, словно в компенсацию за строгость, в которой глава семьи воспитывал троих сыновей.

- Ну, с чего начнешь поиски?

Разумеется, искать медальон предстояло Гастону. Антилопа могла лишь давать советы. Или мешать.

- Вот и мне интересно это узнать.

Подпрыгнули оба, причем Гастон выше тонконогой зверушки. Голос - отцовский голос! - шел из кресла, развернутого к окну. Грозный родитель в редкие часы отдыха любил сидеть в нем с чашкой кофе и смотреть на покачивающиеся на ветру липы.

- Что ж вы так долго? - Уильям Ла-Пьер поднялся и насмешливо глянул на сына с невесткой. - Я уж заскучал.

- О-о-отец... - пролепетал Гастон. - А разве ты не...

- Пою в саду? - подсказал тот злорадно. - Здесь гораздо интереснее. Да и кто мне скажет хоть слово против? Герцог сам сбежал, дабы не участвовать в балагане. А герцогиня отбыла в гости с вашей мелкой пакостницей.

Гастона накрыл хорошо знакомый с детства страх перед отцом. Словно грозный родитель застучал не взрослого сына, а мальчика, жаждущего спастись бегством, желательно под кровать. Лизетта тоже занервничала, отступила за спину мужа. Да уж, воительница...

- Что за бред ты рассказала Ее светлости? - спросил Уильям Ла-Пьер невестку.

- Я не по-по-по...

- Еще как понимаешь! Что за выдумки о броши? И что вы на самом деле тут забыли?

- Не знаю, кто вам сказал, но...

- Я сам всё слышал!

Робость Лизетты мгновенно притупилась.

- То есть, подслушивали?

Гастон охнул и подтолкнул филейной частью тела женушку-антилопу, чтоб не болтала лишнего, а лучше - вообще не болтала. Но она и сама поняла, что зря открыла рот, ибо в глазах свекра вспыхнул та-а-акой огонь, что дракон позавидует. Однако старший Ла-Пьер сдержался. Не воевать же с девицей, пусть она и выглядит, как зверье лесное.

- Доволен «приобретением»? - поинтересовался он у сына.

Тот молчал, не смея смотреть на отца. Страх от этого всегда только усиливался.

- Отвечай, закую пакость задумал?

Сын по-прежнему глядел в пол.

- Отвечай, говорю! - тот замахнулся для удара, но...

Гастон не понял, что стряслось, потому что невольно зажмурился. Зато Лизетта отлично разглядела, как свекор остановился на полпути, поморщился и потряс рукой, словно испытал сильную боль. На суровом лице отразилась крайняя степень изумления. Но лишь до того момента, пока отпрыск не приоткрыл один глаз, не понимая, почему экзекуция задерживается.

- Вон! - взревел родитель, указывая пальцем в сторону выхода. - И только посмейте снова явиться!

Дважды просить не требовалось. Супруги Ла-Пьер умчались быстрее ветра и не остановились, пока не достигли апартаментов на другом конце замка. Коридоры пустовали, и никто не увидел их галопа. Везде господствовала тишина. Только из приоткрытых окон с южной стороны из сада доносилось отнюдь не дружное пение...

Глава 14. Ночь открытий

- Ничегошеньки вам доверить нельзя, всё приходится самой делать. Всё-всё, - бухтела Огонёк, ходя туда-сюда по гостиной и тряся кулачками. - И пяточки наколдовывать, и чужие спальни проверять, и... и...

- Спать сутки напролет, пока другим рога отпиливают, - съязвила Лизетта, устав от жалоб. Она успела принять истинный облик и теперь отдыхала в кресле, вытянув босые ноги.

Огонёк сердито фыркнула под нос, открыла рот, чтобы дать «достойный» ответ, но Гастон ее перебил:

- Нет смысла препираться. Надо придумать, как теперь быть.

Вопрос на повестке дня (то бишь, ночи) стоял непростой. Огонёк, преуспевшая с заданием герцогини в два раза больше, чем следовало, в смысле, превратившая два носа вместо одного, по возвращению из гостей сходила на разведку к родителям Гастона. В жилище четы Ла-Пьер не попала, хозяин подстраховался и повесил на дверь оберег. Однако девчонка прощупала комнаты при помощи магии. Увы, результат не порадовал. Во-первых, Лизетта взбеленилась, мол, Огонёк могла бы сделать это раньше, им бы с Гастоном не пришлось бы столкнуться с дворецким. Девчонка лишь плечами передернула, мол, это трудная магия, и теперь не получится колдовать с неделю. Во-вторых, медальона в спальне не обнаружилось. Ни намека!

- Куда отец мог перепрятать треклятую побрякушку? Замок большой. Не в саду же закопал, в самом деле.

- Сад - место крайне ненадежное, - протянула Лизетта хмуро и зевнула. - А твой отец - не дурак, хотя человек неприятный и вспыльчивый.

- Что есть, то есть, - согласился Гастон горько. - Удивительно, что бить меня передумал.

- Не передумал. У него что-то рукой стряслось. Он сам удивился.

- С рукой?

- Ага. Замахнулся и... хм... будто змея ужалила. Может, на тебе какая защита? Ну, после встречи с чародейкой?

Гастон почесал затылок.

- Нет, Кара со мной ничего не делала. Только... - он примолк, вспомнив, что Огонёк ведать не ведаёт о подарке чародейки.

Лизетта охнула. Посмотрела на грудь Гастона, где под рубашкой скрывался медальон с буквой «У».

- Вот черти... - она вскочила. - Пойдем по замку прогуляемся.

- Еще не нагуля...

- Нет! - Лизетта схватила мужа за руку и потянула к выходу.

Огонёк не возразила против «бегства». Если что и заподозрила, вида не показала. Зевнула, взяла со стола большущее красное яблоко и устроилась с ногами в освободившемся кресле.

- Что за блажь очередная? - возмутился Гастон, когда Лизетта протащила его через три коридора и толкнула в темный угол.

Она огляделась и возбужденно зашептала:

- Это медальон! Медальон! Шкурой коровьей клянусь! И чешуей драконьей!

- Чего?

- Медальон тебя защитил, бестолочь! - Лизетта хотела ткнуть мужа в плечо, но передумала, вдруг медальон отреагирует. - Отец не смог ударить. Сам пострадал!

- Угу. Помнится прежних владельцев - Пенетьери - побрякушки не уберегли.

Лизетта пожала плечами.

- О гибели императорской семьи ходит много легенд. Теперь не разберешь, что правда, а что вымысел. Много воды утекло. Может, их враг - министр - нашел способ временно обезвредить

медальоны, или же они не сработали по другой причине.

- Но... - начал Гастон и примолк.

А ведь дело жена говорит. Тем более, на шее медальон удачи. А счастливое избавление от родительской экзекуции вполне можно назвать везением.

- Интересно, какой из трех... в смысле, из двух медальонов у отца?

- Власти, - без раздумий ответила Лизетта. - Сам посуди, папеньку твоего все боятся. Даже герцогиня задрожала, едва он глянул. Сама сегодня видела. А что в нем страшного? Ничегошеньки! Обычный дворецкий. Не хлюпик, конечно, но и не богатырь.

- Но...

- Ты хоть раз пошел против его воли? Трясешься осиновым листом, ноги позволяешь об себя вытирать. Однако не постеснялся с моим папенькой - императором - пререкаться. Обычно языкастый до невозможности, а собственному отцу готов и одну щеку для удара подставлять, и другую.

Гастон открыл рот для нового возражения и...закрыл.

Теория-то стройная. Он никогда не понимал причины страха перед родителем, что греха таить. Удивлялся, как тому удается держать в ежовых рукавицах весь замок. Ведь ничего особенного не делает. Только приказы раздает направо и налево. Ну, и наказания назначает. Подчас несправедливые. Но никто не спорит и друг за друга не заступает. Мол, дворецкий всегда прав, и точка.

- Наверняка, отец поступил, как ты, и носит медальон на шее, - добавила Лизетта хмуро. - Источник власти всегда при нем. Это объясняет всеобщее подчинение и усложняет нам задачу. Огонёк не сможет колдовать несколько дней. Можно попробовать сонное зелье. Его трудно достать?

- Вообще-то, трудно, - ответил Гастон, дивясь сообразительности жены. Конечно, отец носит такую ценность на шее! Простое и идеальное решение! - Обычные сонные порошки на рынке продаются, но они для личного использования, коли ты бессонницей страдаешь или кошмары мучают. Прежде чем пить, надо особое заклинание прочесть в закрепление «связи». Если подсыпать кому-то другому, не сработает. Вредительские сонные порошки готовят сильные ведьмы и торгуют тайно. Первому встречному не продадут.

Лизетта скривила губы.

- Жаль. Не сражаться же с твоим папенькой. Нет, я, конечно, могу, если превращусь в кого подходящего. Но, сомневаюсь, что будет толк.

- А если поговорить? Не помешает узнать, как к нему медальон попал. Глядишь, пойдем, где третий искать.

Жена идею не оценила. Посмотрела так, будто Гастон глупость несусветную предложил. Мол, легче от скалы ответов дожидаться, нежели от Уильяма Ла-Пьера.

...Так ни о чем не договорившись они решили вернуться в апартаменты. Утро вечера мудренее. Гастон шагал мрачнее неба перед грозой. Мысль, что причина вечного страха перед родителем - в медальоне, злила до дыма из ушей. А он считал себя слабаком, готовым терпеть и побои, и несправедливые отцовские решения. Получается, это не он неспособен проявлять мужество и свободу воли, это треклятая побрякушка вынуждает подчиняться и поклоняться. Что ж, медальон власти не зря получил название. Отличная «игрушка» для императорской семьи.

Ох, черти...

Неудивительно, что лесной дед жаждет получить медальоны. Но ведь это опасно. У них и так имеется магия, благодаря которой они куда сильнее людей. Вон Лизеттин папенька даже побоялся признаться зловредному старикашке, что является правителем страны. А с медальонами, особенно с тем, на котором выгравирована буква «В», они столько дел наворотят, что все на свете черти вздрогнут и разбегутся прочь из Алманской империи. Ох, нельзя лесным столь мощные вещицы отдавать. Нельзя! Но как?...

- Ой!

Лизетта, шедшая впереди, внезапно остановилась, и задумавшийся Гастон врезался в нее, да так, что она качнулась и едва на четвереньки не приземлилась. Однако претензий и криков не последовало, ибо, когда дорогу преграждает странный серебристый визитер, как-то не до ругани.

Все слова в горле застревают.

- Лис? – удивился Гастон, сообразив, что и жена его видит.

- Вообще-то меня Елисеем зовут.

- Э-э-э.... очень приятно.

- Скоро не будет приятно, - лис криво усмехнулся. – Сходи светлость навестить. Прямо сейчас. И жену прихвати. Вдвоем «интереснее» получится.

- За-за-зачем? Похищения... в смысле, посещения запрещены. Герцог-отец распорядился.

- А ты не стесняйся, нарушь распоряжение. Светлость не стесняется, уж поверь. Главное, внутри не шумите. Постарайтесь врасплох застать.

Лис Елисей подарил плутоватую улыбку, вильнул пушистым хвостом и растворился в воздухе. Гастон с Лизеттой переглянулись. Она кивнула головой в сторону, мол, идем, коли велено. Но Гастона одолевали сомнения. Узнает герцог Винзур о нарушении, попадет всем троим: и ему с женой, и светлости. С другой стороны, лис неспроста дал «поручение», да и медальон удачи при них, должно всё сладиться.

Замок спал, как и полагалось по графику герцогини. Навстречу не попалось ни единой живой души. Только дымчатый кот, в чью задачу входило «патрулировать» подвал и чердак. Правда, выполняет ли он свои обязанности, оставалось загадкой. Днём Гастон видел его лишь дежурившим на кухне или дрыхнувшим на солнышке в саду, а по ночам разгуливающим по коридорам с видом хозяина замка.

Вот и апартаменты светлости. И никакой охраны перед дверью. А смысл? Герцог-отец знал, что младший отпрыск не посмеет нарушить приказ и выйти наружу. Не в том он положении, чтобы своевольничать, когда и так наказан. Иначе недавняя ссылка в глуши отдыхом на морском побережье покажется.

- Не передумал? – спросила Лизетта.

Вопрос покоробил. Магический страх перед отцом не значит, что он – тряпка. Но Гастон не показал вида, осторожным движением повернул дверную ручку. Ни в первой комнате, служившей холлом, ни в гостиной свечи не горели. Но через приоткрытую дверь спальни просачивался тусклый свет, и... слышались голоса: мужской и женский. Неужели, кто-то решил, как и они, навестить светлость? В спальне? Ох...

Гастон попятился. Насколько он знал, приятель ни с кем не заводил отношений в замке. Отец от романов со служанками в восторг бы не пришел. Трактирные девки – другое дело, они для того и предназначены. Но влюбленные горничные, или того хуже – беременные, точно не способны скрасить жизнь. Однако кто знает, вдруг светлость извелся взаперти от тоски и наплевал на осторожность и отцовское мнение.

Лизетта заметила мужнину попытку к бегству и сузила глаза. Тот развел руками, мол, неприлично это – мешать кому бы то ни было в интимные моменты. Но эту бестию разве проймешь? Первая шагнула к двери спальни и Гастона за собой потянула. Пришлось отправиться следом, дабы остановить, коли вознамерится внутрь ворваться. С нее станется. Не постесняется и не постыдится.

Гастон ошибся. Минуту спустя вовсе не у Лизетты возникло желание ворваться внутрь...

- Хватит прохлаждаться. Лучше придумай, как теперь быть. Маменька еле-еле уговорила госпожу дать нам отсрочку на неделю, чтобы все дела в столице закончили.

- А что тут можно придумать? Надо выждать. Мою матушку не переубедить. Да она со мной и не разговаривает. Ни разу после приезда не навестила. А Гастона теперь бесполезно опаивать. Всё равно свадьбу с тобой сыграть не сможет. У него жена рогатая, от которой десять лет не избавиться.

Мир качнулся, в ушах громынуло.

- Стой, - шепнула Лизетта, но куда там...

Гастон открыл дверь с ноги и ворвался внутрь, аки разъяренный зверь, и распалился еще сильнее. Картина, представшая взору, не приснилась бы и в страшном сне. Любовники лежали на кровати, едва прикрытые простыней: светлость на боку, Сабина на животе. Золотистые волосы, которыми Гастон восхищался, струились по белой спине волнами. В глазах потемнело. Как же искусно лживая девчонка притворялась скромницей, даже целовать себя позволяла изредка, не то, что трогать. А

тут...тут...

- Черти! Гастон, ты сдурел?!

Багровый от гнева герцог Себастьян Винзур хотел еще что-то проорать, но заметил за спиной «друга» Лизетту и охнул. Натянул на себя простынь, полностью обнажив Сабину. Та взвизгнула, попыталась прикрыться руками, но сообразив, что толку от этого никакого, скатилась на пол и спряталась за кроватью.

- Значит, это ты опаивал меня в ссылке, - констатировал Гастон яростно.

- И что с того? – светлость пожал плечами. – Ты ж сам хотел жениться.

- Как давно ЭТО продолжается?

Светлость молчал, Сабина – тем более. Только рыжая макушка торчала из-за перины.

- Встань, когда я с тобой разговариваю! – приказал Гастон теперь уже бывшему лучшему другу. Будто не тот – герцог, а он сам. Не помогла и ладонь Лизетты, которая поспешно легла на плечо и осторожно похлопывала в попытке охладить пыл.

Удивительно, но светлость повиновался. Встал, придерживая простынь. А, может, просто пожелал говорить на равных. Лежать голышом несолидно. Уж лучше стоять.

- Да ладно тебе, Гастон. Подумаешь, какая-то девка.

- Как давно? – повторил он вопрос.

- С год, наверное.

- То есть... то есть... - у Гастона перехватило дыхание.

Получалось, что сначала «драгоценная» Сабина прыгнула в постель к светлости, а потом начала встречаться с ним, изображая невинность. Но зачем? Ответ пришел вспышкой молнии. Ну, конечно, наглая рыжая девчонка всегда хотела сытной жизни, бесконечно болтала, как они будут жить припеваючи в замке молодого герцога. Всё рассчитала! И богатый любовник рядом, и муж-простофиля, которым можно помыкать. Что ж, он, правда, тряпка. Не только перед отцом, управляющим всеми с помощью магической вещицы. Преклонялся перед Сабинкой, пресмыкался перед светлостью, выполняя каждую прихоть. Еще лучшим другом называл!

- Как ты мог? – спросил он тихо.

Спокойный тон ввел светлость в заблуждение. Он пожал плечами.

- А что такого? Я герцог, могу делать всё, что пожелается.

- Даже предавать меня?

Тот хмыкнул.

- Ой, брось, Гастон. Ты пребывал в счастливом неведении, только и грезил о своей «прелестнице». Жил бы с ней, считая себя везунчиком. Ну да, она скакала бы из твоей постели в мою. Я в своем праве. Ты мне всем обязан. Где б ты был, если б не я? В монастыре! Ел бы черствый хлеб, спал на соломе и молился богам дни напролет. Я твой благодетель и господин. Смирись. А теперь забирай свою корову и выметайся из моих покоев. У нас с Сабинкой бо-о-ольшие планы на эту ночь.

Губы светлости расплылись в гаденькой улыбочке. Он считал, что «битва» осталась за ним, не осознавая, как сильно выбили Гастон из колеи события последних дней.

Зато Лизетта это поняла. Почувствовала.

- Не надо, - шепнула она.

Но для Гастона настал предел. Удар получился мощным и прицельным. Аккурат в скулу бывшему лучшему другу. Тот завалился набок, держась за щеку. На глазах выступили слезы боли и обиды.

- Ты заплатишь... Слышишь? Ты за это заплатишь!

- Прощайте, герцог Себастьян, - процедил Гастон.

Даже «светлостью» не назвал. Светлость – это нечто теплое, родное. А перед ним посторонний человек. И полное ничтожество.

- Идем, - он взял Лизетту за руку и вывел в коридор.

Кровь пульсировала в венах, того гляди, брызнет фонтаном. Злость требовала выхода. Хоть стену лупи, калеча кулаки. «Дурак, дурак, дурак!» - стучало в висках. Какой же бездарной вышла жизнь. Столько лет проведено бесцельно рядом с человеком, недостойным и толики внимания. А теперь... теперь захлопнулась ловушка. Не выбраться, не найти собственного пути. И всё из-за герцога-предателя!

К счастью для стен и кулаков, возможность выпустить пар была на подходе. В коридор, где располагалась спальня младшего Винзура, завернула кухарка Берта - маменька изменницы Сабины. Увидев Гастона с Лизеттой, остановилась и вытаращила глаза.

- А вот и ты, гаденыш! Из-за тебя и жены твоей - коровы - нас с доченькой прочь вышвыривают! Как мусор!

Ярость Гастона, которая секунду назад походила на раскаленную лаву, превратилась в лед. Но не гладкий, что зимой покрывает пруд, а в искривленный, с острыми, как кинжалы, кристаллами.

- С доченькой? С той, что сейчас в кровати герцогского отпрыска кувыркается?

Берта кашлянула от растерянности и, кажется, позабыла все слова на свете.

- Признавайся, чья была идея - сначала герцога соблазнить, а потом меня захомутать?! Твоя или этой бесстыжей девки? Ну, чего молчишь?! Язык проглотила?!

Ладонь Лизетты снова легла на плечо.

- Она не знает, - зашептала жена в ухо. - Не знает про герцога.

Настал черед Гастона вытаращить глаза. Как это - не знает? Берта же участвовала в похищении Лизетты! Или же она считает, что помогает кроиночке подходящего мужа заполучить, а про ее постельные похождения ни сном, ни духом?

- Что ты себе позволяешь?! - ожила кухарка. - Как смеешь говорить подобные вещи о невинной девочке.

Гастон хмыкнул и указал в сторону герцогских покоев.

- Загляни туда и узнаешь, какая Сабина невинная.

Он схватил за руку жену и потащил прочь. Предпочел не дожидаться реакции Берты, хотя подозревал, что та не удержится, зайдет в спальню к светлости. Терять-то ей нечего. Они с дочкой уже изгнаны из столицы.

- Постой, - попыталась остановить мужа Лизетта. - Апартаменты в другой стороне.

- Знаю. Мы идем не туда. А к папеньке. За медальоном.

- Но...

- А какой у нас выбор? Герцогский отпрыск в нокауте. Этого мне не простят. Придется уносить ноги посреди ночи. Но сначала надо забрать то, ради чего мы приехали в этот прогнивший замок...

- Упертый мальчишка! - выругался старший Ла-Пьер, увидев младшего отпрыска на пороге. - Что на этот раз? Неужто, извиниться решил?

Гастон с трудом подавил желание осчастливить родителя знанием, что извинений тот не заслуживает. Ему самому прощение просить положено за то, что годами лишал сыновей воли при помощи магии.

- Мне нужен медальон.

Ни единый мускул не дрогнул на отцовском лице.

- Какой медальон?

- Тот, что у тебя на шее. Медальон власти семьи Пенетьери.

Вот теперь старший Ла-Пьер встревожился. В глазах промелькнул страх, но быстро погас.

- Убирайся!

Он попытался закрыть дверь, но Гастон выставил руку и не позволил это сделать.

- Я не уйду без медальона.

- Отнимешь силой? – усмехнулся отец. Издевательски усмехнулся, хуже, чем обычно.

Гастон пожал плечами.

- Мне терять нечего. Я только что ударил герцога Себастьяна, и в ближайший час покину замок навсегда. С медальоном. Хочешь ты того или нет.

Лизетта в разговор не вмешивалась, стояла рядом, стараясь не смотреть в глаза отцу Гастона. Но едва муж вошел внутрь, вынудив родителя потесниться, шагнула следом.

Уильяма Ла-Пьера сообщение сына не впечатлило.

- О, тебе теперь есть чем гордиться! Разбитой физиономией главного увальня столицы!

- Тебе больше не удастся меня задеть, - Гастона трясло от волнения, но он отчаянно храбрился, зная, что эмоции – следствие влияния медальона. – Отдай то, что прошу.

- Да я тебя! – отец замахнулся, но промедлил, явно вспомнив дневную попытку.

Гастон воспользовался заминкой и расстегнул рубашку, под которой прятался второй медальон – тот, что приносил удачу.

- Рискни. И снова пострадаешь.

О, да! Это следовало сделать, хотя бы ради отцовской реакции. Он открыл рот и попятился, столкнувшись с прибежавшей на ругань матушкой.

- Отдай ты ему эту побрякушку! – велела она. – Его же собственность! И пусть убирается вон. Всё равно не принес ничего, кроме проблем и огорчений.

Гастон с Лизеттой растерянно переглянулись. Как это «его собственность»?

- Твоя-твоя, - подтвердила Инесса Ла-Пьер раздраженно, пока муж прикрывал руками грудь, желая защитить любимую «игрушку» - На тебе эта штука была, когда ты к нам...э-э-э...прибыл.

Лизетта охнула, быстро смекнув, в чем смысл странного слова, а Гастон лишь бестолково тараторил на мать. Прибыл? Откуда прибыл?

- О чем ты, матушка?

- Никакая я тебе не матушка! Согласилась я тебя принять – нагулянного. И то лишь потому, что долг у меня был перед отцом твоим неоплатный. Надеялась, человеком сделаем, отправишься богам служить. Но не оправдались надежды. Никудышный ты.

Гастон смотрел на женщину, которую любил, несмотря на строгость в воспитании и отказ защищать его перед жестоким отцом, и всё еще не понимал. Не желал понимать. То есть, он прекрасно догадался, о чем речь. Не дурак же. Но разум отказывался верить. Родители, пусть и не самые идеальные, всегда оставались чем-то незыблемым.

А теперь... теперь...

- Вон! – старший Ла-Пьер показал пальцем на дверь, совершив фатальную ошибку.

У Гастона сдали нервы, он схватил папеньку за грудки и толкнул в стену. Но мгновение спустя сам оказался на полу, а дальше... дальше грохнуло так, что заложило уши. Отец и сын разлетелись в сторону, здорово приложившись кто спиной, кто затылком. Медальоны явно не захотели сражаться друг против друга.

- Помогите! Убивают! – завопила Инесса Ла-Пьер.

Хорошо, что Лизетта сориентировалась. Пока свекор растерянно моргал, приходя в себя, наклонилась над ним и сорвала цепочку с шеи.

- Бежим! – она подтолкнула лежащего на полу мужа. – Шевелись!

Дополнительного приглашения не требовалось. Гастон вскочил и припустился за женой, пока на крики фальшивой матушки не сбежалась половина замка.

- Нельзя в апартаменты возвращаться! – оповестила Лизетта на бегу.

- Придется. Там Огонек.

- Она - лесная. Сама справится!

- Девчонка пока колдовать не может. Забыла? А коли деду нажалуется сгоряча? Оба пропадем.

- Проклятье! - выругалась Лизетта, молясь, чтобы попытка спасения горе-помощницы не обернулась бедой...

Глава 15. Предрасветный гость

Гастон посмотрел назад – туда, где осталась столица, но вопреки ожиданиям не испытал ни капли сожалений. Будто не дом родной покидал, а чужой город, в котором провел не больше недели. Странное ощущение. Ну да черти с ним. О чем сожалеть-то? Что он оставляет за собой? Все близкие оказались фальшивками. И мать, и невеста, и лучший друг. Отец, правда, настоящий, но от этого нелегче. Плевать ему на Гастона. Медальоном пользовался, а на сына то с плетью, то с кулаками кидался, раз за разом напоминая, какое он ничтожество. А тот и не спорил.

- Что приуныл? – поинтересовалась Огонёк.

Лесная девчонка ехала верхом на Лизетте, которая, к их общему счастью, обернулась лошастью. Не пришлось тратить время, дабы прятать от посторонних глаз очередную чудо-зверушку. Чем быстрее и дальше убраться от столицы, тем безопаснее. Толкового плана они пока не придумали, просто ехали туда, куда «ехалось».

- Я? Приуныл? – Гастон умело изобразил веселье, благо за годы «дружбы» с герцогом Себастьяном он мастерски научился делать это в любом настроении. - Да я бодр и готов к подвигам! Попробуйте, догоните!

И он погнал лошадь – самую обычную, купленную на постоялом дворе, вперед. Не сомневался, что Лизетта откажется от преследования. Настроение не то. Однако за спиной раздался бойкий стук копыт. Видно, женушке хотелось выплеснуть эмоции. Что ж, не самый плохой способ...

...Накануне, как ни странно, операция по «спасению» Огонька прошла без проволочек. Супруги не только успели добраться до апартаментов, но и захватили вещи первой необходимости, а еще драгоценности Лизетты. Правда, на выходе из замка дорогу преградили стражники, но лесная девчонка вышла вперед и угрожающе подняла руки.

- Сейчас всех в свиней превращу! Навсегда! Никто расколдовать не сумеет!

Как стражники ни страшились герцогскую чету и дворецкого, перспектива до конца дней ходить на четырех копытцах и хрюкать напугала куда сильнее. Бравые парни расступились, пропуская трицу. Мол, ступайте на все четыре стороны, главное, чтобы выбранная сторона располагалась как можно дальше.

Беглецы и сами не возражали против такого плана. Семейство Винзур затаит обиду и захочет отыграться за рукоприкладство, старший Ла-Пьер легко не сдастся, попытается вернуть источник власти. Не говоря о черном принце, которым все кругом страшат. Но сначала следовало хоть немного подумать. Гастон не сомневался, что Лизетта предложит обратиться за помощью к папеньке-императору, и ошибся. Этот вариант она даже не рассматривала, явно не считая родственников союзниками.

- У тебя есть знакомые скупщики? – спросила она мужа. - Те, что ночью работают? Надо продать драгоценности. Некогда до завтра выждать.

- Ты готова расстаться с бриллиантами и рубинами? – изумился Гастон.

- Мне их дарили, чтобы задобрить и откупиться. Да и где в них щеголять? На постоянных дворах? А деньги – это деньги. Они нам понадобятся.

На «дело» пошли вдвоем. Огонька оставили под присмотром хорошей знакомой – трактирщицы, за которой был крупный должок. Однажды Гастон помог ей договориться с бандой Вилли, дабы подождали и не сожгли заведение дотла за просроченную выплату. Лесная девчонка не обрадовалась перспективе оставаться в подсобке трактира, но Гастон объяснил, что присутствие ребенка покажется скупщику подозрительным, а у них и так проблем по горло. Он и Лизетту не горел желанием брать, но та уперлась.

И снова всё сложилось отлично. До нужной лавки добрались без приключений. Благодаря повязке на руке банда Вилли их не трогала. Ночные гуляки скользили по нервничающим супругам равнодушными взглядами, будто по злачным местам разгуливает не эффектная блондинка, а неприметная дурнушка. Этому, вероятно, способствовала уже не повязка, а медальон удачи. Он же помог со скупщиком. Хитрый на вид старикашка взял весь предложенный товар и заплатил за него хоть и меньше реальной стоимости, но больше, чем Гастон рассчитывал.

- Почему ты не хочешь попросить о помощи папеньку? – спросил он Лизетту, выйдя из лавки. - Соглашаешься ехать неизвестно куда?

Она пожала плечами.

- А толку? Ты же видел, как он решает проблемы. С глаз долой, и все дела. И вообще, у меня предчувствие, что нельзя никого вмешивать. Мы сами по себе. Кстати, - она запустила руку в корсет и вытащила медальон власти. - Надень его. Так надежнее.

Гастон замотал головой.

- Чтобы все шарахались, как от папаши? К тому же, один уже на мне.

- Будет два. Надень. Мату... хм... госпожа Ла-Пьер сказала, это твоя собственность.

- Но с какого перепуга? - Гастон смирился, взял из рук жены волшебную вещицу и повесил на шею.

- Ух...

Кожу на груди обожгло огнем, но боль мгновенно сменилась на легкое и даже приятное покалывание. Он торопливо расстегнул рубашку и присвистнул. Вместо двух медальонов взору предстал один. Но с парой букв «У» и «В».

- Слились? - изумилась Лизетта. - Сплошные сюрпризы.

«Неприятные сюрпризы», - промелькнуло в голове. Ведьма Клотильда требовала медальон истины. Но как его отдать, если он объединится с остальными? Впрочем, какая печаль? Его еще найти надо, а потом раздумывать над проблемой.

Не факт, что поиски вообще увенчаются успехом.

- Как думаешь, кто твоя настоящая мать? - спросила Лизетта после паузы.

- Разве неочевидно? - ответил Гастон без намека на эмоции. - Чародейка Кара. Я жил с ней в раннем детстве, потому мне и снится то...хм... событие. Что-то стряслось, и Кара отдала меня отцу. В замке Винзуров об этом никто не знает, ведь родители устроились к герцогскому семейству, когда мне четыре стукнуло. Перебрались туда уже со мной.

- Но Кара - чародейка, а у тебя нет магических способностей, - возразила Лизетта, провожая смущенным взглядом уличную девушку и подвыпившего парня. Парочка скрылась в соседнем переулке и явно не для поцелуев.

- Может, есть способности, - отозвался Гастон хмуро, вспомнив с толикой обиды магию Дины в шатре циркачей. - Просто меня никто не обучал. Уверен, Кара не отдала бы медальон постороннему. Да и Дина оговорилась, сказала мне двадцать три, хотя день рождения только через полгода. Видно, отец с фальшивой матушкой придумали новый.

Лизетта посмотрела на мужа с недоумением.

- Ты так спокойно об этом рассуждаешь, будто не тебя касается.

- А что делать? Головой об стену биться? Ты же из-за своего семейства не бьешься.

Супруги вздохнули в унисон. Лизетта подумала, что Гастон ошибается. Нет, об стену она никогда не билась. И всё же слез в детстве из-за родителей и сестер, живущих в императорском дворце припеваючи, пролила немало. Гастон же подумал, что ошибается Лизетта. Он не спокоен. Совершенно не спокоен. В душе бушевал ураган, впору схватить палку и крушить ею всё подряд. Пока в руках сила не закончится.

Если он прав, и чародейка Кара - настоящая мать, выходила вот такая штука: от него она избавилась, отдала жестокому отцу, а дочку вырастила сама и магии научила. Обидно? Еще как! Дине, значит, судьба магички, а ему - унылая жизнь в монастырских стенах. Вряд ли Кара возражала против планов Уильяма Ла-Пьера отправить сына в монахи. Нет, на Дину он не сердился. Девчонка-то причем? Не она решение принимала. А вот матушке высказал бы пару-тройку претензий. Оставлять детей с теми, кому они даром не нужны, огромная ошибка...

После дня пути вынужденные путешественники решили провести несколько часов на постоялом дворе. Солнце село, Лизетта обернулась, и на всех троих осталась одна единственная лошадь. Гастон предложил поспать часа четыре, а потом убраться подобру-поздорову, пока вместо жены не появился огнедышащий дракон. Главное, еще одного коня купить. А там, когда наступит рассвет, решать, как поступить: двигаться дальше или прятаться с очередной необычной животинкой в лесу.

Увы, свободных комнат не нашлось.

- Завтра ночь купаний, - объявил хозяин. - Всё кругом переполнено. Можете, на сеновале переночевать, коли «ароматы» не смущают. Он над конюшней.

Гастон махнул рукой. Сеновал, так сеновал. Лишь бы поспать, да не под открытым небом. За последний час набежали тучи, до утра непременно прольется дождь. К сожалению, хозяин не преуменьшил, запахи снизу шли отнюдь не ароматные, но Гастон слишком устал, чтобы жаловаться. Лизетта тоже помалкивала, хоть и морщила нос.

- Какие же глупые эти люди, - проворчала Огонёк, пока Гастон делил на троих скудный ужин, который им смогли предложить: по ломтю хлеба с сыром, кусочек ветчины и кувшин молока. - Думают, что искупаются в особую ночь и от всех хворей излечатся.

- А разве это не так? - удивился Гастон.

Обычай купальной ночи он знал с детства. Мать, то бишь, Инесса Ла-Пьер не раз вывозила их с братьями на ближайшее лесное озеро - окупаться и оздоровиться.

- Конечно, нет. Купаться надо не завтра, а сегодня. Магам. А людям и вовсе необязательно. На них обряд не действует.

Она запихнула в рот свою порцию еды и направилась к выходу.

- Ты куда?

- В лес.

- На купания?

- Нет, - глазища сердито блеснули, мол, какой же ты бестолковый, всё же очевидно. -Надобно силу колдовскую укрепить, а то всё истратила. В лесу быстрее выйдет.

Гастон хотел, было, возразить. Нечего ребенку в одиночку шастать, но Лизетта качнула головой - не вмешивайся, девчонка знает, что делает.

- Ты, главное, до рассвета возвращайся, - попросил он.

Огонёк кивнула и, напевая песенку, поспешила в ночь.

Прежде чем отправиться на боковую, Гастон принес ведро воды. Ополоснул лицо и вышел наружу, чтобы дать возможность Лизетте заняться водными процедурами. Небо всё темнело. Вдали - над лесом - промелькнула молния. Может, зря Огонёк на ночную прогулку отправилась? С другой стороны, она всю жизнь провела в лесу. Видела и грозы, и метели. Должна уметь находить укрытие. Это людям непогода неприятна, а то и страшна. Маги, особенно лесные, такой «ерунды» не боятся.

Сверху упало несколько крупных капель, и Гастон поморщился. Не из-за дождя как такового, а из-за воспоминания о последнем пребывании под ним. В ту памятную ночь они с герцогом Себастьяном отправились в красный замок - похищать богатую девицу. Знал бы он, как всё обернется, сидел бы в ссылке тихо, как мышь. И носа из обветшавшего замка не высовывал. Рано или поздно старший герцог Винзур сменил бы гнев на милость, простил бы отпрыска, и тот вместе с приятелем вернулся б в столицу. Жизнь пошла бы своим чередом.

Хотя...

Гастон вдруг задумался о том, как бы всё сложилось, не случись судьбоносное похищение Лизетты. Всё верно, он бы вернулся в столицу, сносил бы, как и раньше, беспочвенные папенькины претензии с оплеухами, пресмыкался б перед так называемым другом, терпя капризы и сумасбродства. А еще женился на Сабине, которую б делил с молодым герцогом. Пребывал бы в «счастливом» неведении и оставался тюфяком. Перспектива отнюдь не радужная. Да, нынче тоже радоваться нечему, но у него есть свобода выбора. Или ее иллюзия.

Дождь усилился, и Гастон, уверенный, что жена закончила с умыванием, юркнул назад - под крышу. Сделал пару шагов и замер, зачарованный представшей картиной. Лизетта в одной нижней юбке склонилась над ведром с водой. Светлые пряди вились по обнаженной спине, напоминая пружинки. В облике ощущалась легкость и стать, как в первую встречу, когда девушка босиком танцевала в беседке в проливной дождь. У Гастона перехватило дыхание, почудилось, от кожи жены отходит серебристое свечение. Он с трудом поборол желание протянуть руку и коснуться ее - бархатистой, мягкой.

Под ногами скрипнула дощатый пол. Лизетта развернулась. Вскрикнула и прикрылась руками. Но Гастон, хоть и отвернулся в тот же миг, успел разглядеть всё, что надо. Точнее, то, что не надо. Каждый изгиб.

- Прости! Я...я... думал, ты того... закончила. А там льет, как из этого... ну...

Треклятое название совершенно вылетело из головы, вытесненное притягательными формами жены. И неважно, что этот самый предмет обихода стоял неподалеку.

- Тьфу на тебя! – раздалось за спиной.

Судя по шороху, Лизетта торопливо одевалась. Голос прозвучал ни разу не смущенно. Зато грозно. Гастон заподозрил, что коли завтра она превратится в боевую живность, то припомнит всё ненароком увиденное.

- Можешь поворачиваться.

Он бы предпочел не шевелиться еще какое-то время, чтобы не встречаться с Лизеттой взглядом. Не дайте боги, прочтет по глазам, какое впечатление произвела. Глупо это. Еще недавно рогами по мягкому месту прикладывала и огнем из пасти чуть шевелюру не сожгла, а теперь он глянул на обнаженную грудь и сразу размяк? Нет уж! Не получит она – дракониха эта – его тепленьким. И вообще, вся эта красота – напускное. Знает Гастон ее натуру – буйную и несговорчивую.

Впрочем, медлил он зря. Лизетта на него даже не смотрела. Стояла спиной. На этот раз полностью одетая. Заплетала белокурые волосы в косу, беспечно напевая под нос. Ничем эту бестию не проймешь!

- Спокойной ночи, - буркнул Гастон и устроился в дальнем углу.

Лизетта демонстративно не ответила. Закончила с «прической» и тоже отправилась спать – в противоположный угол. Но если муж уснул быстро, она ворочалась на сене с боку на бок часа два, вина раскаты грома и стук дождя по крыше. Однако причиной бессонницы был вовсе не шум снаружи. Гастон ошибся, посчитав, что Лизетта не испытала смущения. Еще как испытала! Щеки горели, словно весь день провела на солнце. Ну и угораздило! В таком виде ее не лицезрел никто, кроме фальшивой воспитательницы и пары горничных. И уж точно ни один мужчина!

Еще больше самого факта появления Гастона в неподходящий момент взволновала его реакция. Хоть муж и поспешил отвернуться, Лизетта распознала блеск в глазах. Странно, но это не испугало. Смутило, да. Однако еще и польстило. Прежде Гастон, как и все остальные мужчины, воспринимал ее, скорее, зверем, нежели девицей. Не замечал ни лица, ни фигуры. Мол, корова, она и есть корова. А теперь... теперь разглядел женщину. Женщину, достойную интереса.

И не важно, что самой Лизетте нет никакого дела до Гастона. Он – мужчина. Потому его интерес всё равно приятен. Поднимает и настроение, и самооценку.

Гастону снился всё тот же сон. Молодая Кара трясла его за плечи и повторяла знакомую фразу. Однако появились и новые подробности. Устав от ругани, чародейка потащила его за руку по коридорам замка, гораздо богаче, чем у Винзулов. Не обращала внимания ни на горестный рев, ни на заплетающиеся детские ноги.

«Сам виноват», - процедила она, остановившись у неприметной двери. – *«Придется увезти тебя, чтобы спасти от судьбы. И от смерти».*

«Мама...» - прохныкал он.

Но Кара резко развернула его и схватила за ворот:

«Сиди в спальне! Не смей больше никуда выходить! Ты понял, Габриэль?»

Он лишь всхлипнул и кивнул.

«Вот и славно. А я пока настойку особенную приготовлю. Выпьешь ее перед сном...»

Кара ушла, а Гастон прошагал в спальню с детской кроватью под пологом. Но вместо того, чтобы взобраться на неё, завертелся на месте, приговаривая:

«Елисей! Ну, где же ты, Елисей?»

Никто не отозвался, и маленький Гастон сел на пол. Вытер рукавом мокрые щеки, приказывая себе успокоиться, ведь мальчики не плачут. Но неугомонные слезы побежали еще сильнее. Слезы обиды. Он не сделал ничего дурного и не понимал, за что его ругают. Тем более, прежде мама никогда не повышала на него голос.

«Ну, и чего ревешь? Тебе не положено».

Нет, это не мать вернулась. Рядом стоял серебристый лис и взирал с укоризной.

«Елисей! Мама ругается!»

«Ругается? И что же ты натворил?»

«Я...» - мальчик снова громко всхлипнул. - «Я просто... просто...»

- Ой! Ой-ой-ой!

Гастон не сразу понял, что происходит. С чего бы отцу проникать в странный сон? Да еще дуть на обожженную руку и стенать, как девчонке? Хотя ожоги на пальцах, и впрямь, получились знатные.

- Как он нас нашел?!

К ним подскочила Лизетта с ошалелым выражением лица, и до Гастона дошло, что происходящее - не продолжение сна, а самая настоящая реальность. Папенька загадочным образом умудрился их разыскать и попытался среди ночи украсть медальон.

- Он мой! Отдайте! - процедил он, «убаюкивая» пострадавшую руку.

Выглядел родитель жалко. И вовсе не грозно, как раньше. Постарел, осунулся, будто не сутки прошли, а несколько месяцев. Обычно идеально уложенные волосы торчали во все стороны, а глаза... глаза, как у пса побитого, по-другому не скажешь. Но в то же время злые, будто этот самый пес поник, но затаил лютую обиду, чтобы после отыграться.

- Отдайте, - повторил отец. Но не требовательно, а плаксиво.

Тяжко вздохнул и опустил на пол.

- Как ты нас нашел? - спросил Гастон и с уважением покосился на Лизетту. Она схватила забытые работниками вилы и направила их на свекра. Мол, только попробуйте еще что-нибудь выкинуть, я и без рогов с вами справлюсь.

Отец пожал плечами.

- Я его чувствую. Медальон. Отдайте.

- Но он не твой. Матушка... твоя жена сказала, он был на мне. Значит, медальон - моя собственность, а ты ее присвоил.

Ульям Ла-Пьер скривился, будто увидел нечто омерзительное.

- Считай это платой. За твое содержание и воспитание.

- Платой?! - возмутилась Лизетта. Вилы угрожающе задрожали. - Он - ваш сын. Это ваша обязанность - растить и...

Она не договорила, потому что свекор расхохотался, как безумный.

- Сын? Еще не хватало! Мои сыновья приличными людьми выросли. Один служит и империю защитит от врагов, коли понадобится. Другой булки да пироги печет, тоже дело важное и нужное. А этот, - он разочарованно кивнул на Гастона, - сплошное недоразумение. Слава богам, я тут никаким боком.

- Но госпожа Ла-Пьер сказала... - начала Лизетта, но свекор перебил.

- Лишь то, что я ей внушил. Правду она бы не потерпела.

- К-к-какую правду? - выдохнул Гастон.

Боги! Что еще скрывает эта семейка?!

Фальшивый папаша сложил руки на груди, но задел обожженные места и застонал.

- Ничегошеньки я тебе не скажу, пока имущество не вернешь.

- Не вздумай, - шепнула Лизетта, но в планы Гастона обмен и так не входил.

- А если я прикажу? - спросил он проникновенно.

- Не выйдет, - Ульям Ла-Пьер усмехнулся. - Медальон дает власть. Но не сразу. Нужны недели, дабы он с тобой сроднился и начал на окружающих влиять. Так что не надейся на откровенность, бездарь ты никудышный. Эх, была надежда, что хоть монах из тебя выйдет, и пользу будешь людям приносить. Да куда там...

Гастон возвел глаза к потолку. Опять с этим монашеством привязался. Не уймется всё.

- Чья это была идея? Твоя, небось?

Ла-Пьер хитро прищурился.

- Вовсе нет. Я в монахов не особо верю. Мать твоя придумала. Настоящая. Так и велела, когда тебя отдала. Мол, как вырастет, пусть в монастырь отправляется и живет там до конца дней, сколько бы боги не отвели. Тьфу! - он сообразил, что нарушил собственный же зарок ничего приемному сыну не рассказывать. - На этом всё. Даже не спрашивай, кто твоя мать и откуда.

- Кто она, я и без тебя знаю, - объявил Гастон с толикой самодовольства. - Чародейка. Карой звать.

О, да! Надо было видеть папенькино лицо. Глаза скакнули на лоб, густые брови почти слились с волосами, рот открылся так, что нижняя челюсть того гляди до груди достанет.

- От...от...откуда узнал?!

- Виделись недавно, - бросил он с деланным равнодушием.

- Врешь! Кара умерла. Уж много лет минуло!

Теперь опешил Гастон. Как это - умерла? Не с призраком же он встречался?

- Умерла, - повторил Ла-Пьер. - Во время вторых родов. Вместе с ребенком. Девочкой.

Гастон и Лизетта переглянулись. Дина! Но ведь она очень даже жива. Как и мать. Неужели, обман? Но для чего все это понадобилось?

«Что ты наделал? Что же ты наделал?» - вновь зазвучало в ушах.

Гастон поежился. Что если причина всего этого «маскарада» его таинственный поступок? Тот, который так напугал и разгневал мать?

- Почему Кара меня отдала? Говори!

Но Ла-Пьер не шевельнулся. Погрузился в печальные думы о прошлом.

- Ладно! - Гастон сжал кулаки от бессильной ярости. - Тогда скажи, кто мой отец?

Он не сомневался, что мужчина, который много лет назывался его родителем, снова промолчит. Но не спросить не мог. Вопрос будто жег рот. Однако Ла-Пьер встрепенулся. Посмотрел на приемного сына, а в глазах промелькнула ненависть.

- Художник. Такой же никчемный бездельник. Ты и внешне похож на него. Только волосы от матери достались.

- Художник? - переспросил Гастон благоговейно.

Сердце сжалось, будто угодило в тиски. Вспомнилась детская страсть к рисованию и бесконечные порки за нее. Отец запрещал брать в руки угольки и краски, говорил о предсказании, мол, сыну надобно забыть о художествах, иначе навлечет беду на всю семью. Значит, всё ложь. Приемный родитель не хотел, чтобы ребенок рисовал, потому что ненавидел настоящего отца. Из-за этой ненависти он лишил Гастона единственного занятия, приносившего истинную радость. Лишил призвания.

Стоп!

Но почему, собственно, Уильям Ла-Пьер ненавидел мужа Кары?

- Проклятье, - простонал Гастон, взъерошивая пятерней волосы. - Ты был влюблен в нее! В мою мать!

На груди вновь вспыхнул сдвоенный медальон. Но не обжег. Предал уверенности.

- Отвечай мне! Я приказываю!

Он сам не понимал, почему это сказал. Слова пришли сами. И, как ни странно, помогли. Отец

подчинился, хотя лицо исказилось от напряжения и нежелания говорить.

- Кара была моей невестой. Но мне пришлось жениться на Инессе. Родители настояли. Она собиралась за моего старшего брата, но он погиб за три дня до свадьбы. Увидел, как лошадь, в телегу запряженная, понесла. Скакала прямо на детишек, что в траве играли. В общем, спас их от смерти неминуемой, а сам... - Ла-Пьер горестно махнул рукой. - Инесса осталась ни женой, ни вдовой. Она ведь у нас жила. Ее семья брак не одобрила, из дома выгнала. Конечно, жених с невестой ночевали отдельно, но людям не докажешь. Вот родители решили, что я должен жениться, чтобы Инессу от позора уберечь.

- И ты беспрекословно согласился? - изумился Гастон.

Это папенька-то? Ему же плевать на чужие приказы с высокой колокольни.

- В семье Ла-Пьер принято отца с матерью слушаться. Даже если у самого иные желания.

Гастон с трудом удержался от ругательств. Вот, как! Сам по приказу родителей взял в жены нелюбимую женщину, заставив страдать и себя, и настоящую невесту, но с собственными детьми поступал также, не позволяя самим выбирать жизненный путь.

- А Кара, значит, вышла замуж за художника?

- Да. Но он ей не нравился. Родня настояла. Говорю же, бездельник! Неудивительно, что тебя - его копию - Кара бросила и велела, как вырастишь, в монастырь отправить. Мне, правда, пришлось для Инессы сказочку сочинить. Мол, зарок я дал, пообещал богам, что раз жене изменил, плод той измены служить им отправлю. Она одобрила, посчитала правильным решением.

- Как зовут моего отца?

Ла-Пьер, безропотно отвечавший на последние вопросы, вдруг ослабил и отрицательно мотнул головой, а Гастон ощутил, как на груди остыла магическая вещица.

- Ничегошеньки я тебе больше не скажу. Не надейся. А медальон всё равно верну.

- Ах, ты! - он издал звук похожий на рычание, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не замахнуться на так называемого родителя.

Собрался, было, попробовать снова приказать ему говорить, но Лизетта охнула и схватила его за рукав. Но вовсе не в попытке защитить Ла-Пьера.

- Рассвет, - прошептала она через силу. - Мне пора.

- Куда пора? - не сразу сообразил Гастон. - Ох, черти...

За допросом они и не заметили, что снаружи вот-вот взойдет солнце.

- Хватай вещи, и бежим! - скомандовал он и первым перекинул через плечо тяжелый тюк, оставив жене поклажу полегче.

Проклятье! Где же Огонёк?! Ей полагалось вернуться до рассвета!

Увы, далеко убежать не получилось. Едва они миновали лесенку и половину пути от сеновала до ворот, Лизетта уронила мешок и качнулась, будто в трансе. Подняла руки вверх и... Гастон зачарованно смотрел, как жена делает кувырок, и молился всем богам на свете, чтобы вместо нее взору предстала лошадь. Или хотя бы корова. Но...

Земля содрогнулась от удара мощных когтистых лап, в небо взметнулось пламя.

- Вот, черти огнедышащие, - простонал Гастон горестно. - Дракон...

Как вовремя! Ну, в самом деле! Хуже не придумаешь!

Или придумаешь?

- Ой, мамочка! Спасите! Нечисть!

Кричала поломойка, вышедшая на крыльцо гостиницы с ведром воды. Ее вопль вкупе с грохотом, что устроила Лизетта, послужили сигналом для других обитателей постоянного двора. Заскрипели рамы, и криков сразу прибавилось. Они умножались и умножались. Ничего удивительного. Любой бы пришел в ужас, увидев спросонья самого настоящего дракона размером с трех коров!

- Чего замер? - прошипела Лизетта сквозь острые, как кинжалы, зубы. - Залезай!

- Куда? - прошептал Гастон.

- Да на меня! Живее!

Он сам не понял, откуда взялась храбрость. Однако вскарабкался по чешуе на спину жены, да еще и оба мешка прихватить не забыл. С боков с шумом захлопали крылья, и земля мигом осталась далеко внизу. Прежде чем улететь, жена сделала круг над постоянным двором. Выпустила мощное пламя, не задев ни единой постройки, и пообещала не предвещающим добра тоном:

- Только попробуйте кому-то рассказать, что видели. Вернусь и всех сожгу!

Гастон вздохнул тяжело. Ну и жена... А еще пожалел о лошади, оставшейся в конюшне...

...Полчаса спустя он сидел в лесной глуши возле озера, в котором следующей ночью планировал купаться весь честной народ, с грустью взирал на водную гладь и отходил от безумного полета. Лизетта лежала рядом на пузе и страдала. В смысле, перечисляла блюда, которые бы сейчас с удовольствием бы умяла. А еще ругала Огонька. Вернись девчонка вовремя, Уильям Ла-Пьер не застал бы их врасплох, да и ноги с крыльями не пришлось бы уносить в срочном порядке. Поди теперь, найди эту бестолковую девчонку.

Гастон и сам переживал. И за всё выше перечисленное, и за будущее. Во-первых, если не найти Огонька, она нажалуется деду, а тот уничтожит их с Лизеттой силой мысли. Во-вторых, фальшивый папенька чувствует медальон, стало быть, снова разыщет их, куда бы они ни подались. Плохо. Он напомнил пьяницу с похмелья, не способного приходить в себя без новой порции пойла. Прямо-таки трясся от желания воссоединиться с магической вещицей, дарующей власть над другими.

- Не хочу носить медальоны. Вдруг стану одержимым, как папаша.

- Не станешь.

Позади из воздуха «соткался» серебристый лис и оскалился на Лизетту, ибо та с аппетитом принялась, явно сочтя «приятеля» мужа подходящим завтраком.

- Отец твой носил медальон годами, а ты только-только надел.

- Отец? - усмехнулся Гастон. - Он мне не отец.

- Знаю. Но оставь вопросы при себе. Не время для ответов. Нельзя вам засиживаться. Ступайте напрямик через лес - к тракту, что к Эндории ведет. Огонёк - лесная, без труда найдет путь. Она в километре отсюда. Идите вон по той тропке, пока вековой дуб не найдете с почерневшей корой. Девчонка ваша в дупле дрыхнет.

Гастон выругался. Вот вам и помощница! Всё на свете проспала. Опять.

Стоп! К какому тракту?!

- Погоди! Как Эндория?!

- Тебе же велели спрятаться под боком у черного принца. А Эндория - его дом. Да и третий медальон сейчас там. Где точно, не знаю. Но вы найдете. Эта тройца сама друг к другу тянется.

- Угу, - Лизетта соизволила оторвать пузо от травы. - И еще кое-кого притягивает. Папашу подложного.

- Не страшно, - усмехнулся лис и повернулся к Гастону. - Прикажи медальону разорвать связь с Уильямом Ла-Пьером.

- Так просто? - изумился тот.

Лис кивнул и добавил, прежде чем исчезнуть:

- Это просто. А вот всё остальное точно легко не дастся...

Глава 16. Совпадения

Мрачное пророчество лиса пока не сбывалось. Всё шло, как по маслу. Возможно, неприятности застряли в алманских лесах, оставленных далеко позади. Или это медальон удачи работал в полную мощь, оберегая нового владельца и двух его спутниц. Они без приключений добрались до границы двух стран, с легкостью и за умеренную плату нашли проводника, который провел их мимо постов, и вот уже пятые сутки продвигались вглубь Эндории, которой многие десятилетия назад правил клан Пенетъери.

Лис не объявлялся, и Гастон самостоятельно принял решение направиться в столицу. Часто поминаемый черный принц, наверняка, обитает там. Это ж главный город. А раз велено прятаться под боком, так тому и быть. Лизетта не возражала. Она в последние дни вообще не спорила с мужем. По крайней мере, в человеческом обличье, да и в живность превращалась сговорчивую и неприметную: то в лошадь, то в ишака. Лишь однажды троиче пришлось прятаться весь день, дабы не попасться на глаза посторонним с экзотической тигрицей. В тот день Лизетта отрывалась от души: гонялась за мелким зверьем, точила когти о стволы, каталась по траве, массируя спину, и ловила себя на мысли, что не прочь навсегда остаться в этом обличье. А что? Опасная зверушка. И красивая, к тому же.

Еще загадочнее вела себя Огонёк. Не спрашивала, почему Гастон решил ехать в Эндорию. Покорно следовала туда, куда велели, полностью погруженная в собственные мысли. Гастон заподозрил, что той ночью в лесу случилось нечто особенное, но расспросы ничего не дали, кроме бурчания под нос, и он решил оставить девчонку в покое. Захочет, сама расскажет. Если вообще есть, о чем говорить.

Гораздо больше беспокоило отсутствие лиса. Серебристый паразит знал многие ответы, в том числе, о прошлом. Доказательство тому – сон. Гастон был неплохо знаком с Елисеем до того, как попал к чете Ла-Пьер. И звали его по-другому. Габриэль. Ложась спать, он десятки раз повторял это имя мысленно, и на душе теплело, будто от встречи со старым другом. А еще Гастон надеялся увидеть продолжение того сна. Или, наоборот, начало, чтобы выяснить, что же такого он «натворил», что матери пришлось отдать его чужим людям и изобразить смерть – свою и Дины. Но желание не сбывалось. Снились лишь кошмары: то Уильям Ла-Пьер, жаждущий заполучить медальон власти, то таинственный черный принц в плаще и уродливой маске.

...После дня, проведенного в лесу в компании Лизетты-тигрицы, решили переночевать на постоялом дворе. Точнее, решила Огонёк, объявив, что у нее есть важные и неотложные дела. Что за дела? Людям интересоваться не положено. Где? В ближайшем лесу, вестимо.

- Вернись до рассвета, - отрезала девчонка, прервав возражения Гастона.

- В дупле не усни, - бросил он в сердцах.

Ну что за мелкая напасть! Упрется, не спихнешь!

Гастону категорически не нравились секреты Огонька. Да и задерживаться не хотелось. Кто знает, в кого с восходом солнца обернется жена. Вдруг снова придется скрываться весь день, пряча единорога или дракона. Зато Лизетта обрадовалась ночлегу под крышей. Подустала после развлечений в полосатой шкуре. Даже ни капли не огорчилась, что отдельной комнаты не нашлось. Мол, муж – не помеха, коли послушно устроится на полу. Гастон только рукой махнул. Без разницы, где спать. Лишь бы за шиворот не капало.

Увы, ему не спалось. Это Лизетта днем в тигрином обличье носилась по лесу, он-то дрых себе спокойно на травке, сил набирался.

- Интересно, что за тайны у Огонька? - задал он вопрос вслух, устав ворочаться с боку на бок. Спрашивал сам себя, уверенный, что жена видит не первый сон.

- Даже знать не хочу, - отозвалась Лизетта усталым голосом.

- Но с ней еще в ту ночь дождливую что-то стряслось в лесу. Неужели, ты не заметила?

- Заметила. Но толку-то? Она ничего не скажет. Спи. Или сходи проветришься.

Гастон вздохнул и поднялся с пола. А это идея. Лучше прогуляться, чем взирать в темный потолок. А там, глядишь, и сморит.

Однако с ночным моционом не заладилось. По крайней мере, с моционом на свежем воздухе. Пошел дождь, и Гастон, поглядев немного с крыльца на серебристые нити воды, устроился в общем зале. Несмотря на поздний час, народа вокруг хватало. Пухлощекая девица в платье с откровенным вырезом только и успевала сновать между столами, принося клиентам то жаркое, то кувшины с

вином. Гастон не удержался, засмотрелся на ладненькую фигуру. Стройная, но есть и за что подержаться. Самое то, коли хочется приятно провести время.

Девушка заметила его интерес и спросила, весело подмигнув:

- Чего желаете, господин?

А Гастон вдруг растерялся.

- Э-э-э... ничего. Я уже поужинал, - объяснил он и почему-то добавил: - С женой.

И тут же отругал себя мысленно. Идиот! Какая ему Лизетта жена? Только на бумаге. Глупо ее упоминать, когда такая красotka оказывает знаки внимания. В конце концов, ведьма Клотильда требовала прожить с Лизеттой в браке десять лет. О хранении верности речи не велось. Но теперь уже поздно спохватываться. С лица девушки исчезло игривое выражение, сменившись равнодушием. Она отвернулась, помахала клиентам в другом конце зала и заслужила пару воздушных поцелуев.

- погоди! - окликнул ее Гастон, но снова не решился на флирт. - Мне кое-что нужно. Можешь принести бумагу и карандаш?

Если девушка и удивилась, виду не подала. Кивнула и удалилась выполнять просьбу. Правда, сначала в отместку за холодность обслужила четверых посетителей. Так что «заказ» появился на столе лишь минут через пятнадцать. Гастон сам не понимал, что на него нашло. Он не рисовал лет с восьми, проиграв в неравной схватке с розгами в папенькиных руках. Неужели, подействовало известие, что настоящий отец - художник? Глупо, если подумать. Мать вон чародейка, а сестра - циркачка. Но он же не спешит на арену - фокусы показывать.

Гастон собрался, было, вернуться в комнату, но рука сама взялась за карандаш. Пальцы с непривычки дрожали, линии выходили неуверенными, и всё же зверь на листе бумаги легко распознавался: острая мордочка, пушистый хвост, и даже бусинки-глаза с хитринкой. Истинный плут! Гастон залюбовался результатом. Надо же, он не рисовал много лет, да и детскую мазню было сложно назвать настоящими рисунками, а вот, поди ж ты - получилось вполне сносно. Может, впрямь, врожденный талант?

- Что вы делаете?! Нельзя же!

Гастон не заметил, как вернулась девушка. С любопытством заглянула через его плечо, но в ужасе отпрянула, будто увидела нечто кошмарное.

- Что нельзя? Рисовать?

- Нет же! Его изображать! - трясущийся палец указал на лису. - Вы не местный?

Гастон отрицательно мотнул головой, всё ещё не понимая, с какого перепуга девушка привязалась к его первой за много лет работе.

- Порвите! Сейчас же! - и, не дождавсь реакции, она сама схватила рисунок и растерзала в клочки. Затем склонилась к уху и прошептала: - Будьте осторожны. Не навлеките на себя беду.

Она скользнула прочь - выполнять обязанности, а Гастону осталось лишь сидеть и растерянно взирать на обрывки бумаги. С одного, будто в насмешку, глядели лисьи глаза. Не хитро, как считанные минуты назад, а укоризненно. Мол, не защитил, хозяин...

- Это был лис?

Напротив Гастона без приглашения устроился бородач в летах и дружески подмигнул.

- Дракон огнедышащий, - буркнул тот.

- Не серчай, парень. Я лишь предупредить хотел, чтобы ты в неприятности не попал. Понимаю, это всё не со зла или по глупости, а по незнанию. Зверь, что ты нарисовал, запрещен в Эндории. Его даже упоминать нельзя, не то, что изображать. В лесах их давно не осталось. Все истреблены.

Гастон вытаращил глаза. Что за бред?! Это же безобидные лисы, а не волки или кто пострашнее. И Елисей отправил их с Лизеттой в страну, где его брата не жалуют? Чудные дела творятся.

- Но почему? Это же просто... просто...

- Звери-галисманы прежнего правящего клана.

- Пенетъери?

- Ш-ш-ш, - незванный собеседник приложил палец к губам. – Какой же вы неосторожный, юноша. Произнесите фамилию, за упоминание которой можно на эшафот отправиться. Но речь, действительно, об этой семье. Зверь, что вы нарисовали, был на их гербе.

По телу прошел холодок. Лис-талисман? Медальоны? Не слишком ли много совпадений?

- Но какой в этом смысл? – спросил Гастон шепотом. – Та семья мертва более полувека. Уж поколения подданных сменились.

- Сменились, - подтвердил незнакомец и наклонился ближе к Гастону. – Да только многие недовольны нынешним императором. И сыном его – наследником престола. Властные, жестокие. Хотя чего ждать от потомков министра, что предал своего повелителя и приказал перебить всю его семью, включая детей.

- А что же их не свергнут? Коли недовольных много.

Собеседник посмотрел на Гастона с грустью.

- За такие разговоры вас казнят без суда и следствия. И всех ваших близких. Да-да, - подтвердил он в ответ на недоверчивый взгляд. – Я не преувеличиваю. Такие тут порядки. Сразу видно, что вы из Алмании. У вас добрый император. Справедливый.

Гастон поблагодарил небеса, что этого не слышит Лизетта. А то бы взбеленилась и просветила, какой император замечательный. Справедливый? Угу! Родная дочь всю жизнь в обиженных ходит.

- Всё началось после восстания, - продолжил собеседник заговорщицким шепотом. – Оно случилось через десять лет после убийства *той семьи*. Но его подавили, а всех участников жестоко пытали и казнили. Вместе с семьями. Ходили слухи, что выжил лишь один мальчик. Император сделал его своим рабом в назидание остальным. По одной из версий, ребенок вскоре умер. От тяжелой руки хозяина. По другой – после смерти Его Величества новый правитель продал мальчишку гостю из другой страны, чтобы исчез с глаз. Правды теперь никто не узнает. Но это и неважно. Дела давно минувших дней. Однако порядки тут не изменились. Мой вам совет, юноша, будьте осмотрительны и ведите себя тихо. Иначе сгинете без следа. И могилки не останется.

Гастон молчал, потрясенный рассказом. Надо же, какая мрачная страна. Прежде он не задумывался, как живет людям за пределами Алмании. Подозревал, что так же, как им самим. Ведь вокруг всё то же самое: леса, реки, природа. Это вам не заморские земли, где солнце печет круглый год, а люди говорят на другом языке. Но вот поди ж ты...

- Спасибо за совет, - поблагодарил он собеседника и собрался, было, спросить о медальонах Пенетъери, мол, какие легенды ходят о магических вещицах, но помешал раздавшийся со второго этажа крик. Точнее, истошный вопль боли. Мужской вопль.

У Гастона похолодели ноги. Накрыло предчувствие неотвратимости беды. И как в подтверждение послышались новые крики:

- Ведьма! Ведьма!

Лизетте снился лес. Она, как и днем, носилась между деревьями в тигрином облике и наслаждалась моментом. Сон получился столь реальным, что мощные лапы ощущали упругость травы, а шкуру грели солнечные лучи. Ничего удивительного, что, почувствовав, как чья-то рука скользнула по ноге к бедру, Лизетта вцепилась в «обидчика» тигриными зубами. От его вопля зазвенело в ушах. Она открыла глаза и с ужасом обнаружила истошно орущего незнакомого мужика. С раны на шее, пропитывая рубашку, сочилась кровь. Ее мерзкий вкус ощущался во рту.

- Ведьма! – громче прежнего взвыл мужик. – Ведьма!

Лизетта вскочила с кровати, пытаясь сообразить, что здесь сейчас произошло. Она укусила незнакомца? Как зверь?! Стоп! А что он, собственно, делал в ее спальне? Яркой вспышкой пришло воспоминание о «путешествии» мужской руки по телу, и накрыла ярость. Тигриная, не человеческая. Лизетта, издав рычание, кинулась на мужика и замолотила куда придется. А спустя пару мгновений в ход пошли и ногти. Жертва с воем выскочила в коридор, но охотница не отставала, бежала следом в ночной сорочке и продолжала «экзекуцию».

- Помогите!

Мужик рванул на лестницу, но качнулся и пропахал упитанными телесами ступени. Лизетту и это не остановило. Она сбегала вниз, громко топая босыми ногами. Нагнала стонущую «добычу» и...

- Стой!

Окрик Гастона подействовал, как приказ хозяина расшалившейся собаке. Лизетта будто вмиг протрезвела. Оглянулась и содрогнулась. Вокруг собралась толпа. Десятки глаз взирали с осуждением, гневом и даже отвращением. Будто, впрямь, не человек перед ними, а взбесившееся животное. Но разве можно их за это винить, если на полу лежит окровавленный мужчина, а девушка над ним готова рвать и терзать.

- Я не... не... - попыталась оправдаться Лизетта. - Он ко мне в спальню... того... и... и...

Язык не повернулся закончить фразу и признаться, что негодяй посмел прикоснуться к ее телу. Стыд-то какой! Почему-то даже в голову не пришло, что стыдиться положено кое-кому другому, а она лишь защищалась. Так, как умеет. Впрочем, ее всё равно никто не услышал. Поднялся невообразимый гул. Народ требовал покарать «безумную девицу» или, как минимум, связать и передать стражам порядка. Пусть суд разбирается.

- Не смейте ее трогать! - потребовал Гастон.

Взгляды устремились на него.

- Так это и есть твоя жена? - усмехнулась девушка, что разносила еду и напитки. - Два сапога - пара! Послушайте! - обратилась она к народу. - Они оба опасны. Этот - муженек ее - недавно зверя рисовал. Того - запрещенного. Ну, рыжего!

Толпа загудела. Мол, как посмел совершить столь непростительное преступление!

- Дык я же не знал, что лис....

Конец предложения потонул в яростных воплях, слившихся в единый гвалт.

Да-а-а... зря помянул лиса.

- Хватайте их! Вяжите! - приказал кто-то.

Но Гастон сориентировался раньше разъяренных жителей Эндории. Вытащил из кармана пузырек с остатками зелья для разжигания огня и крикнул:

- Только подойдите! Всю вашу гостиницу спалю!

Народ струхнул. Многие отступили. Но нашлась и пара смельчаков, готовых рискнуть. Они шагнули к Гастону и спрятавшейся за ним Лизетте. Не сомневались, что странный чужак не рискнет воплотить угрозу в жизнь. Одно дело стращать смертоубийством, другое - причинить людям реальный вред. Огонь - это вам не шутка. Так всё и было: Гастон хотел лишь припугнуть противников. Однако теперь оказался перед крайне непростым выбором. В планы не входило устраивать пожар. Но и сдаваться на милость толпы - не вариант.

- Беги, - шепнул он Лизетте. - Найди лошадей.

А сам сделал пару шагов назад и поднял руку с зельем выше, изображая полную готовность к действию. Парни приостановились, раздумывая и взвешивая все «за» и «против», а потом с воинственным кличем кинулись на Гастона. Тот сориентировался молниеносно. Что-что, а убежать благодаря выходкам герцога Себастьяна он умел отлично. Выскочил за дверь, обежал телегу с сеном и швырнул в нее зелье. Расчет был прост: телега, во-первых, между ним и противниками, во-вторых, близко к гостинице - не потушишь огонь сразу, перекинется на строение.

План сработал. Преследователи кинулись бороться с пламенем, призывая на помощь остальных, а Гастон завертелся в поисках жены.

Лизетта не заставила себя ждать. Выехала из конюшни верхом на лошади, аки легендарная воительница. Волосы развивались, а глаза горели, как у лесного хищника.

- Залезай! - крикнула она. - На двух коней времени не хватило!

Гастона не требовалось уговаривать. Он в один прыжок оказался позади жены, и они помчались в ночь. Их никто не преследовал: потушить огонь показалось важнее поимки «преступников», посмевших упоминать запрещенного лиса. Гастон вздохнул с облегчением. Оторваться от погони не так-то просто. Но, самое главное, все вырученные с продажи драгоценностей деньги остались целы. Он всегда держал их при себе - во внутреннем тайном кармане, а вещи - дело наживное.

- Как теперь найти Огонька? - спросила Лизетта взволнованно.

Гастон нахмурился. Вот об этом он не подумал. И правда, как?

...Супруги остановились, лишь оказавшись далеко в лесу. Расположились у ручья. Гастон собрал охапку опавших листьев, а сверху постелил плащ. Хорошо, что ночи летние,

не столь прохладные, и до осени еще недели. А то жена вон в одной ночной сорочке. Пока Лизетта сидела, обхватив руками колени, и мрачно смотрела на бегущую среди камней воду, он собрал хвороста.

- Как ты собираешься разводить костер без зелья? – поинтересовалась она, но не ядовито. Скорее, недоуменно.

- Есть и обычные способы. Отец в детстве нас с братьями учил, коли останемся без магических помощников. То есть, не отец, а... - он махнул рукой и продолжил: - Нужно потереть палку о деревяшку покрупнее из осины или сосны и высечь искру. Давно я не практиковался, но, надеюсь, получится.

Увы, отсутствие практики сказалось. Гастон весь взмок, ладони сводило от напряжения, но искра и не думала появляться. Однако он не сдавался. Упрямылся, как обычно.

- Почему ты нарисовал лиса? – спросила Лизетта. – В смысле, не почему лиса, а почему взялся за рисование? Из-за настоящего отца-художника?

- Нет. Просто захотелось. В детстве я любил рисовать, но мне запрещали. Говорили о некоем проклятье для всей родни, если кто-то из нас увлечется рисунками. Я сопротивлялся, но глава семейства победил.

Гастон помолчал, сражаясь с несговорчивой дощечкой, а потом продолжил, чтобы отвлечься и не распалиться вместо костра.

- Кстати, о лисе. Мне до твоего эффектного появления поведали кое-что интересное.

И он пересказал жене сведения, услышанные от разговорчивого собеседника: о талисмане клана Пенетьери, подавленном восстании и якобы выжившем мальчике.

- Глупо, конечно, так думать, ведь Пенетьери все погибли от рук предателя. Но почему мне является именно лис? Не подумай, мне вовсе не улыбается считать себя потомком императорской семьи. Это было бы самонадеянно и... хм... нагло. Просто слишком много совпадений: лис, медальоны...

Лизетта тоже думала о совпадениях. Но о других. Ее встревожил рассказ о мальчике.

- Я слышала похожую историю, - решила она поведать мужу семейный секрет, который в детстве воспринимала, как чудесную сказку. - Мой дед много лет назад привез из заграничной поездки мальчика. Купил маленького раба у другого императора. Впечатлился талантом. Мальчишка здорово рисовал. Он не всегда был рабом. Его родители участвовали в восстании, и их казнили, а сына император забрал, как трофей. Звучит очень похоже, правда? Я не знаю, что это была за страна, но вдруг Эндория? Она же по соседству с Алманией.

- Мальчик рисовал. Надо же...- протянул Гастон хмуро. Еще одно совпадение?

- Да. Мальчик вырос вместе с моим отцом. Как лучший друг. Впоследствии он стал личным императорским художником, а однажды спас мне жизнь. Меня пытались убить в младенчестве, а Габриэль Милтон остановил злоумышленника. Отец рассказывал.

Из-под палки, вертящейся в ладонях Гастона, сыпануло аж несколько искр, но он и не заметил.

«Ты понял меня, Габриэль?»

Так назвала его настоящая мать в сновидении, а Уильям Ла-Пьер сказал, что он – копия отца-художника. Только темноволосый, как Кара. Что если и имена у них одинаковые?!

Гастон затравленно посмотрел на Лизетту.

- Что? – спросила она встревожено.

- Скажи, этот художник Габриэль – блондин?

- Кажется, да. Я сама его не помню. Только по рассказам. Он уехал из дворца. Куда? Никто не знает. Отец не смог его отговорить. После гибели маленького сына и жены он потерял интерес ко всему на свете. Гастон? Да что происходит? Ты будто призрака увидел!

О, да! Он увидел. Целую армию призраков!

Гастон закрыл лицо руками, чем сильнее напугал жену. Пришлось успокаиваться и рассказывать по порядку. Обо всех безумных совпадениях.

- Кара вела меня по коридорам очень богатого замка, - упомянул он в заключение. - Может, это императорский дворец? Выглядело всё величественнее, чем у Винзуров.

Лизетта задумалась, нервно потирая лоб.

- Всё, правда, очень складно выходит, - проговорила она после паузы, за которую Гастон таки сумел высечь искру и подложить на деревяшку мох, чтоб разгорался. - Хотя, возможно, мы просто принимаем удобные совпадения за факты. Ведь остается загадка медальонов. Откуда они у мальчика-раба?

- Медальоны могли принадлежать Каре.

- И Кара с Габриэлем вдруг встретились и поженились? Кара с медальонами Пенетъери и Габриэль - сын погибших противников нового императора Эндории? Это слишком.

Гастон развел руками. Мол, да, слишком.

- Хотя... мы же с тобой умудрились встретиться. Если предположить, что наши отцы были друзьями, и мне полагалось расти в императорском дворце, то это... это...

- Судьба? - скривилась Лизетта. - Еще чего! Ты меня даже не для себя похищал, а для фальшивого дружка-герцога.

Гастон предпочел не реагировать на выпад, хотя упоминание Себастьяна задело.

- Надо связаться с твоим отцом и расспросить о художнике. Есть же магические способы.

- Угу. Очень дорогие способы.

- Что-нибудь придумаем. А пока ложись спать. День выдался насыщенным. А я постерегу.

Лизетта не стала дожидаться второго приглашения. Свернулась калачиком на плаще - спиной к мужу. Гастон поглядел на нее - хрупкую, беззащитную и испытал угрызения совести. Не стоило оставлять ее одну в спальне.

- Извини за сегодняшнее, - проговорил он. - Мне жаль, что всё так обернулось. Что тот мужчина... ну... сама понимаешь.

- Замолчи, - посоветовала Лизетта, испытав приступ злости и стыда. «Опыт» в гостинице был последним, о чем хотелось думать.

- Я лишь хочу сказать, что больше тебя не подведу, - пообещал Гастон.

Но она отмахнулась.

- Тоже мне защитник...

Впрочем, ей понравились слова мужа. Жаль только, что он не увидел улыбку на ее губах...

Глава 17. Потомки лесного народа

- Кому яблоки? Сочные, спелые яблоки! Сладкие-сладкие! А коли пирог испечь, так и вовсе язык отъешь! – сипло горланила высокая торговка, таща за собой нагруженного мешками мула.

Выглядела парочка странно. Тетка, несмотря на летний зной, натянула бесформенное платье из плотной ткани с длинными рукавами, замотала платком и голову, и шею. Мул, хоть и топал слаженно, энтузиазма не выказывал: на морде застыло скептическое выражение, абсолютно несвойственное домашней скотине, да и любой другой живности тоже.

- Яблоки! Кому яблоки?!

- У меня уже уши вянут от твоих хриплых воплей, - шепнул мул, но добился от «хозяйки» лишь грозного шипения.

Ну а что? Любой бы на месте Гастона зашипел, коли мул прилюдно человеческим голосом заговорит. Хорошо еще, никто не услышал. Мало им проблем...

- Яблоки! Яблоки! ЯБЛОКИ!

..Им повезло. Не яблокам, разумеется. Гастону с Лизеттой. С восходом солнца девица-оборотень превратилась в неприметную животинку, с которой неопасно из леса выходить. Проблему представлял как раз муж, который отлично запомнился и работникам постоянного двора, и клиентам. Но и тут медальон удачи помог. Выбираясь из чащи, парочка наткнулась на деревеньку. Там Гастон и «поразбойничал»: позаимствовал собранные местными сочные плоды и женскую одежду. Глупо, конечно, так рядиться, зато безопасно. И почему – позаимствовал? Он несколько монет оставил взамен пропажи, чтоб всё по-честному было, без воровства.

- А если не найдем ее? – снова подала голос Лизетта.

- Да помолчи ты! – Гастон едва не зарычал. – Если нас вычислят, точно не найдем.

План был рискованный – бродить возле вчерашнего места преступления. Но как еще разыскать Огонька? Лесному деду, с которым девчонка свяжется, крайне не понравится исчезновение супругов Ла-Пьер. И тогда... тогда... Нет, Гастону не хотелось думать, что случится тогда.

- Эй, бабка! Сколько хочешь за все яблоки? Хозяин спрашивает. Пирога захотел.

- Какая я тебе... Ой!

Ноги мула затряслись, а у хозяйки застучали зубы. Вопрос задала ни кто иная, как девица, что вчера всем про лиса нарисованного рассказала. Она смотрела прямо на Гастона и хмурила брови в ожидании ответа.

- А сколько предложишь, милая? – с трудом выдавил он из себя.

- Четыре монеты, не больше.

- Хорошо, - согласился Гастон.

Маловато. Он настоящим хозяевам плодов пять монет оставил. Но лучше не спорить и не мозолить глаза предательнице.

- Надо было отказаться, - проворчала Лизетта, когда рослый парень разгрузил «мула», а «хозяйка» получила деньги. – Без яблок тут не побродишь. Подозрительно.

- А не подозрительно отказывать покупателям? – бросил Гастон в ответ.

- Не ерничай. Лучше скажи, что с Огоньком делать?

- Откуда ж я... Ох, черти... Ну, дела!

Похоже, поток удачи не иссякал. Из пристройки по соседству с гостиницей с громкой руганью выскочил мужик, таща за ухо... их пропавшую спутницу. Лесная девчонка тоже не молчала. Не ревела, еще чего! Возмущалась и грозилась превратить обидчика в свинью – толстую и неповоротливую, а заодно и сочную, такую, что люди быстро определяют на стол в качестве главного блюда.

Мужик не слушал угрозы. Или просто не воспринимал всерьез. Тащил девчонку дальше, приговаривая:

- Я тебе покажу, как воровать! Узнаешь цену чужому добру!

- А вы узнаете, каково хрюкать! Пирожок для ребёнка пожалели!

- Поговори у меня пигали... хрю!

Гастон закрыл лицо ладонями, чтобы не видеть этот ужас. В смысле, пританцовывающую от злорадства девчонку и вертящуюся вокруг своей оси перепуганную свинью. Рядом издал странный звук фальшивый мул. Звук, крайне смахивающий на смех. Ох, Лизетта. Веселится! А могла бы посочувствовать. Знает ведь, каково в зверье оборачиваться.

- Ну что, теперь понял, кто тут главный? – спросила девчонка «обидчика» назидательно.

Свинья заверещала пуще прежнего, и Гастон вмешался.

- Поди сюда, несносное создание!

Огонёк глянула, перекосившись, и явно готовая повторить опыт с превращением на новом противнике, но открыла рот от изумления.

- Ой, Гастон! Симпатичное платье...

- Ш-ш-ш! – зашипел он. – Живо сюда!

Девчонка подбежала в припрыжку, довольная, что встретила своих, заулыбалась.

- Преврати мужика назад, - велел Гастон шепотом.

Но мелкая упрямица закатила глаза.

- Не буду. Он злой.

- А ты, значит, добрая? Чуть что, магию используешь и портишь людям жизнь.

- Его нельзя обратно превращать, - поддержала Огонька Лизетта. – Шум поднимет, и тогда нам всем конец.

Гастон мысленно согласился, что жена говорит дело, но вслух сказал:

- Нельзя же его в таком виде навечно оставлять. И, правда, станет чьим-то обедом. Это всё равно, что подписать человеку смертный приговор. Мы же не убийцы.

Он предпочел не добавлять, что Огонёк сама виновата. Воровство – тоже преступление.

- Ладно, - смягчилась девчонка. – Расколдую. Только это будет отложенное колдовство. Он обернется назад к вечеру. А пока пусть хрюкает.

На том и сошлись. И мужик вернет настоящий облик, и у них будет время унести ноги подальше. «План» откладывать не стали. Купили лошадь с телегой (в обличье деревенской тетки верхом не поездишь) и отправились в путь. Неспешно, чтобы мул не отставал. По дороге Гастон поведал Огоньку о последних злоключениях, а еще о необходимости связаться с императором. В подробности не вдавался, мол, Лизетта с опекуном поговорить хочет и расспросить об их с мужем общем знакомом.

- Вряд ли в этом захолустье продаются подходящие магические артефакты, - проворчал он напоследок. – Только в городе их можно купить. Но стоят дорого.

- Зачем покупать? – удивилась Огонёк. – Я тебе любую лесную шишку зачарую. Хоть каждый день с императором связывайтесь, коли надобно.

- Ты умеешь? – изумился Гастон.

- А то! – глазищи лесной девчонки задорно блеснули.

К делу приступили после заката, едва Лизетта превратилась в себя любимую. Точнее, приступила Огонёк. Уселась над шишкой – спиной к остальным – и принялась шептать на незнакомом мелодичном языке. Гастон с Лизеттой наблюдали за процессом, молча и не особо веря в успех. Где это видано, чтобы люди общались на расстоянии через обыкновенную шишку. Обычно зачарованными предметами служили старинные украшения, передающиеся в семьях из поколения в поколение.

- Готово! – объявила девчонка. – На четверть часа магии хватит.

Гастон подтолкнул жену, мол, иди, вызывай императора. Лизетта хмуро покосилась на шишку, но в руки взяла. Зажмурилась, представляя лицо того, с кем следовало связаться. Отец неожиданно

предстал в воображении печальным и бледным, каким не бывал даже рядом с дочкой-драконом. Еще больше удивило, что и голос реального императора зазвучал надрывно, с горечью. Самого собеседника магическое переговорное устройство показать не могло. На такое не способно любое устройство, не только нынешнее – нестандартное.

- Слушаю внимательно, - проговорил император, понимая, что связался с ним кто-то из ближнего круга. У первого встречного это бы просто не вышло. «Адресат» сам определял лиц, которые имели право общаться с ним напрямую.

- Ваше величество, - начала Лизетта почтительно.

Огоньку-то не полагалось знать, кто у попутчицы в родственниках. Однако голос, доносившийся из шишки, сорвался на радостный крик.

- Роми! Слава богам, это ты!

- Э-э-э... Я Лизетта. Воспитанница ваша, - поправила тайная императорская дочка.

- Ну да, ну да. Ро... Лизетта. Мы с матушкой места не находим! После пожара-то! Кристалл тебя больше не показывает, мы и не знаем, что думать!

- Кристалл? - переспросил Гастон шепотом.

Лизетта хлопнула себя по лбу. Она совсем забыла, что у папеньки с маменькой имеется волшебная вещица, способная отслеживать ее местоположение. Но, видно, только на территории Алмании.

- Погоди! Какой пожар?

- Как, какой?! У Винзуров! Замок сгорел. Развалины еще неделю разбирать будут, кто ж знает, чьи останки там найдут. А от тебя ни слуху, ни духу. И от этого... охламона безродного, что тебя похитить посмел.

- «Охламон» тебя, кстати, слышит, - проворчала Лизетта и ахнула, осознав смысл сказанного отцом.

Гастон и вовсе рухнул, как подкошенный. Замок Винзуров сгорел?!

Вот, черти... Все черти на свете...

Сколько бы Гастон ни убеждал себе, что позади не осталось ничего важного, он кривил душой. Герцогский замок был единственным домом, который он знал. Перед глазами, как наяву, встали знакомые до боли коридоры, картины на стенах, залы и сад. Сад, в котором несколько дней назад матушка, то бишь, Инесса Ла-Пьер давала указания работникам.

Стоп! На лбу выступил ледяной пот, а в глазах потемнело.

Останки! Кто-то погиб?!

Папенька фальшивый точно нет. Он их с Лизеттой и Огоньком преследовал. А вот остальные... Гастон готов был пожалеть даже предателя-герцога с бесстыжей Сабинной. Да, поступили дурно, но смерти не заслужили. Да еще в огне.

- Есть жертвы? - спросил он взволнованно.

Но император не услышал. Гастон не входил в число тех, кто мог связываться с ним на расстоянии. Лизетте пришлось повторить вопрос мужа.

- Пока неясно, - отозвался отец. Говорил он теперь гораздо бодрее. Еще бы! Дочка жива, а остальные – всего лишь остальные. – Герцогское семейство цело. Недосчитались тебя с охл... с этим... Ла-Пьером и нескольких слуг. Но, возможно, они просто сбежали с перепуга, прихватив заодно кое-какое хозяйское добро. Нагнали страха разбойники, что замок подожгли. Закутались в черное с головы до пят и каким-то принцем стращали.

Гастон с Лизеттой в ужасе переглянулись.

Посланники чёрного принца?! Так это их преследователи сожгли замок Винзуров, рискуя десятками жизней? Вот, кошмар-то!

- А если, правда, кто-то погиб? - прошептал Гастон. – Они же меня искали...

Лизетта поглядела строго, мол, не смей раскисать, и снова заговорила с императором.

- Прошу прощения, Ваше величество, что напугали. Мы с мужем и лесной девочкой отправились в

небольшое путешествие. Мир посмотреть. Так наша маленькая спутница захотела, а мы не могли отказать. Ей всё вокруг интересно. О пожаре даже не подозревали. Знаю, следовало сразу связаться. Но как-то... не подумали.

- Ну, молодежь! Ничего святого!

Судя по звуку, император ударил обо что-то кулаком.

- Где вы сейчас? – спросил он строго.

Супруги снова переглянулись. Оба понимали, что не следует упоминать Эндорию. Это опасная страна. И кому-кому, а императору Алмании полагается это знать. Как услышит, куда старшую дочку занесло, разволнуется пуще прежнего. Еще войну соседям объявит.

- Ездим по стране, - соврала Лизетта, не моргнув глазом. – Всё по полям и деревням. Я в коров и лошадей оборачиваюсь, так что и днём гуляем. Как надоест, вернемся.

- Еще чего! – рассердился могущественный папенька. – Немедленно назад поворачивайте! Без разговоров!

Лизетта театрально вздохнула, якобы смиряясь.

- Ладно, развернемся. А пока расскажи мне кое-что. Вспомнилась история из детства. Покоя не дает. А ты знаешь, какой я становлюсь от беспокойства...

Гастон мысленно похвалил жену. Молодец, понимает, как найти подход к отцу. Услышав о «беспокойстве» дочери-оборотня, он сделает что угодно, лишь бы ее умиловить.

Если император и удивился просьбе рассказать о художнике Габриэле Милтоне, виду не подал. Вздохнул печально, вспомнив старого друга. Подтвердил, что дед Лизетты привез мальчишку из Эндории. Он вырос в императорском дворце, женился на черноволосой красавице Каре, и у них родился сын Габриэль-младший. А потом стряслась беда. Ребёнок однажды уснул и не проснулся. Оказалось, сердце большое, остановилось прямо во сне.

- Кара тогда беременна была, - поведал император. – Но, видно, горе сломило. Умерла во время родом. И девочка тоже.

- А Габриэль? – спросила Лизетта. – Он ведь уехал?

- Да. В путешествие. Надеялся, это поможет пережить трагедию. Планировал поехать по Алмании и побывать в родной Эндории. От последнего я отговаривал. Нечего делать в этой варварской стране. Но Габриэль только отмахнулся. Неизвестно, добрался ли он до Эндории. Уехал из дворца и не вернулся. Я посылаю сыщиков, но они не нашли следов моего друга. Как сквозь землю провалился.

Император повздыхал, помолчал и вдруг выдал:

- Знаешь, этот охл... муж твой так называемый мне Габриэля напомнил. Не повадкой, тот вел себя, как человек благородный. Внешностью. Только волосы черные, а не русые. Безумие, но вот такая шутка судьбы. Аж сердце защемило от тоски и горечи, что друга не уберег. Не отговорил от поездки бессмысленной...

Слова императора долго звучали в ушах Гастона. И пока лежал на траве, ожидая, когда отдохнет лошадь, и весь путь по тракту до рассвета. Лизетта и Огонёк спали в телеге, укрывшись мешковиной, а он, по-прежнему, облаченный в женское платье, сжимал в руках поводья и думал-думал...

Подозрения подтвердились. Императорский художник – его отец, а чародейка Кара – мать. Значит, и зовут его вовсе не Гастон Ла-Пьер, а Габриэль Милтон. Но почему? Боги, почему Кара всё это устроила? Разрушила семью, бросила маленького сына, заставила мужа считать жену и детей мертвыми. Наверняка, настоящий отец не знал об обмане. Не изображал же Габриэль-старший горе перед другом-императором в самом деле! Какой в этом смысл?

Но что же случилось в отцом? Сгинул ли он в пути от рук разбойников или нарочно исчез, чтобы начать жизнь с чистого листа подальше от Алманской столицы, где пережил столько горя. Возможно, ответ ведом Елисею, но серебристый плут не объявляется.

Небо на востоке начало светлеть, и Гастон повернул в лес. Неизвестно, в кого превратится Лизетта. Лучше перестраховаться. Да и отдохнуть не помешает. Не спал больше суток...

Гастону снился Елисей. Не нынешний. Другой – из прошлого. Он сам мальчишкой гонялся по лужайке за лисом, но ни разу не настиг тайного серебристого приятеля. Елисей ловко уворачивался, отбегал на несколько шагов и припадал к траве, но стоило Гастону приблизиться, вскакивал и уносился. Лишь кончик пушистого хвоста касался детских растопыренных пальцев. Лис всем видом показывал: старайся-старайся, но пока я не твоя добыча. Нос не дорос.

Гастон не обижался. Но и не сдавался. Хохоча, бросался в новую погоню.

- Прекрати! – приказал вдруг незнакомый голос. Хриплый и строгий.

На лужайку вышел еще один лис. Крупнее Елисея. Взрослее. Гастон потупил взгляд, но серебристый зверь обращался вовсе не к нему.

- Ты хоть понимаешь, как глупо со стороны выглядит ребёнок, гоняющийся за невидимкой? Хочешь, чтобы к твоему подопечному приклеилась слава дурня?

- Нет, - ответил Елисей, пятясь под грозным взглядом старшего лиса.

- Тогда веди себя, как талисман, а не домашняя зверушка.

Старший лис назидательно посмотрел на Елисея, потом на мальчишку и степенным шагом направился к расстеленному на траве покрывалу, на котором сидели мужчина и женщина. Гастон узнал Кару и... себя. Только с волосами другого цвета – русыми и легкими, пушистыми. Ему самому досталась пышная, но тяжелая шевелюра. Лис, не глядя больше на мальчика с хвостатым приятелем, устроился у ног Габриэля-старшего. Положил морду на лапы и прикрыл глаза, желая подремать на солнышке...

- Отец... - позвал Гастон, догадавшись, что лис принадлежит ему, а не Каре, и проснулся.

Сел, шурясь на яркий солнечный свет. Он уснул прямо на телеге, не дожидаясь превращения жены. Решил, сама его разбудит, когда выяснит, подходит ли сегодняшний облик для дальнейшего пути. Однако не разбудила. Огонёк, по-прежнему, дрыхла рядом под мешковиной, а Лизетты, то бишь зверя, нигде не наблюдалось.

- Вот, черти, - проворчал Гастон, слезая с телеги. – И куда ее унесло? Неугомонное создание! – он еще раз огляделся и потряс за плечо лесную девчонку. – Огонёк! Поднимайся, Огонёк. Нужно Лизетту разыскать.

Маленькая спутница замычала в ответ и перевернулась на другой бок. Ну и соня! Пришлось стаскивать ее с телеги и хлопать по щекам, а то способна спать и стоя.

- Ты видела, в кого она обернулась? – Гастон хорошенько встряхнул девчонку за плечи.

- Кто? – спросила Огонёк сонно.

- Тьфу! Сплошная морока с вами обеими. Лизетта! – позвал он. – Лизетта, отзовись!

Тщетно. Либо женушка не желала являться, либо (что более вероятно) унеслась столь далеко, что ничегошеньки не слышала. Ох, главное, чтоб в магическую живность не обернулась. Очередные переговоры с лесными – вещь совершенно лишняя.

Огонёк будто прочла мысли. Побежала вприпрыжку следом, тараторя:

- Тут другие маги обитают. Другая... как ее? Ветвь! Попадется Лизетта, разбираться не станут, сразу в камень превратят. И тебе им на глаза попадаться не следует. Они вообще людей того... не любят.

- Можно подумать, дед твой любит.

- Ну... наши с вашими еще в мире живут. А эти...

Девчонка сделала большие глаза и примолкла. Ее пугала перспектива обсуждать местных лесных обитателей. А особенно – отзываться о них дурно.

...Гастон звал и звал Лизетту, продвигаясь всё глубже в лес, но та не откликнулась. Только встревоженные криками птицы переговаривались, нарушая тишину. Огонёк топала, молча, хмурилась и беспокойно оглядывалась, будто за каждым кустом прятались враги. Гастон не обращал на девчонку внимания. Не до ее странного поведения. Признаться, он понятия не имел, что теперь делать. Вот, честное слово, если женушка объявится, он ее просто выпорет, как непослушного ребенка. Сколько можно создавать проблемы на пустом месте?!

Через три часа плутания они вернулись назад – к телеге и мирно пощипывающей траву лошади.

Лизетты, по-прежнему, нигде не наблюдалось. Гастон не ожидал иного, и всё же до сего момента в душе теплилась надежда на благополучный исход. Теперь она погасла. Он объяснял себе беспокойство предупреждением ведьмы Клотильды о неотвратимой кончине второго супруга после гибели первого. Однако (он не признавался в этом даже себе) тревожился и за Лизетту. Жалко бедовую девчонку.

- Ой! - пискнула вдруг Огонёк и сиганула за спину Гастона. Он и сам качнулся. Правда, совсем не от страха.

Перед ними стояла женщина неземной красоты. Золотистые волосы переливались на солнце, будто в них поселилась сотня крохотных светлячков, а в черных глазах горело пламя. Платье цвета листвы облегло стройную фигуру, выгодно выделяя каждый изгиб. Шея и плечи, чуть тронутые загаром, оставались открытыми.

- Здравствуй, Габриэль, - поприветствовала она Гастона. - Рада, наконец, познакомиться.

- Вы ошибаетесь, - пробормотал он. - Меня зовут...

Но женщина подняла руку, призывая к молчанию.

- Ты знаешь настоящее имя. Не спорь. Нам с тобой следует многое обговорить. Пойдем прогуляемся, а маленькая бестия пусть тут посидит. Ей есть, о чем подумать.

- Что вы сделали с Лизеттой? - спросил Гастон жестко.

- Мы не причастны к ее «исчезновению». Не переживай, она вернется. Идём.

На языке крутилось с десятков возражений, но пришлось подчиниться. С лесным народом шутки плохи. Тем более, с заграничным. Если в Эндории люди злые, маги, вероятно, тоже пострашнее будут собратьев из Алмании.

Незнакомка провела Гастона по извивающейся тропке к заросшему камышами озеру. Села у воды, откинула за спину длинные волосы, поглядела на небо, будто искала там подсказки и... ничего не сказала. Прикрыла веки, подставляя лицо и плечи теплему солнцу. Гастон растерялся. Разве она не хотела поговорить? Или ждет от него вопросов? Вот только спрашивать лесных - себе дороже. Ну, черти озерные!

- Если вы не похи... не забирали Лизетту, о чем же разговор? Об Огоньке? Она что-то натворила?

А что еще думать? Девчонка боялась даму. Ой как боялась!

- Огонёк ваша много чего натворить собиралась. Но пока не успела. Наши ее встретили еще на границе Эндории и Алмании. Поговорили. Объяснили, как обстоят дела на самом деле. Она поначалу не хотела верить, но, думаю, поняла, что мы не лжем.

- Обстоят дела на самом деле? - переспросил Гастон. - О чем вы?

- Об этом позже, Габриэль. Сейчас речь о тебе. И твоём будущем. Знаю, ты заключил сделку с лесными в другой стране. Но не вздумай выполнять условия. Медальонам место здесь - в Эндории.

По телу разлился жар негодования. Вот, значит, как! Не хочет, чтобы вещицы волшебные попали в руки деда Огонька. Мечтает заполнить сама!

- В Эндории - то есть, у вас? - уточнил Гастон сердито.

Ну, что за напасть! Он и сам не против избавиться от медальонов, но злило, что все вокруг жаждут их использовать в собственных интересах. Лучше бы в стране порядок навели!

- Нет, мне они не нужны. Как и всему моему народу. Наши предки не просто так передали их людям столетия назад. Медальонам полагалось помогать нашим потомкам править Эндорией. Долгое время они справлялись с задачей, но однажды, увы, всё пошло прахом.

- Передали? П-п-п-потомкам?

Почудилось, что на водной глади образовалась воронка, которая вот-вот засосет всё живое. Дабы на земле не осталось ни людей, ни магов.

Лесная магичка тяжело вздохнула, готовясь поведать печальный рассказ.

- Давно это было. Столетий восемь или девять назад. Влюбилась дочь старейшины в обыкновенного человека без толики магической крови. Звали ее Аделла. Не с ней первой, не с ней последней приключилась эта напасть. Обычно наши находят способы побороть запретные чувства. Вот только

Аделла оказалась бунтаркой, не побоялась сбежать с возлюбленным и сочетаться браком по людским законам. Отец-старейшина отрекся от беглянки. Но она не горевала. Жила с мужем припеваючи, воспитывала дочь. Но однажды приключилась беда. Заболел супруг. Не смогла Аделла его вылечить. Слишком сильным оказался недуг. Не всё можно исправить с помощью магического дара. Увы, вслед за мужем отправилась в мир иной и сама Аделла. Слишком много магии истратила на лечение, а восстановиться было негде. Вход в лес ей был заказан после бегства. Осталась дочь – юная Василина – одна одинешенька.

Гастон внимательно слушал рассказ, и казалось, каждое слово лесной магини ловили и склонившиеся над водой ивы, и дубы, что росли поодаль, и даже сосны далеко на холме. Ветер и тот стих, заинтересовавшись историей Аделлы и Василины, не гнал больше рябь по озеру, не качал камыши.

- Скиталась бедная девочка по чужим домам, чуть сама за родителями не отправилась из-за чужой жестокости, - продолжила рассказчица тихим голосом. - Но потом скончался дед-старейшина, а его место занял сын – брат Аделлы и дядя Василины. Он не разделял ненависть отца и позаботился о племяннице. В лес забрать ее не мог. Не место девочке, людьми воспитанной, среди нашего народа. Да и кровь в ней человеческая текла. Он придумал иное: нашел Василине богатую приемную семью – любящую и заботливую. Ни в чем не нуждалась племянница, а выросла первой красавицей империи. Такой, что старший сын правителя потерял голову от любви.

Магиня примолкла, вновь посмотрев в небо. Не столько ясное, как несколько минут назад. Оно покрылось облачками. Но не грозными, не похожими на дождевые.

- Только не говорите, что и у Василины всё плохо закончилось, - пробормотал Гастон. Он хоть и парень, однако хотелось, чтобы историю любви ждал счастливый конец, а ее героев – долгая жизнь.

Женщина рассмеялась. По-доброму. Будто колокольчик зазвенел.

- Нет, у Василины всё сложилось прекрасно. Она прожила до старости с любимым мужем. Но ты, наверняка, слышал, как закончилась история их рода.

- Так речь о Пенетьери?! – воскликнул Гастон и хлопнул себя по лбу.

Вот, бестолковый. Стоило раньше догадаться, едва был упомянут императорский сын.

- Да, о них самых, - подтвердила собеседница. - наших потомках. Магии в них не осталось. Но лишь на первый взгляд. кое-что они всё же умели. Например, без последствий управлять медальонами. Теми тремя, что племяннице подарил на свадьбу дядя-старейшина. Они передавались из поколения в поколение. Для обычных людей медальоны – беда. Стоит поносить некоторое время, потом жизнь без них не мила. На Пенетьери медальоны губительно не действовали. Увы, более полувека назад всю семью уничтожили: и детей, и внуков. Даже малышкой не пощадили. Министр-предатель хотел, чтобы не осталось никого, кто в будущем мог претендовать на трон.

Гастон нахмурился, почесал лоб.

- Но я не понимаю, как это вышло? Разве медальонам не полагалось защищать владельцев? Иначе получается, что они бесполезны.

Женщина подарила ему одобрительный взгляд. Мол, правильные вопросы задаешь.

- Полагалось. Да только в ту ночь одна из дочерей императора – юная дурочка – сбежала из дворца с медальонами, дабы обряд особенный провести. Влюбилась она в парня, папеньке неугодного. Забрала защитные вещицы и, сама того не ведая, обрекла близких на страшную смерть. К счастью, у нее хватило ума спрятаться, когда прошла весть о гибели императорской семьи. Саму девчонку никто хватился. Вместо нее была убита служанка. Она ночевала в покоях госпожи, переодевшись в ее платье.

- Но... но... - Гастон аж вскочил от волнения.

- Да, не все Пенетьери погибли в ту ночь, - подтвердила магиня. - Потомок той беспечной девчонки живет в столице Эндории. Где точно, не знаю. Под чужим именем, разумеется. Без трех медальонов ему не победить нынешнего императора. Найди потомка, Габриэль. Верни ему собственность семьи.

- Где ж мне его искать? – нахмурился тот. - Столица – не деревня.

- Медальоны помогут. Сами приведут к нему. Они тянутся к крови Пенетьери.

Гастон снова потер лоб. Нет, он не возражает. Готов вернуть медальоны потомку императорской семьи. Но как быть с лесным стариком, что их с Лизеттой грозился жизни лишиться, коли не выполнят условий сделки.

- О родственнике Огонька не беспокойся, - будто прочла мысли магиня. А, может, и прочла. Кто ж разберет этих лесных. - Ничего он вам не сделает. Нет у него способностей жизнь отнимать на расстоянии. Потому внучку с вами и отправил. Дабы медальоны выкрала, коли отыщете. Именно это она и собиралась сделать.

Гастон отрицательно мотнул головой.

- Огонёк не знала, что мы нашли два ме...

- Всё она знала, - перебила женщина со смехом. - Не будь таким наивным, Габриэль. Но я объяснила девочке, что ее дед жаждал власти, мечтал подчинить весь лесной народ Алмании и править им, будто император. У нас так не делается. Клань живут отдельно, но проблемы решают сообща. Никто никому приказы не отдает.

Гастон приготовился к новым возражениям. Мол, откуда магине знать, что Огонёк передумала. Юная спутница колдовством владеет. Обставит их с Лизеттой в два счета. Но женщина встала с травы, давая понять, что пора прощаться.

- Удачи тебе, Габриэль, - проговорила ласково и поцеловала Гастона в лоб.

А потом исчезла. Растворилась в воздухе, будто и не стояла перед ним никогда.

...Обратно по тропке он возвращался злой, как черт, не зная, что предпринять: высказать всё лесной девчонке или сделать вид, что ведать не ведаёт о ее планах. Кровь пульсировала, и Гастон склонился к первому варианту. Будь, что будет, зато хоть пар выпустит. Однако с разборками пришлось повременить. Огонька на полянке не было. Зато возле телеги стояла... корова. Вся в репьях, веревкой на шее и дощечками на рогах, служившими раньше, вероятно, частью чьего-то забора.

- Нагулялась? - спросил Гастон сквозь зубы. - Удался денек?

Корова не ответила. Только голову опустила печально. Мол, не надо ругаться, ей уже хватило злоключений. Супруг лишь топнул в сердцах, но тоже промолчал. Закатал рукава и взялся приводить «животинку» в порядок. Лучше из шерсти коровьей репьи вытаскивать, чем потом из длинных девичьих волос...

Глава 18. Угрюмый город

Столица Эндории произвела на Гастона гнетущее впечатление. Грязные улочки, хмурые жители, попрошайки на каждом углу. Весь город будто застыл в ожидании надвигающейся беды. Но никто не готовился к ней, не пытался защититься. Народ просто покорно ждал, не видя смысла сопротивляться. Мол, любая буря, неважно природная или организованная власть имущими – это неизбежность, с которой лучше смириться. А вот пронесет, и голова останется на плечах, а не повезет кому-то другому.

Лизетта тоже ощущала атмосферу города и настроение людей. Возможно, даже лучше Гастона. Благодаря животным инстинктам. А что? У лошади они тоже имеются. Пусть и прирученная человеком, но зверушка. Она втягивала ноздрями воздух и негодуяще фыркала. Всё чудилось, пахнет здесь по-особому. Неприятно и... опасно. Скажи она это вслух, прозвучало бы глупо. Но лошадка просто чувствовала так, как чувствовала.

- Эй, парень! – окликнул Гастон мальчишку, торгующего газетами. – Ты тут, наверняка, всё знаешь. Подскажи, где можно с телегой и конем разместиться.

«Я лошадь, а не конь», - чуть не брякнула Лизетта, но вовремя спохватилась.

Мальчишка подумал о том же.

- Теть, это у вас кобыла, - просветил он странную женщину, говорящую с хрипотцой.

- Пусть будет кобыла, - согласился Гастон. – Ты мне лучше на вопрос ответь.

Тот оживился, пружиня на месте.

- Вы это... к мамке моей езжайте. Она амбар сдает. Там места и телеге, и кобыле хватит.

«Главное, чтобы дракону хватило», - мрачно подумал Гастон, пока мальчишка подробно объяснял дорогу, радуясь дополнительному заработку для семьи.

В другой момент Гастон не согласился бы на первое попавшееся предложение, посчитав удачу обманчивой и подозрительной. Но нынче у него медальон, обязанный даровать успех в делах. Стало быть, стоит наведаться к упомянутой «мамке». Вдруг, правда, хороший вариант с амбаром. На город опускается вечер, а там и до превращения Лизетты недалеко. Надо торопиться.

...Амбар, в самом деле, оказался вполне подходящим. Просторным, а, главное, располагавшимся вдали от жилья – за заросшим бурьяном пустырем. Да и просили за постой немного. Хоть месяц живи, а то и два.

- За ночлег в доме отдельную плату не возьму, - пообещала крепкая хозяйка – обладательница длинного носа и накаченных благодаря тяжелой работе рук.

- Я тут ночевать буду, - пояснил Гастон. – Не хочу имущество без присмотра оставлять. Но коли едой снабдите, буду благодарна. Я заплачу, само собой.

- В доме-то уютнее, хотя у нас и не хоромы. Не бойтесь, не своруют ничего. Наш амбар стороной обходят... Ой! – она поняла, что брякнула лишнее, но было поздно. Гастон глянул грозно. Пришлось хозяйке объясняться, причем, сказать куда больше, чем собиралась. – Не подумайте ничего дурного. Просто раньше я его одному ремесленнику сдавала. Так он, оказывается, не ремеслом занимался, а сеансы колдовские устраивал тайком. Так и довел двух девиц до смерти. Со страху, видать, померли. Притворщика этого казнили, а амбар мой с тех пор, как прокаженный. Народ боится. Болтают, место теперь нехорошее... Ой!

Хозяйка сообразила, что снова опростоволосилась и, видно, потеряла клиентку. Кому ж охота в дурном амбаре устраиваться. Не ровен час призраки убиенных явятся. Она не подозревала, что стоявшая перед ней «женщина» мысленно ликует. Еще бы! Раз амбара все боятся, значит, точно никто не сунется.

- Черти с ней – с болтовней этой, - отмахнулся Гастон, старательно пряча радость. – Некогда мне другое место искать. Мы уж с лошадкой которые сутки в пути. Устали. Так что остаемся, хозяйка. Еды неси. И побольше.

Та унеслась выполнять распоряжение, а Гастон вытер пот со лба. Он, правда, устал. И от дороги, и от всех свалившихся проблем. Хотелось выспаться. Да не под открытым небом. Амбар, конечно, не дворец, и даже не скромная хижина. Но всё лучше, чем в лесу у костра, когда то ветра дуют, то дождик накрапывает.

- Так какой план? – спросила Лизетта, пока Гастон ее распрягал.

Он пожал плечами. Если б сам знал. Доверился лесной магине, приехал в столицу. А дальше... дальше, как пойдет. Что им еще остается? Они и раньше слышали советы обосноваться здесь – у черного принца под боком.

- Думаешь, с ней всё в порядке? – задала Лизетта новый вопрос, не дождавшись ответа на предыдущий.

- Наверняка, - кивнул Гастон, хотя жизнью бы не поклялся. – Она умеет защищаться.

Речь шла об Огоньке. Лесная девчонка как ушла в тот день, так и не вернулась. Они с Лизеттой прождали ее трое суток, а потом решили ехать дальше, придя к выводу, что юная спутница покинула их навсегда. Поняла, что магиня выдаст ее тайны, и предпочла унести ноги. Куда? Домой – в алманские леса вестимо. Гастон злился. Поначалу. Он ведь считал, что дед девчонки способен в любой момент уничтожить и его, и жену. Да и мысль, что Огонёк была готова на кражу медальонов, корбила. Но постепенно гнев сменился на беспокойство. Да, девчонка – магичка, но ведь ребенок совсем. Мало ли что может стрястись по пути. Гастон успокаивал себя, мол, если будет держаться леса, силы не иссякнут. Однако тревога нет-нет, но колола сердце. Привязался он к Огоньку, чего скрывать.

Лизетта тоже грустила. Лесная девочка «разбавляла» их странную компанию. А теперь они остались с мужем один на один. Не на часы, как случалось раньше, а навсегда. Ну, или на ближайшие лет десять. При условии, конечно, что жизнь не оборвется раньше. Впрочем, для печального настроения Лизетты имелась и иная причина – прогулка в коровьем облике, после которой она вернулась вся в репьях. Но дело было не в самой прогулке, а в причине, вынудившей на нее отправиться. Вот только... только думать об этом совершенно не хотелось. Но мысли, увы, не отпускали...

- Давай поедим, отдохнем, а утром... утром я придумаю, как нам быть дальше, - предложил Гастон мягко.

- Как скажешь, - отозвалась Лизетта покорно.

А почему нет? Брать на себя ответственность не тянуло. Никакую *ответственность*...

Утром Гастон таки придумал план. Правда, совершенно не выдающийся – прогуляться по городу, авось, медальон приведет, куда надобно. В смысле, к потомку Пенетьери. Лизетта не возражала. Её угораздило превратиться в неповоротливого бегемота, изнывающего из-за отсутствия водоема. Всё, на что она была сегодня способна – лежать на пузе и жалеть себя любимую.

- Главное, не выходи из амбара, - Гастон умоляюще сложил руки.

- За кого ты меня держишь? – огрызнулась та в ответ.

- В облике коровы ускакала, куда глаза глядят, не постеснялась.

- Дык то в облике коровы.

Гастон постоял с минуту, раздумывая, не остаться ли с женой. Но интуиция (а, может, магическая побрякушка) подсказала, что ничего дурного со зверушкой нынче не случится.

- Постараюсь долго не ходить, - пообещал он и добавил, растроганный несчастным Лизеттиным видом: - Куплю чего-нибудь вкусенького. Что бегемоты любят?

- Не знаю, что любят бегемоты. Я курочку хочу. И груши.

Гастон пообещал исполнить оба заказа и вышел за порог, чуть не споткнувшись о подол платья. Тьфу! Ну, что за несуразное одеяние! Как женщины в этом ходят и не падают?

Ночью пролился дождь, но вместо того, чтобы выглядеть свежим и «умытым», город казался еще мрачнее, хотя с ясного неба светило солнце. Поборов спонтанное желание вернуться в амбар, Гастон отправился дальше. Шел и глазел по сторонам в надежде, что впечатление окажется обманчивым, и столица Эндории, в конце концов, покажет и лучшую сторону. Но грязь под ногами и обреченность на лицах прохожих всё сильнее портили настроение. Чудилось, он сам заражается чужим унынием, как простудой.

Гастон искал взглядом смеющихся детей, приветливых торговков, молоденьких девчонок, бегущих по улицам стайками и щебечущих, как птички. Но не находил. Горожане напоминали живых мертвецов. Брели по своим делам, не интересуясь ничем вокруг. Несколько раз Гастон замечал на лицах проблески светлых эмоций, но они мгновенно гасли, будто люди разучились их испытывать.

Странно. До приезда в столицу он не замечал подобного. Жители Эндории, которые встречались прежде, вели себя отнюдь не дружелюбно, и всё же в них оставалась жизнь.

- Простите! – Гастон засмотрелся на двух печальных девочек, идущих по другой стороне улице, и врезался в старичка.

Тот даже не возмущился. Просто пошел дальше, хотя без сомнений удар получился болезненным. Гастон – молодой крепкий парень – аж сжал зубы, сдерживая стон, а пожилой мужчина лишь потер плечо и все дела. Будто ничего и не случилось. Невероятно! Дома за такое обругали бы или, как минимум, посоветовали мыть по утрам глаза ключевой водой, а не компотом или вином.

Настроение испортилось окончательно. Будто это не он причинил человеку вред, а его самого уронили и втоптали в грязь. Но в этот самый момент издали послышалось пение. Девичий звонкий голосок легко брал высокие ноты песенки, которую в Алмании обычно исполняли на свадьбах. Гастон прибавил шаг. Эти звуки были, как глоток свежего воздуха. Хотелось не только слышать юную певицу, но и видеть.

Она стояла босиком на булыжниках – рыжеволосая девушка в бежевом платье – и казалась единственным светлым пятном в непроглядном мраке. Гастон с трудом удержался, чтобы не протереть глаза. Уж не мираж ли? Но нет. Она пела в реальности, и чудилось, что от нее исходят солнечные лучи, согревая всё вокруг. Люди, мгновения назад напоминающие мертвецов, просыпались. Останавливались, чтобы полюбоваться девушкой и насладиться ее пением.

Гастон не сомневался, что певица не местная. Наверняка, как и они с Лизеттой, приехала из Алмании. Самое странное, она пела не ради милостыни. Рядом не лежало ни шапки, ни коробки для монет. Возможно, девушка устала от всеобщего уныния и решила пробудить в жителях столицы добрые эмоции, напомнить всем вокруг, что они всё еще живы и способны ценить искусство, пусть под ним подразумевается всего лишь уличное пение.

- Что здесь происходит?! А ну, расступись!

Грозный приказ прозвучал раскатом грома в летнее солнечное утро, когда грозу ничто не предвещает. Гастон обернулся, и сердце сжалось. Сквозь толпу продвигались стражи порядка в серых формах. Они шли, ловко работая палками – раздавали удары направо и налево. Не щадили ни женщин, ни детей. Ох, что же тогда ждёт певицу? Вдруг она нарушила местный закон, как недавно Гастон, когда рисовал лиса.

- Кто позволил толпиться?! Сборы запрещены императором!

Ох, вон оно что...

Гастон попятился, ища глазами лазейку, чтобы юркнуть прочь и не попасться под горячую руку. Но было поздно. Людей, посмевавшихся слушать алманскую свадебную песенку, окружали со всех сторон, брали в плотное кольцо.

- Хватайте всех! В подземелье место каждому найдется!

Гастон не успел опомниться, как ему скрутили руки. Он попытался выхватить взглядом юную певицу, надеясь, что ее не забудут палками на месте. Но не нашел. На ее месте стояла другая девушка – черноволосая, в плаще. Она подмигнула Гастону, торопливым движением накинула на голову капюшон и исчезла, будто померещилась. Растворилась столь быстро, что Гастон лишь обнаружив пустоту, сообразил, что видел Дину – младшую сестру-чародейку...

Лизетта страдала. От скуки и безделья.

Ну а чем прикажете заняться, когда ты бегемот, скрывающийся в амбаре? Корова и та имеет возможность выйти и свежим воздухом подышать. Хм... Лизетта обругала себя. Сначала мысленно, а потом вслух. В прошлый раз подышала. Так подышала...

Она не раз спрашивала себя, что мешает признаться во всем Гастону. Рассказать, как есть, и вместе попробовать выкрутиться. Не такой уж никчемный достался супруг. Уж точно в разы лучше Себастьяна Винзура. Но Лизетта откладывала и откладывала разговор. Себе она объясняла это тем, что Гастон разозлится, решит, что не просто действовала за спиной, а желала причинить реальный вред. Но это не так, верно? Эгоистично думать о собственной выгоде, никто не спорит. Но ведь это Гастон – причина всех бед. Всё началось с идиотского похищения. Эта мысль успокаивала ноющую совесть, и Лизетта продолжала скрывать.

Секрет заключался в последней «прогулке». Пока Гастон общался с магией из лесных, жена в образе коровы вовсе не прохлаждалась. И ушла она не по своей воле. То есть, на аркане никто не тащил, но инициатива была вовсе не Лизеттина. Это всё чертова Ви. То бишь, ведьма Клотильда. Явилась для «важного разговора», а так как общение при спящих рядом Гастоне и Огоньке чревато последствиями, предложила уединиться. Лизетта немного поборолась с желанием поддеть ведьму на рога (ну, или попытаться это повернуть, ведь призрачной «гадюке» подобное нипочем) и согласилась прогуляться до ближайшего поля.

Разговор не задался. Бывшая подопечная грубила и ерничала, пока ведьма не пригрозила организовать ей рога на всю оставшуюся жизнь. Мол, не исчезнут в человеческом обличье и появятся в любом другом. Только представьте рогатую лошадь или слоницу. Точно примут за живность лесных и отправят к ним на костер. Лизетта подарила фальшивой воспитательнице испепеляющий взгляд, но замолчала. Рога ничью голову не красят, ни мужскую, ни женскую. А костер и вовсе не вариант.

Едва наступила тишина, Клотильда напомнила о предложении подсказать способ избавиться от проклятья в обмен на медальон истины.

- Мы понятия не имеем, где его искать, - проворчала Лизетта.

- Первые два найти тоже не надеялись, - усмехнулась ведьма. - Однако они на шее у мужа твоего никчемного. Заполучи медальон истины первая, поняла? Коли наденет его муж на шею, все три сольются воедино. А мне два других не нужны. Слишком огромна у них сила. Разрушает и людей, и магов изнутри. Управлять ими способны лишь Пенетьери.

- Как же тогда Гастон? Он ведь тоже пострадает.

- А тебе какая печаль? Я же обещала разорвать вашу связь, чтобы с тобой ничего не стряслось, коли муженек в мир иной отправится. Достань мне медальон, Ромина. Прояви фантазию. Это ты умеешь. Уж кто-кто я годами наблюдала за твоими выходками.

- Зачем тебе медальон? - спросила Лизетта прямо, отлично понимая, что та не ответит.

- Исправить содеянное хочу, - нагнала туману ведьма и исчезла.

Увы, на этом «приключения» не закончились.

- А это чья корова?

Пока Лизетта подставляла пятнистые коровьи бока солнышку и размышляла, сразу возвращаться назад или постоять тут немного, на поле появились новые действующие лица - два пастуха, гонящие с собаками стадо. Оба озадаченно разглядывали одинокую корову, гадая, как она тут оказалась.

- Клейма не видно. Странно.

- Ничейной быть она не может. Не с неба же свалилась. Берем с собой, а там отыщем хозяев - старых или новых. Иначе волки сожрут.

Лизетта открыла рот, чтобы просветить пастухов, что она очень даже «чейная». В смысле, своя собственная, но вспомнила, что говорящие коровы не существуют, а последнее, что им со спутниками надо - это привлекать к себе очередное внимание. В конце концов, упомянутые ведьмой рога имеются. Можно ими всех на место поставить.

Вот только пастухи оказались опытными в своем деле. Еще и псов крикнули. Скрутили общими стараниями быстро, то бишь, веревку на рога накинули и потянули за собой. А попытка взбрыкнуть закончилась знакомством коровьих ног с собачьими зубами. Цапнули не сильно, но дали понять, что в следующий раз мало не покажется. Пришлось покорно топтать за новыми «владельцами», выжидая удобный момент для побега и вынашивая планы мести. Знаменитой Лизеттиной мести!

И она отомстила. Постаралась! Обманула чужую бдительность притворной сговорчивостью. А потом... потом и веревку перегрызла (даром, что корова - живность травоядная, клыками острыми похвастаться не может), и ограждение загона проломил. Сама удрала и «соседей» взбаламутила. Пастухам с собаками не до новенькой, когда родное стадо улепетывает в полном составе. А что ж ему не улепетывать-то? Кто угодно перепугается, коли обычная с виду корова по-волчьи зарычит...

Теперь даже смешно это вспоминать. Всё приключение, а не сидение в четырех стенах.

- Тоска... - протянула Лизетта горестно.

- Ух! Зверюга! Говорит!

Бегемот с перепуга завертелся на месте. Точнее попытался это сделать. Но габариты помешали. Филейная часть врезалась в стену, да так, что весь амбар качнулся.

- Ой, мамка! - взвыл кто-то позади.

Бегемот гневно закричал и повернулся. На него во все округлившиеся глаза взирал вчерашний продавец газет - мальчишка, что им с Гастоном к матери посоветовал обратиться на постой. Белый, как новая простыня, он не мог сдвинуться с места. Только дышал тяжело, будто воздуха в легких не осталось.

- Не мамкай, - посоветовала Лизетта. - А расскажешь ей про меня, обоих съем.

Но, видно, в голосе серьезной угрозы не прозвучало. Мальчишка вдруг осмелел и спросил заговорщицким шепотом:

- Ты магическая зверушка? Из лесных?

Лизетта вздохнула и вместо того, чтобы припугнуть сильнее, покачала головой из стороны в сторону.

- Магическая. Но не из лесных. Сама по себе.

- Значит, тетка, что тут поселилась - ведьма? Тебя заколдовала? Иль украла у кого?

Лизетта хмыкнула и, с трудом поборов желание ответить утвердительно (ведь украли, и именно «тетка»), пояснила:

- Я с рождения заколдованная. Но постоялица ваша - друг. Она ни при чем.

Мальчишка шагнул ближе.

- Так ты - девочка?

Вопрос обескуражил. Да какая разница?

- А что ты умеешь? - не унимался мальчишка.

- Оборачиваться. В разных зверушек.

- Покажи! - на детской физиономии расцвело любопытство.

- Завтра приходи. Я один раз в день меняюсь. Это не от моего хотения зависит.

- Приду, - пообещал мальчишка и уселся напротив. - Расскажи что-нибудь. Откуда ты?

Лизетта ломала голову, как прекратить этот поток вопросов, но всё же ответила.

- Из Алмании.

- Ого! - глаза мальчишки загорелись пуще прежнего. - Как там живется?

- Не знаю. Меня под замком держали. Лучше расскажи, как живется тут.

Юный собеседник нахмурился. Будто старичок.

- Мамка говорит, об этом нельзя болтать.

- Мудрая у тебя мамка. Но кому я разболтаю?

Мальчишка засмеялся - звонко, задорно, явно представив, как бегемот разгуливает по улицам и рассказывает каждому встречному о его «проступке».

- Зовут-то тебя как?

- Ратмир. А тебя?

- Роми...

Она сама не поняла, почему назвала настоящее уменьшительное имя. Может, оно больше подходило зверушке, чем Лизетта. Или же просто чувствовала, что мальчишке можно доверять. Отчего-то Ратмир казался гораздо надежнее, чем та же Огонёк.

- Рассказывай, - вновь попросила она.

- Ну... мамка говорит, у нас всё неправильно. В столице. Мамка с папкой раньше у меня по всей стране ездили - настойками целебными торговали. Их папка готовил. В других местах люди обычные, хоть и осторожные, а тут, - он помолчал, вспоминая слово, - тут все, как зомби. Это существа из мифов. У них нет своей воли. И радоваться они не умеют. И роптать тоже. Вот.

Лизетта кивнула, мол, тоже подметила, что в столице Эндории все люди не как люди, а упомянутые зомби, пусть она и услышала это название впервые.

- А вы с мамкой и папкой не такие, значит?

Мальчишка вдруг приуныл. Шмыгнул носом и вздохнул горестно.

- Папки у меня нет больше. Забрали его прямо с улицы. В темницу. Стражнику не понравилось, как он на него посмотрел. Да папка и не смотрел вовсе. Но стражнику разве докажешь. А коли в темницу забрали, считай, пропал человек. Никто его больше не увидит. Вот и мы не видим. Уж три месяца прошло. Теперь мы с мамкой вдвоем, - Ратмир потер глаз. Нет, он не плакал. Мальчишки не плачут. Но глаз жутко чесался от непролитых слез. - И папки нет, и настойка скоро закончится. Придется нам в зомби превращаться, как всем, или уезжать из столицы...

Лизетта насторожилась.

- Какой настойки?

- Папка готовил. Это особенная настойка. Защищает от превращения в зомби. Только тсссс. Об этом нельзя говорить. Ее мамка с папкой никому не продавали. Она для нас только, - Ратмир поднялся и стряхнул прилипшую к штанам солому. - Пойду я, а то мамка хватится. Завтра опять наведаюсь. На тебя новую поглядеть. И ты мне про Алманию расскажешь.

- Хорошо, - пообещала Лизетта, с удовольствием отмечая, что день прошел не зря.

Быть может, она даже разузнала больше полезного, чем Гастон на «прогулке». Зато будет, что ему рассказать. Лизетта пока не подозревала, что муж сегодня не вернется. Что его, как и отца Ратмира, забрали туда, где люди навсегда считаются пропавшими...

Глава 19. Помощница лекаря

«Это безумие, Кара! Я не позволю стереть сыну память!»

«А что позволишь? Умереть?!»

Маленький Гастон подсматривал за родительской ссорой, прячась за креслом в компании лиса Елисея. Серебристый приятель нервничал, переминался с лапы на лапу. Он понимал в разговоре гораздо больше хозяина. А тот лишь вжимал голову в плечи, потому что никогда прежде не видел родителей, кричащими друг на друга. Мать была готова кинуться на отца с кулаками и молотить в грудь, пока не выбьется из сил. А он... он так сильно злился, что напоминал не человека, а грозного мага из сказок.

«Габриэль останется во дворце», - отчеканил отец, выставив указательный палец вперед. - «Все эти предсказания - чушь! К тому же ты вовремя его увела. Ничего не случится, если никто не узнает о его поступке».

Мать рассмеялась. Злым смехом.

«Не будь наивным. Однажды всё раскроется. Но если Габриэль будет считаться мертвым, никто ни к чему его не принудит. А, значит, и не подвергнет смертельной опасности. Наш сын сможет прожить жизнь».

«Вдали от нас!»

«Ты - эгоист!»

«А ты - безумна!»

Неизвестно, чем бы кончилась эта ссора, если б не мальчик. Маленький Гастон не выдержал и расплакался. Громко, протяжно. Габриэль с Карой охнули и кинулись к сыну.

«Всё будет хорошо. Слышишь? Всё будет хорошо», - повторяла мать, крепко обнимая всхлипывающего мальчика.

Отец ничего не говорил. Просто стоял рядом и с горечью смотрел на жену и ребёнка...

- Поднимайся! Давай, женщина, шевелись!

Гастон открыл глаза и обнаружил над собой толстяка в серой форме. Он расталкивал арестантов, коих в камере набралось с пару дюжин - обоих полов и всех возрастов.

- Стройтесь в шеренгу. Сейчас будет сортировка.

Переодетый Гастон растерялся. Сортировка? Они что - фрукты или овощи, которые перебирают, чтобы решить, какие отправлять на столы господ, а какие для продажи бедноте? Нет. Они - люди. Живые люди. Вот только, кажется, кроме него это никого не волновало. Другие пленники с каменными лицами послушно выполнили указание, будто вопрос не будущего касался, а сущего пустяка. Пришлось и Гастону плестись по коридору, глядя на лысеющий затылок здорового детеныша. Такой бы запросто пяток охранников раскидал. Но нет, топает покорно на заклатие.

- Стоять! Повернуться направо! Не шевелиться!

Вдоль шеренги прошел еще один охранник - напыщенный, высокомерный.

- Этих двоих - на рудники, вон того - в подземелье, толку, как от старой клячи. Эту ладненькую - мадам передайте, скажите: от меня «с приветом». А этого... - охранник замолчал, заметив спешащего по коридору бородача. - Где тебя носит? Велел же не опаздывать.

- Простите, бригадир, - бородач отвесил низкий поклон. - Рану одному из ваших парней зашивать пришлось. Иначе б кровью истек.

- Ну и шут бы с ним. Сам виноват, коли ранили. Поторопись, врачеватель. Время не ждет.

Бородач поторопился. Обошел арестантов, внимательно вглядываясь в лица, ища признаки чего-то доступного ему одному.

- Вот эта подойдет.

- Уверен?

- Абсолютно.

Гастон не сразу сообразил, что речь о нём. А как понял, подпрыгнул.

Подойдет?! Вот интересно, для каких целей? Для опытов? Уж, наверняка, не для любовных утех. В «строю» куда симпатичнее девицы имеются.

- Идём, - скомандовал бородач.

- Чего застыла? - прикрикнул бригадир. - На рудниках хочешь горбатиться?!

Гастон покачал головой и припустился за новым «хозяином». Что бы его ни ждало впереди, вряд ли это хуже рудников, где работники мрут, как мухи. Может, сбежать получится? Медальон удачи всё еще при нем. Умная побрякушка. Замаскировалась от чужих глаз. Едва Гастона арестовали, превратилась в дешевенький оберег, что бедняки носили в надежде на защиту от сил зла. Никто на такую не позарится.

Однако надежда на побег таяла с каждой секундой. Через каждые несколько метров в коридорах стояли охранники, а над дверями висели зачарованные звезды, не позволяющие нарушителям переступить порог. Проклятье! Гастон недобрым словом помянул сестру. Зачем Дине понадобилось преобразиться и петть посреди улицы, где ей не рады. Или то была откровенная подстава. Сестричка ведь первая посоветовала отправляться под бок черному принцу. Вдруг она вовсе не друг, а враг? Завидует, что мать отдала медальон Гастону, а не ей, и теперь старается сжить братца со свету?

Кто же разберет этих чародеек...

- Пришли, - оповестил бородач, останавливаясь у неприметной двери. - Заходи, милоч. Будешь моей помощницей. То бишь, помощником.

Гастон засмотрелся на комнатку с множеством полок, заставленных скляночками, и не сразу осознал, что именно произошло.

- Чего? Каким еще помощником?!

- Да ладно, тебе. Что я парня от девицы не отличу. Плоховато ты женскую походку изображаешь. Если, конечно, эта женщина - не медведица.

Гастон молчал. Выжидал, что еще скажет бородач. Чего потребует за сохранение тайны. Узнают охранники, кто он, быть беде. Сразу догадаются, что не просто так в женское тряпье вырядился. А, может, и разбираться не станут. Сразу на рудники отправят. Туда, где жизнь в монастыре раем покажется.

- Не бойся, не выдам, - заверил бородач. - Мне твоя помощь нужна. Не только в составление снадобий целебных. В побеге.

Гастон подозрительно прищурился. Это проверка? С чего бы бородачу с первым встречным откровенничать о столь тайных вещах.

- Тебе то зачем бежать? Ты ж не пленник.

- Пленник. Но меня профессия от участи страшной спасла. Охранники тоже люди. Хворают, как и все. Вот меня при себе и оставили. Но я выбраться хочу. И покинуть треклятую столицу навсегда. А лучше и саму Эндорию.

Бородач говорил, а сам раскладывал на столе пучки сухой травы, доски и ножи для резки. Пальцы, хоть были толстые и на вид неповоротливые, работали ловко. Гастон только диву давался, глядел зачарованно, будто на что-то диковинное.

- Бери нож и помогай, режь мелко-мелко, - велел бородач. - Вдруг кто зайдет, а мы тут разговоры ведем. Что глядишь, прищурившись? Спросить что-то хочешь?

Гастон решил рубить с плеча. И будь, что будет.

- С чего бы тебе откровенничать со мной?

- Потому что ты не местный. И уж точно не готов провести всю жизнь в рабстве.

- В раб... Что?

Бородач закивал.

- А ты думал, это всё как называется? Работа по согласию? Наш император - гений. Подонок, но гений. Людей здесь арестовывают из-за любого пустяка и превращают в бесплатную рабочую силу.

И казне экономия, и для других урок, то бишь, устрашение, дабы еще сговорчивее становились. Хотя в столице все и так сговорчивые. Почти все.

В этом Гастон и сам успел убедиться. Оставалось выяснить причину. Неужели, жители настолько запуганы? За пределами-то города всё иначе. Вон на постоялом дворе какой активный народ попался, был готов их с Лизеттой вязать и самосуд устраивать.

- Что с местными не так?

- Не с ними. С императором, - нож бородач лихо кромсал траву, помощь Гастона и не требовалась. - На окраине города есть завод, где мусор сжигают. Раз в неделю дым валит оттуда страшный. Только не мусор там жгут вовсе, а траву особенную. Она на людей влияет, делает их покорными, притупляет все чувства. Но встречаются и те, на кого эта дрянь не действует. Несчастные люди. Они напуганы больше других, не понимают, что с остальными творится. А ты... ты совершенно другой. Я сразу понял, как в глаза заглянул. Нет в них ни покорности, ни страха. А, значит, ты только прибыл, не успела трава затуманить разум и подавить волю. Идеальный помощник для моего плана побега.

Гастона охватило волнение. Вон оно что! Умно император придумал. Одурманил всех вокруг, и никаких тебе восстаний и желаний сместить неугодного правителя.

Стоп!

- А сам император как же? На него трава не влияет?

- Ему особую настойку готовят, которая действие дурмана перекрывает. Я разгадал рецепт. Приблизительно. Так и спасаюсь. Вот, - бородач достал из кармана флакончик с ядовито-желтой жидкостью на донышке. - Охранники считают, это от застоя желчи. На нее никто не претендует. Запах просто убойный, мёртвого поднимет. Плохо только, что средства мало осталось, а ингредиенты тут не достать. Это еще одна причина для побега. Веская причина. Не хочу превращаться в зомби.

- Я тоже не хочу, - заверил Гастон. - А какой у нас план?

- Ш-ш-ш, - бородач приложил палец к губам. - План мы с еще одним пленником придумали. Для его воплощения в жизнь нужны трое. А пока работай, «помощница». Надо притупить бдительность охранников. Меня, кстати, Аврелием кличут. А тебя мне как называть?

- Гас... Габриэла.

Бородач расхохотался.

- Ладно, Габриэла, за работу.

Гастон совершенно не разделял веселья нового знакомого. Неизвестно, удастся ли побег. Да и вряд ли попытка случится быстро. А у него Лизетта в амбаре спрятана. Не хватит женушке терпения ждать. Отправится на подвиги. Неважно, случится это в человеческом обличье или в зверином, по любому быть беде.

Лизетта гневно била копытом по дощатому полу амбара. Копытами бьют не мулы, а исключительно лошади? Подумаешь! Она - нынче мул, однако всё рано била. Коли придется, и сгарцует, лишь бы живой остаться! А опасность для жизни явно маячила на горизонте. Прошли сутки, а муж не объявился. Не похоже такое на Гастона. Ох, как не похоже. Стало быть, приключилось нечто зловещее. И если он мертв, то и ей - Лизетте - недолго осталось.

Нельзя сказать, что она думала лишь о себе любимой. Судьба Гастона тоже тревожила. Да, похитил и испортил жизнь. Хотя, если честно, портить-то было нечего. Не жизнь императорская тайная дочка вела, а играла роль никому ненужной затворницы. В компании обманщицы Ви и охранников, которые втайне желали, дабы неугомонная зверушка свернула шею. Гастон за последние недели к ней с большим терпением и уважением относился, чем все остальные за долгие годы.

- Роми? Роми, это ты?

Из-за ящиков, наполненным всяческим барахлом - от стоптанных ботинок до игрушек, с отломленными конечностями, высунулась вихрастая голова.

- Чего прячешься? С бегемотом вчера говорил, а мула испугался?

- Не-е-е, не испугался. Просто встал утром и подумал: вдруг ты мне приснилась. Где ж видано, чтоб звери говорили.

Ратмир осмелел и вышел вперед, держа в руках корзинку с грушами.

- Я - не зверь, - бросила Лизетта хмуро. - Скажи, если я в таком виде выйду, мне грозит опасность?

А что еще оставалось? Сидеть и ждать непонятно чего. Допустим, мальчишка не позволит помереть с голоду. Но толку-то, если Гастона прикончат.

- В нашем городе всем грозит опасность, - «обрадовал» Ратмир и тут же подсластил «пилюлю», подав грушу. - А зачем тебе выходить? Хозяйка разве разрешает?

- Не разрешает, - призналась Лизетта, дожидая угощение. - Но она пропала. Как ушла вчера, так ни слуху, ни духу.

- Дык может, дела у нее.

- Нет, - Лизетта взяла ртом вторую грушу. - Она обещала быстро вернуться.

Ратмир глянул сочувственно и вдруг охнул, схватившись за щеки. Корзинка приземлилась у ног, однако не перевернулась, и сочные плоды остались в целости и сохранности.

- Так ее арестовали, наверное! Вчера целую толпу взяли. Тоби рассказывал - это приятель мой, он обувь чистит на Вересковой улице. Сам еле ноги успел унести, как сообразил, что за дела творятся. Девчонка какая-то пела. Люди останавливались и слушали. А у нас такое запрещено. Вот всех и повязали, кто под руку попался.

Лизетта от неожиданности плюхнулась на пятую точку. Со стороны, наверняка, выглядело странно, что мул сидит, как собака. Но ее это ни капли не волновало.

- Что запрещено? Пение?

- Нельзя собираться толпой, - пояснил мальчишка и почесал затылок. - Ну, и петь, пожалуй, тоже. Мамка вот никогда не поет.

Он еще что-то говорил. Кажется, что папка раньше иногда мычал под нос, но давно перестал, однако Лизетта не слушала. Лихорадочно пыталась придумать план действий. Но тот упорно отказывался придумываться.

- Как мне его... то бишь, ее вытащить? - спросила она, скорее, саму себя.

- Никак. Ты забыла, что я вчера рассказывал? Коли арестовали человека, считай, что сгинул. Навсегда. Не увидишь ты больше хозяйку. Как и мы с мамкой папку.

Лизетта взбрыкнула. В прямом смысле.

Что значит, не увидит? Не бывать такому!

- Куда ты собралась? - насторожился Ратмир, заметив, что мул уверенной походкой направился к выходу.

- Хозяйку искать.

- Стой! - мальчишка бросился следом. - Погибнешь! Иль превратишься в игрушку черного принца!

Копыта подвели. Лизетта споткнулась и пропахала лицом (то бишь, мордой) доски.

- Чьей игрушкой?! - спросила она, ощущая во рту мерзкий привкус крови.

Ратмир не понял смысла вопроса, затараторил:

- Бесхозный мул - отличное приобретение. Тебя быстро схватят. А как узнают, что ты в разное зверье оборачиваешься, в серебряный дворец поведут. Люди знают, что черный принц любит всё необычное и диковинное. За такую игрушку, как ты, хорошо заплатят.

У Лизетты голова шла кругом. Столько слов произнесено, а ничего по делу.

- Кто такой черный принц? - прорычала она, хотя, казалось, мулы на это не способны.

- Императорский сынок, наследник, - поведал Ратмир шепотом. - Черным принцем его мой папка звал. Мне строго-настрого повторять запретил. Но приклеилось.

Он по-детски развел руками, улыбнулся и продолжил, не замечая ошеломления Лизетты:

- Папка говорит... то есть, раньше говорил, что у принца Валериана душа черная, как безлунная

ночь. Нынешний император – зло, а сын еще хуже. Когда он придет к власти, для Эндории настанет начало конца. Во!

- Да твой папка поэт, - проворчала Лизетта под сумасшедший стук сердца.

Значит, черный принц – наследник престола Эндории. Ну, дела! Вот только причем тут Гастон? Почему этот Валериан на него охотится? Может, из-за медальонов? Но откуда ему знать, что волшебные вещицы Пенетьери попали к простому алманскому парню?

Ох, одни загадки и никакого просвета.

- Мне всё равно надо найти хозяйку. Я без нее пропаду.

Ратмир застенчиво улыбнулся и проговорил, глядя в пол:

- Я о тебе позабочусь, Роми.

Лизетта растерялась, изумленная непрошенной заботой.

- Приятно слышать. Только... э-э-э... это меня не спасет. Мы с хозяйкой заколдованы. Нельзя нам друг без друга.

Ратмир задумчиво почесал лоб.

- Можно к чародейкам сходить. Спросить, как быть, - предложил он. – Хозяйку тебе не вернут. Мамка просила папку вызволить, но они сказали, не в их это власти. Но вдруг колдовство снимут, что вас связывает?

Лизетта ответила не сразу. Задумалась. Конечно, можно и к чародейкам. Но важно и Гастона вызволить. А то получится, что она о себе только думает, свою шкуру спасет. Нехорошо это.

- Пошли к чародейкам, - согласилась она, приняв решение.

Но мальчишка ее осадил.

- Не торопись. К ним без предупреждения не являются. Я договорюсь сначала. А ты тут сиди. Будь хорошей зверушкой.

Лизетта фыркнула. Хорошей зверушкой? Да ни в жизнь.

Однако благоразумие в кое-то веке взяло верх над безрассудством.

- Буду, - буркнула она и отправилась в укромный угол – спать...

Гастон всегда знал, что монотонная работа – не его стезя. Он второй день помогал Аврелию кромсать траву и смешивать настойки, а, казалось, прошла вечность. Пальцы ныли с непривычки. Уж проще мешки таскать или решать проблемы, организованные обернувшейся в живность женой. И ведь продыху никакого. Лекарь рядом над средствами целебными колдует, на «помощницу» поглядывает, следит, чтоб не отлынивала.

В целом Аврелий Гастону понравился. Порядочный, на первый взгляд, мужик, увлеченный столь полезным ремеслом. Подумаешь, что большая часть его трудов пойдет охранникам, и лишь мизер – больным арестантам. Коли взялся людей лечить, нельзя делить на хороших и плохих. С грехами их боги в мире ином разберутся. Его задача – помогать всем нуждающимся. Без исключения. По мнению Гастона, это был правильный подход. Честный. Вот они сами нынче – преступники. Но в чем вина-то? И есть ли она вообще?

Пришлось по душе и то, что Аврелий не лез в душу, ни о чем не расспрашивал. Зато о себе рассказывал. Самую малость, однако Гастону и этого хватило для вывода, что лекарь – верный муж и хороший отец.

- Ох, главное, чтоб они еще не успели уехать из столицы. Жена моя с сынком. Иначе туго придется. Попробуй, найди след. Особенно остывший.

- Коли любят, будут ждать до последнего, - пробормотал Гастон, сам не понимая, кого пытается приободрить: Аврелия или самого себя.

Он думал о Лизетте. Ни о какой любви между ними не было речи, но Гастон молился всем богам, в которых раньше не особо верил, чтобы женушка оставалась в амбаре. Или, хотя бы не отходила далеко. Понятное дело, что она выйдет наружу в поисках еды. Главное, чтоб в неприятности не

загремела. Вот уж точно: поди, найди потом остывший след. Эх, жаль Огонёк их покинула. Девчонка -предательница, но ведь не так она и виновата. Волю деда-мага выполняла, а не по собственной прихоти медальоны красть планировала. Вот доехала бы Огонёк с ними до столицы, сейчас Гастону было б куда спокойнее. Знал бы, что Лизетта не одна, а под присмотром лесной колдуньи.

...К вечеру Аврелий притих и занервничал. Перекладывал склянки с целебными настойками с места на место, доставал карманные часы, вздыхал и убирал назад, бурча под нос что-то о важности первого впечатления. Наблюдая за странным поведением лекаря, занервничал и Гастон. Да так, что едва флакончик с ценным эликсиром от мигреней не разбил. Повезло, что реакция хорошая, успел подхватить в полете. Вот только тревога после этого усилилась. Аврелию полагалось пожурить «помощницу» за небрежность, а он будто и не заметил ничего.

- Что происходит? - не выдержал Гастон часа через полтора.

Аврелий с шумом выдохнул и признался.

- Скоро ОН придет. Ну, тот - третий. В смысле, он второй, это ты - третий.

- Побег сегодня? - обрадовался Гастон, но его мигом осадили.

- Ш-ш-ш! Сегодня-сегодня. Но сначала он на тебя поглядит, оценит, насколько ты надежен. Я то тебе верю, не сомневайся. А вот он мало кому верит. Даром, что монах.

- Монах?

Гастон едва зубами не заскрежетал. Только монаха ему и не доставало! Ну, правда, это издевательство. Удалось от жизни в монастыре отбрыкаться, так теперь главная надежда на спасение из плена - монах? Серьезно?!

Ох, не зря говорят, что у судьбы странное чувство юмора...

Когда, наконец, скрипнула дверь, Гастон (спасибо, паникующему Аврелию!) накрутил себя до невозможности. Он был готов увидеть самое настоящее чудовище, потому не испугался бы закутанного в серый плащ мужчину с маской на лице. Не испугался бы, если бы вообще на него посмотрел. Вот только Гастон не смотрел. Точнее смотрел во все глаза, но не на монаха, а на кое-кого другого, перешагнувшего порог раньше.

- Вот, черти эндорские...

Ноги подкосились, и «помощница» лекаря села мимо стула, растерянно взирая на серебристого лиса - старого и величественного...

Глава 20. Одна семья

- Роми, ты здесь? Ро... Ой!

Ратмир попятился, обнаружив вместо мула или любой другой живности белокурую девицу. Она сидела на полу, обняв колени, и хмурилась.

- Не могу больше ждать, - объявила незнакомка. - На душе что-то беспокойно. Нужно к твоим чародейкам поскорее отправляться.

- Роми? - с сомнением спросил Ратмир и протер глаза, словно надеялся, что девица растворится, и вернется мул. Иль бегемот. Вдруг впрямь, мерещится? Ночь на дворе. А амбар освещает лишь свет луны, что льется в окошко под потолком.

- Угу. А ты думал - я всегда зверь? Человек я. Заколдованный, - проворчала Лизетта и, не дав мальчишке опомниться, спросила: - Ну, какие новости?

- Э-э-э... - бедняга Ратмир от растерянности и изумления позабыл все слова на свете. Уж больно красивая девица перед ним. Как принцесса. Ох, а он ее грушами с рук кормил.

- Что с чародейками? - повторила Лизетта, начиная сердиться.

- Одну нашел! - выпалил Ратмир. - Готова принять. Прямо сегодня. До утра, в смысле. В качестве платы возьмет пару папкиных настоек от разных хворей.

Настала очередь Лизетты удивляться.

- Ты собирался тащиться к ней с мулом посреди ночи?

Мальчишка пожал плечами.

- У меня папкина «пугалка» имеется, - он гордо выпятил грудь. - Шарик, глазурию покрытые. А внутри особенная смесь из трав, смолой пропитанная. Если кинуть, дым поднимется, жуть! Любой струсит и даст деру.

- Что ж твой папка такой шарик не кинул под ноги тем, кто его арестовывал? - съязвила Лизетта, но обнаружив на лице Ратмира обиду, смягчилась. - Прости, я за хозяйку волнуюсь. И вообще взаперти сидеть ненавижу. Злая становлюсь.

Мальчишка примирительно кивнул и первым пошел к выходу.

...Ночной город выглядел еще угрюмее, чем днем. Кутающаяся в плащ с капюшоном Лизетта ёжилась и нервничала. Всё чудилось, что тени, создаваемые фонарями, наступают, будто чудовища, а у редких прохожих вместо человеческих лиц звериные морды. Кошмарные морды хищников с клыками и горящими огнем глазами.

Ратмир заметил ее волнение.

- Мерещится, да? - спросил с заботой. - Это город на тебя влияет. Превращает в зомби. Поначалу люди всякие ужасы видят, а потом становятся податливыми, безразличными. Но не бойся, я с тобой настойкой папкиной поделюсь. С утра принесу.

- У вас же самих чуть-чуть осталось.

Мальчишка отмахнулся.

- Подумаешь, всё равно скоро уезжать. А за пределами столицы настойка не нужна.

К счастью, дорога к дому, где принимала чародейка, обошлась без приключений, «пугалки» применить не пришлось. «Зомби», что обитали в городе, не обращали на странную для ночной прогулки парочку. Проходили мимо, будто девица с мальчиком два столба. Или ничем непримечательные деревья. А вот сам дом Лизетте не понравился: покосившийся, с выбитыми стеклами. Дунешь - упадет. Не верилось, что там живет настоящая чародейка. Наверняка, шарлатанка. Иначе привела бы жилище в порядок.

- Что-то не так? - нервно спросил Ратмир, когда спутница остановилась, не дойдя до порога. - Ты передумала?

Она собралась ответить утвердительно, но входная дверь скрипнула и отворилась.

- Проходи, - объявил знакомый голосок. - Чародейка ждёт.

Лизетта ахнула и топнула в сердцах.

- Ты?! Ты, ты! Но откуда?! Как?!

- Не кричи, - весело посоветовала Огонёк, облаченная в неприметное серое платье с длинными рукавами, а, главное, впервые на памяти Лизетты обутая. - Все ответы у чародейки. Не стой на пороге, проходи. Она ждет.

Руки чесались дать маленькой нахалке подзатыльник. И за намерение украсть медальоны, и за побег, и за волнение за ее судьбу. Но Лизетта сдержалась. Расправа над лесной девчонкой подождет. Главное, с чародейкой разобраться. Видать, правда, настоящая...

- Ты чего, милоч? Поднимайся скорее, - Аврелий потянул Гастона за руку, но столь резко, что сам чуть на пятую точно не плюхнулся.

Тот даже не заметил суетившегося лекаря. Переводил ошалевший взгляд с лиса на монаха. Они замерли в тревожном ожидании, удивившись, что «помощница» лекаря видит особенную зверушку. Но лис опомнился, издал звук, похожий на недружелюбное покашливание, и рванул на Гастона с намерениями явно недобрыми. Ловкий для преклонного возраста прыжок и...две серебристые тени столкнулись в воздухе. Столкнулись и мячиками разлетелись в стороны. Быстро вскочили и уставились друг на друга вовсе не по-лисьи. По-волчьи!

- Не трожь принца, старик! - потребовал Елисей, стоявший между хозяином и лисом монаха. - Мы с ним давно не дети малые. Быстро с тобой управимся.

- Принца? - выдохнул старый лис, с подозрением косясь на платок Гастона.

Пришлось его стащить и обнажить мужскую стрижку. А в висках стучало. Почему принц-то? Это особое звание в лисьей иерархии?

- Гейб? - спросил монах хрипло. - Это ты, Гейб?

Гастон насторожился. А это что за «зверь»?

Стоп! Гейб - уменьшительное имя от Габриэля, как Роми от Ромины!

Вот, черти лисиные! Неужто, под маской отец?!

- Вы - Габриэль Милтон? - спросил он, а сердце частило, будто вознамерилось пробить грудь и взлететь к потолку птицей.

Вместо ответа монах снял капюшон и маску. Гастон был готов к встрече с человеком из снов и всё же охнул, узнав знакомое лицо. Лицо, невероятно похожее на собственное. Только изрезанное глубокими морщинами и... изуродованное с правой стороны двумя длинными косыми шрамами. Старыми, без сомнения.

Вскрикнул и лекарь, который впервые увидел лицо «сообщника».

- Аврелий, сходи проветриться, - предложил ему Габриэль-старший. - У нас с твоей «помощницей» намечается личный разговор.

Лекарь нелепо поклонился и засеменил к выходу. Мол, чем дальше от чужих секретов, тем лучше. И безопаснее.

- Где же ты так долго пропадал, Гейб? Я уже почти отчаялся тебя дождаться.

- Дождаться? Меня? - Гастон поднялся с пола и обнаружил, что они с отцом одного роста. - Значит, ты знал, что я жив?

Накрыла обида. Не родители, а обыкновенные кукушки! Что мать, что отец.

- Кара не сказала, где тебя спрятала. Обещала раскрыть секрет позже, когда я остыну и перестану сопротивляться ее решению. Но Кара умерла во время родов, а я так и не узнал, где ты. Пытался искать, но тебе изменили имя. Я даже не был уверен, что ты в Алмании. Оставалась надежда на медальоны. Мой медальон - истины - не способен разыскивать «братьев». Но тот, что остался у тебя - власти - умеет это делать, особенно если управляет им настоящий владелец.

- Настоящий владелец? - переспросил Гастон, оставив при себе желание «осчастливить» отца, что мать жива и здорова. - погоди! Медальон истины у тебя?

Габриэль-старший расстегнул ворот монашеского балахона и извлек цепочку с магической вещицей – последней из трех.

- Я разделил их. Один оставил себе, второй был у тебя, третий – у твоей сестры Дины. Хоть ей и предстояло вырасти чародейкой, она всё равно – Пенетьери. Обладание медальоном не причинило бы вреда, а помощь девочке-сироте оказало б существенную. Бабка-то не вечна.

С каждым отцовским словом глаза Гастона раскрывались всё шире. Он знает, что дочь жива? И расстался с ней по собственной воле? Стоп! Пенетьери?! Как это Пенетьери?!

Габриэль-старший печально улыбнулся, видя растерянность сына, и принялся объяснять. Мол, да, есть сестра. Мать умерла при родах, а малышка выжила. Но ее забрала бабушка. Кара происходила из древнего чародейского рода, в котором дар передается лишь по женской линии. Как бы отцу не было больно, он понимал, что бабушка-чародейка лучше справится с воспитанием девочки, а еще научит использовать силу. Сам Габриэль-старший отправился в родную Эндорию. Этого «требовал» медальон истины.

- Значит, ты общался с Диной? – спросил Гастон, ощутив легкий укол ревности.

- Нет. Бабушка считала, мне грозит опасность, значит, лучше держаться от дочери подальше. Я уехал в путешествие, а потом... потом обстоятельства сложились так, что пришлось скрываться. Но я знал, что однажды медальон власти приведет тебя ко мне, однако Дина, увы, не смогла бы нас с тобой разыскать. Здесь и медальон не помощник. Она ближе к клану матери, чем к Пенетьери. В отличие от тебя.

- Пе-не-тье-ри... - прошептал Гастон зачарованно.

Лесная колдунья сказала, что ему необходимо разыскать потомка уничтоженной императорской семьи. А отец всё повторяет и повторяет их фамилию, как собственную. Вдобавок у ног каждого из них лежат серебристые лисы – талисманы Пенетьери.

Безумное совпадение? Или...

- Ты – потомок императорского клана Эндории? – спросил Гастон благоговейно.

Отец кивнул.

- Да. Как и ты. Мы последние из рода. И те, кому предстоит всё исправить...

Лизетта узнала ее с первого взгляда – женщину из сна, что трясла маленького Гастона за плечи. Она сидела, оперев локти в стол, и задумчиво глядела на пламя свечей. Такая же молодая, ни капли не изменившаяся, будто прошли не годы, а дни.

- Ты Дина, верно? – догадалась Лизетта.

Гастон же говорил, что сестра – копия матери.

- Верно, - чародейка кивнула на стул. – Проходи, Ромина, присаживайся.

Та хмыкнула и проворчала:

- Всё-то ты знаешь.

- Не всё, - Дина грустно улыбнулась. – Я тыкаюсь, как слепой котёнок, полагаясь на магическое чутье. Но опыта не хватает. Цирковые трюки – это одно, а вот настоящее чародейство – не каждому подвластно. Всю жизнь учиться приходится.

Лизетта не собиралась сочувствовать вновь обретенной родственнице. Спросила с вызовом:

- Чего ты хочешь?

- Воссоединить семью, - дала Дина простой ответ. - Я всю жизнь мечтала разыскать отца и брата. Уж ты-то должна понимать, как трудно одной. Без родных.

Лизетта скривилась. Вот, обманщица! Да что она знает об одиночестве?!

- А как же твоя мать? Она не считается? Мать, которая всегда знала, где Гастон?

Ясные Динины глаза затуманила дымка.

- Она умерла при родах. Меня растила бабушка. До десяти лет. А потом и ее не стало.

- Но...но... - Лизетта подалась вперед, сжав кулаки. - Гастон видел Кару! Встречался в Алмании. Она передала ему медальон удачи.

- Это была я, - огорошила Дина. - Состарила себя, чтобы казаться солиднее. Наложила иллюзию. Девчонку-чародейку не воспринимают всерьез. А вот дама в летах – другое дело.

У Лизетты потемнело в глазах от злости.

- Ты безумна! Внушила брату, что матери на него плевать! И кто ты после этого?

Дина развела руками.

- Я не ожидала, что он вспомнит ее лицо. Мама опоила Габриэля настойкой забвения, прежде чем передать на воспитание другой семье. Мне бабушка рассказывала. Она знала о мамином поступке, но понятия не имела, у кого живет Габриэль. Мама «закрыла» его от нас, чтобы кровь не тянулась к крови.

Лизетта закрыла глаза, собираясь с мыслями. Как же складно всё у этой девчонки получается. Хотела семью, это понятное желание. Тут и гением быть не надо. Но тогда призналась б во всем Гастону сразу. Но Дина не сделала этого, нагнула туману, а сама следила за ними. С другой стороны, свой медальон она брату отдала...

Ох, поди пойми, честна Дина или преследует собственную цель. Лизетта больше никому не верила. Разве что самому Гастону. Он похититель и олух. Но в целом, честный олух...

- Однако ты сумела найти брата, - проговорила она ядовито.

- Сумела. Через тебя. Я за тобой следила. Знала, рано или поздно Габриэль появится на горизонте. Как увидела, сразу поняла, что это он. У меня есть отцовский портрет. Они похожи. А еще портрет самого Габриэля в детстве. С мамой. Папина работа.

Слова Дины звучали где-то далеко. В иной плоскости. Не здесь. Не в этой темной комнате, освещаемой тремя свечами. В комнате с тенями, пляшущими на стенах.

- Через меня? - спросила Лизетта хрипло. Остальное из сказанного не имело значения.

- Вы с Габриэлем давно друг другу предсказаны. Но тсссс, - Дина изящно приложила палец к тонким губам. - Об этом позже. Сейчас, главное, вытащить его из темницы. Для этого мне понадобится твоя помощь. А пока постарайся выспаться.

- Но...

- Не спорь, - потребовала Дина жестко. - Все разговоры и расспросы, когда мой брат окажется на свободе. Выпей это, - она подвинула к Лизетте бокал с источающим пар бордовым напитком, а ведь та могла поклясться, что минуту назад на столе ничего, кроме свечей, не было в помине. - Пей и ложись спать. Нам понадобятся твои силы...

Габриэль-старший говорил и говорил, а сын зачарованно слушал, всё еще не веря, что в них обоих течет кровь многих поколений императоров Эндории. Он же просто Гастон Ла-Пьер. Обычный парень, выросший в семье прислуги. А то, что с герцогским отпрыском дружил, так не дружба это была вовсе, как выяснилось. Да и не существовало между ними никогда ни равноправия, ни партнерства. Себастьян Винзур приказывал, приятель выполнял. А заодно шкурой рисковал ради очередной герцогской блажи.

А теперь вот - принц. Ну, здравствуйте, Ваше императорское высочество. Кто ж в это поверит? Гастон сам не верил. Бред. Самый настоящий бред...

Ох, не зря говорят, что правда иногда бывает чуднее любого вымысла...

Габриэль-старший, тем временем, рассказывал, что выжившая в роковую ночь императорская дочка приходилось ему матерью. Верные подданные помогли ей спрятаться, а впоследствии она вышла замуж за сына одного из них. Когда Габриэлю было семь лет, родители участвовали в восстании, но, увы, не смогли свергнуть с трона узурпатора. Крови пролилось немало. Император не пощадил и детей «заговорщиков». Кроме одного.

Почему выбор пал именно на него, Габриэль так и не узнал. Быть может, сработали медальоны Пенетъери, которые «отказались» защищать мать после памятной глупости, стоявшей жизни всей семье. Или вмешалась сама судьба, вынудив убийцу сохранить жизнь последнему из рода истинных правителей Эндории. Но факт оставался фактом: обожающий рисовать мальчишка оказался рабом виновника всех своих бед.

- Он быстро пожалел о принятом решении, - объяснил Габриэль-старший сыну. - Я не раз ловил на себе злые взгляды. Но моя смерть показалась бы окружающим слабостью правителя. Приходилось терпеть. К счастью для нас обоих, в гости приехал император Алмании и, оценив мои художественные способности, пожелал забрать к себе. Так я и покинул родную страну.

Гастон вновь подивился причудам судьбы или, лучше сказать, чувству юмора этой дамы. Алманский император вызволил отца из когтей чудовища, подарил шанс на новую жизнь. Если бы не он, Габриэль-старший и Кара не встретились, и Гастон с Диной не появились бы на свет. А ведь этот император - дед Лизетты! Может, они с женой, впрямь, предназначены друг другу еще до рождения?

- Получается, ты всегда знал, что происходишь из императорской семьи? - спросил он отца, размышляя, почему тот не заявил права на престол. А, главное, почему этого не сделала его мать. Народ Эндории, недовольный правлением бывшего министра, легко бы поддержал выжившую наследницу.

- Не всегда. Андре рассказал, когда я вырос. Это мой лис, - Габриэль-старший с уважением и любовью посмотрел на кашлянувшего (как человек!) серебристого зверя. - Я и не догадывался, что за медальон висит у меня на шее. Он, то есть, они маскировались. Слились и выглядели безделушкой. А лиса я считал обыкновенным оберегом, подозревая, что получил его, потому что в нашем роду были маги. Андре поведал мне правду, объяснил, что мать нарочно скрывала происхождение. Винула себя в гибели близких, стыдилась своего поступка. Она считала, что народ Эндории не захочет следовать за той, что вынесла медальоны из дворца и подставила семью под удар. Такой человек не заслуживает доверия. И трона. В восстании участвовала, чтобы искупить вину и освободить страну от гнета узурпатора. Надеюсь, что после его свержения на престол взойдет кто-то достойный. Увы, ничего не вышло.

В отцовском голосе прозвучало столько горечи, что Гастона пробрал озноб. Вот, черти узурпаторские! Неужели, вновь обретенный родитель таки желает сделать то, что не удалось бабушке? Хочет свергнуть нынешнюю династию правителей и... хм... посадить на трон кого-то достойного? Или же он планирует там обосноваться сам?

- Ты хочешь стать императором? - спросил Гастон прямо.

Ни к чему догадки и увертки. Надоела неопределенность.

- Не хочу. Но наша семья подвела эту страну. Нам всё и исправлять, Гейб. Нам с тобой. Я ничего этого не планировал, когда отправился в путешествие. Хотел увидеть родные места. Но всё изменилось. Мы с Андре попали в беду. Не стану сейчас вдаваться в подробности. Будет время всё обсудить. Спасли меня монахи. Подобрали полумертвого и выходили. Понравилось мне с ними. Так и остался. Сначала при монастыре служил, а потом начал по стране ездить с другим монахом - братом Бернардом. Обходя дом за домом (и хижины, и замки) я многое узнал об Эндории, многое понял. Осознал собственное предназначение. Но императора и его наследника так просто не победить. Их защищает особенная магия. Один медальон с ней не справится. Нужно хотя бы два из трёх. А раз мы теперь вместе, значит, настала пора действовать. Ты готов покинуть стены темницы и начать путь к трону, Гейб?

Гастон растерянно кивнул. А что тут отвечать? Что бежать на волю готов хоть сию секунду, а вот освобождать целую страну - не очень? Лучше повременить со столь важными откровениями и решать проблемы одну за другой.

- Как выберемся, сразу же покинем столицу, - продолжал Габриэль-старший. - Мои люди ждут за ее пределами. Там спокойно всё обсудим и...

- Мне сначала жену найти надо, - перебил Гастон отца. - Я ж ее на пару часов только оставил. Она у меня бедовая, могла в неприятности попасть.

- Ты женат? - изумился Габриэль-старший. - Надо же. А давно ли был мальчик. Какая она? Красивая и умная, верно?

- Угу, - пробормотал Гастон. Не скажешь же, что только по ночам женушка предстает красивой девицей, а днем... днем как придется...

- И как зовут мою невестку? - спросил отец зачарованно.

- Лизетта.

Имя прозвучало всё равно, что гром. Лис Андре вскочил и издал рычание, похожее на волчье. А на лице Габриэля-старшего отразилась мука, будто на него обрушились все беды мира разом.

- Лизетта, - повторил он хрипло и горестно. - Лизетта Бельтрами?

- Ну да, - подтвердил Гастон растерянно.

- О, Гейб! - отец схватил его за ворот платья и встряхнул. - Seriously?! Ты женился на принцессе Ромине?! На оборотне?!

Гастон с шумом выдохнул воздух. Вот, балда! Настоящий папенька приходился лучшим другом алманскому императору. Конечно же, он знает, под каким именем тот спрятал старшую дочь. С другой стороны, к чему эта паника? Ну, женился. И что? Брак с оборотнем - не самая страшная в жизни напасть, как показывает практика. Уж лучше Лизетта, чем Сабина, развлекающаяся в постели герцога.

- Что же ты наделал, Гейб! Что же ты наделал! - повторял отец, тряся сына. - Ты женился на Ромине и свел на нет все наши жертвы!

- Но я не поним...

- Разумеется, не понимаешь! Тебе нельзя было пересекаться с Роминой! Ни при каких обстоятельствах! Этой девчонке суждено стать причиной твоей гибели!

Лизетта спала беспокойно. Снился дом. Настоящий дом. Императорский дворец.

Она была жеребенком. Совсем маленьким. Тонкие ножки едва держали ее, копыта норовили разъехаться в стороны, а сердечко трепыхалось от страха. Пугала звенящая тишина, что господствовала в зале, в котором ее оставили одну-одинешеньку.

Но вдруг раздался шорох.

Из-за шторы, что полностью закрывала окно, выглянул мальчик.

«Лошадка», - протянул он заинтересованно и сполз с подоконника.

Подошел ближе и бесстрашно протянул руку. Лизетта собралась, было, фыркнуть, но в последний момент передумала. Потерлась головой о детскую ладошку. Мягкую, теплую...

«Габриэль!»

В дверях стояла чародейка Кара. Белая, как снег.

«О, боги! Что же ты наделал, Габриэль! Что же ты наделал!»

- Просыпайся. Ромина, просыпайся.

Голос Дины варварски выдернул из сна. Лизетта села, потирая занывшие виски.

Кровь пульсировал, в ушах звенело. Ну, и сон!

Вот только не сон это вовсе. А детское воспоминание. Забытое.

«Вы с Габриэлем давно друг другу предсказаны...»

Так сказала Дина накануне, а папенька-император однажды поведал, что по поручению ведьмы Клодильды собрал толпу мальчишек. Мол, кого первого Лизетта-жеребенок к себе подпустит, тот и будущий супруг. Увы, никто не подошел. Не подошел, потому что... потому что в зале тайно успел побывать еще один мальчик. Мальчик, которому маленький оборотень разрешил себя погладить...

Глава 21. Обмен

Голова шла кругом. Гастон отказывался верить в услышанное. Безумие. Сущее безумие!

Ведьма Клотильда велела собрать мальчиков, чтобы определить суженного принцессы Ромины. Но никто не подошел. А всё потому, что он прятался в зале за шторой и успел погладить «лошадку» раньше. Однако родители скрыли это от императорской четы и, более того, инсценировали смерть сына, а заодно стерли ему память о первых пяти годах жизни. Предпочли отдать другой семье, нежели согласиться на брак с оборотнем.

- Очень мудрое решение, - съязвил Гастон, хотя с вновь обретенным отцом не следовало говорить в подобном тоне.

- Я был против, но твоя мать сделала по-своему, - напомнил Габриэль-старший. - Я считал, что способ защиты она выбрала неверный. Однако спрятать тебя от императорской дочери следовало. И как можно дальше.

Гастон всплеснул руками, с трудом сдерживая гневную тираду.

- А толку? - спросил он тихо. - Я всё равно на ней женился. Это судьба.

Отцу не понравилось такое определение.

- Никакая это не судьба! - возмутился он.

- А что? Совпадение? - Гастон горько засмеялся. - Ну да, это чистейшее совпадение, что Его светлости герцогу Себастьяну захотелось прокатиться на коне по замку в чем мать родила. А герцогу-папеньке - отправить нас обоих в глушь, где Лизетту прятали. А мне.... мне - предложить идиотскую идею украсть для светлости невесту. Ту самую невесту, от которой, оказывается, меня с детских лет прятали. Сплошные совпадения!

Габриэль-старший слушал, широко раскрыв глаза, и явно не понимал и половины сказанного сыном. Разумеется, откуда ему знать о семействе Винзуров, их младшем непутевом отпрыске и похищении девицы из красного замка.

- Не понимаю, к чему все эти сложности? - продолжил Гастон, отчаянно пряча гнев. - Женился бы я на Лизетте, снял бы проклятье. Она не уродина. И ума хватает. Может, коли б мы выросли вместе, относились бы друг к другу по-человечески. Вдруг и любви б место нашлось? И жизнь бы сложилась...

Габриэль-старший устало провел рукой по лицу.

- Ты что меня не слушаешь, Гейб? Ничего бы у тебя не сложилось. Клотильда предсказала, что муж принцессы Ромины освободит ее от проклятья, а сам... сам... В общем, погубит его эгоистичная девчонка. Подставит под удар. Смертельный удар. Так что в этом союзе предполагалась польза лишь для одного. И это не ты, Гейб...

Почудилось, в комнатухе целителя обрушился потолок. А он - Гастон - лежит придавленный обломками и задыхается. Вот, значит, как! Это «хорошо» алманский император придумал. Собрать мальчишек малолетних, заведомо зная, что готовит одного из них на заклятие. Отцовское желание помочь дочке-оборотню любому понятно. Но не ценой же невинной жизни.

Вот только...

Только Гастон не верил, что Лизетта способна его погубить. Тем более, намеренно. Да, она - взбалмошная девчонка, вечно организует неприятности себе и окружающим. Но нет в ней настоящего зла. Нет тьмы, что необходима для принесения других в жертву. Разве что в облике животного учудит, но и то не специально, а из-за инстинктов звериных. Но даже драконом или тигром Лизетта не забывает, что муж необходим ей живым. Ежели он погибнет, то и она следом отправится. Клотильда их двоих крепко связала.

- Прошу прощения, - в дверь просунулась голова лекаря. - Час пробил. Надо действовать. Коли упустим момент, придется еще неизвестно сколько выжидать. А то и вовсе...

Габриэль-старший остановил его взмахом руки.

- Дай нам еще пять минут, Аврелий.

- Нет, - воспротивился Гастон.

Последнее, что он сейчас хотел - продолжать разговор с отцом. Сначала нужно самому переварить

новости. А пока лучше действовать и ни о чем не думать. Иначе мозги закипят, будто голова – вовсе не голова, а котелок.

- Вернемся к разговору о Лизетте позже, когда окажемся на воле, - предложил Гастон под суровым взглядом лиса Андре, которому не понравилось, что он спорит с отцом. – Так какой у нас план?

Лизетта не понимала, на кого больше злится. На отца, готового принести в жертву чужого сына ради собственной дочери. На родителей Гастона, которые вместо того, чтобы попытаться предотвратить предсказанную беду, отдали ребенка чужим людям. На Дину, которая объяснила всё вкратце, но не пожелала ничего обсуждать, только отмахнулась от Лизеттиных вопросов, будто от незначительной болтовни. Ну да, не она же рогатой и хвостатой ходить вынуждена. И вообще, с чего они все решили, что жена погубит Гастона? Ничего плохого она ему не делает. И не собирается. А все вокруг монстром ее считают. С младенчества!

- Хватит языком чесать, императорская дочка, - велела Дина строго. – У нас дел полно. Сосредоточься и постарайся превратиться в кого-то полезного, а, главное, экзотического, чтоб начальник тюрьмы в восторг пришел.

- Я не выбираю, в кого оборачиваться, и... Стоп! Начальник тюрьмы?!

- Ты просто не стараешься. Да, Клотильда тебя заколдовала. Этого самой не исправить. Но тело-то твое. Ты способна управлять превращениями. И, да, начальник тюрьмы. Он мечтает выслужиться перед принцем Валерианом, а тот обожает всё чудное. Нужно заинтересовать начальника тобой, чтоб согласился выпустить Габриэля.

У Лизетты едва дым из ушей не повалил. Верно, Гастона вызволять надо. Но «заинтересовать» ею? Нет, так не пойдет.

- Ты же – чародейка. Спаси брата магией.

- Не получится. Там мощная защита. В одиночку не справиться.

- А как же я? Коли начальник тюрьмы «заинтересуется»?

- Я не позволю тебя забрать, - пообещала Дина и, не пожелав слушать новые возражения, щелкнула пальцами.

Лизетта замычала. В прямом смысле. Нет, она не обернулась коровой, просто стараниями наглой сестрицы Гастона утратила способность говорить.

- Это временный эффект, - пообещала Дина. – Мне надоела твоя болтовня. Пора озаботиться подготовкой к твоему превращению. Сосредоточься и постарайся не оплошать. У нас мало времени, а мертвый муж точно не освободит тебя от проклятья.

...После часа наставлений (как стоять, о чем думать, куда смотреть) и бесконечных репетиций под громкую Динину ругань, Лизетта привычно приготовилась к кувырке и...забыла обо всем на свете. Накрыло воспоминание. Детское воспоминание.

Она босая в ночной сорочке прокралась по коридору ветшающего замка. Вышла во двор через черный ход. У калитки, за которой начинался лес, стояла Виолетта. Рядом с лапы на лапу переминался крупный пес. Серый, будто не зверь, а призрачная тень, что вылезла из мрака. Маленькая Лизетта задумчиво наклонила голову. Уж больно странно выглядел пес. Не походил на собак, которых прежде ей доводилось видеть.

«Не могу я больше. Пора выбирать: либо так, либо иначе. По-другому не получится».

Лизетта попятилась и спряталась за телегу. Сердечко стучало, как безумное.

Пес разговаривает? Разговаривает?!

Значит, она не единственный оборотень! И Ви знает еще одного!

«Прощай», - проговорил, тем временем, пёс. – *«Не пытайся меня остановить. Тебе не под силу всё исправить. А мне будет лучше среди зверья лесного».*

Лизетта поняла, что «собрат» уходит, и выскочила из укрытия.

«Пёсик! Стой!»

Но в тот же миг отлетела назад, упала, больно ударившись спиной и затылком. Последнее, что она

увидела перед тем, как пришла тьма, поднятую руку воспитательницы...

- Н-да... Странно ты представляешь экзотическое зверье...

Лизетта «вернулась» в реальность и попыталась понять, в кого умудрилась превратиться. Тело покрывала серая шерсть. В пол упирались лапы с когтями. Не столь мощные, как обычно. Зато острые зубы клацали весьма угрожающе. Хм. Волк? Позади раздался странный звук, будто кто-то резко открыл или закрыл шторы. Лизетта испуганно взвыла, ибо задняя часть тела внезапно перевесила переднюю. Плюхнувшись на пятую точку, девица-оборотень что-то себе отдала и издала повторный вой.

- Ой, не могу! – донесся из-за приоткрытой двери задорный голосок Огонька. – Волк с павлиньим хвостом! Вот, умора!

Чего?! Это шутка такая?

Лизетта взволнованно закрутилась на месте, но треклятый хвост снова подвел. Попал под лапы и послужил причиной нового позорного падения.

- Ма-а-ама! – захныкала она, жалуясь на все беды разом. Надо же, и дар речи сразу вернулся. Не то после превращения, не то с горя.

- Ты у меня сейчас дохихикаешься, - пригрозила Дина Огоньку. – В горшок превращу.

Лесная девчонка испуганно пискнула и скрылась от греха подальше.

- Ну? – Дина грозно посмотрела на Лизетту. – И как такое недоразумение начальнику темницы, а, тем более, принцу Валериану предлагать?

- Ты ж сама хотела экзотику, - фыркнула та в ответ. – Дареному волку в зубы не смотрят.

Разнос, устроенный Огоньку, вернул почву под ногами. В смысле, под лапами. Наконец-то, и на мелкую нахалку нашлась управа. Прия-я-ятно.

- Ладно, - смирилась Дина с неизбежным. – Сойдет и так. Пошли. Наш «клиент» рано из дома отбывает. Нужно успеть перехватить.

..Они перехватили. Доехали на телеге втроем (Лизетта лежала, спрятанная под одеялом), перехватили и легко заинтересовали «товаров». Начальник тюрьмы – толстый дядька с большими усами – едва слюни не пускал, разглядывая особенного волка, и рисовал в уме картины, как принц Валериан награждает его за труды.

- Сколько хочешь за зверушку? – спросил он и облизнул губы.

Дина загадочно улыбнулась.

- Услугу. Тетку мою позавчера взяли. Она ничего не сделала. Клянусь! Мимо шла, когда девчонка алманская песню пела.

Брови толстяка сошлись в грозную линию. Не понравилось ему предложение. Ох, как не понравилось. Где это видано – заключенных освобождать.

- Ишь чего удумала. Кто переступил порог темницы, на свободу не выходит. Таковы порядки Эндории. Иль ты, девка, этого не знаешь.

Дина ни капли не испугалась.

- Знаю. Потому и обращаюсь к такому дальновидному человеку, как вы.

- Вот именно! Дальновидному! - толстяк выставил вперед указательный палец. Вплотную к Динину лицу. - Что мешает мне и тебя арестовать? А зверушку чудную без всякой платы забрать?

- Ничего. Кроме угрозы лишиться выгоды, - чародейка посмотрела на него с фальшивой лаской. – Волчица отравлена. Противоядие отдам, как только тетку вернете. К тому же, я могу еще всякого особенного зверья раздобыть. Коли захотите дальше сотрудничать.

Лизетта вытаращила волчьи глаза. Как это – отравлена?! Дина это всерьез?!

Вот, черти эндорские! На завтрак были молоко и грудка куриная. Неужто, они *того*?

Толстяк, тем временем, напрягся. Почесал затылок. Перспектива лишиться ценного приобретения и не снискать благодарности принца огорчила всерьез.

- Ладно. Вернут тебе тетку. Приходи сюда через два часа. С противоядием. А зверушка у меня пока останется.

- Договорились, - легко согласилась чародейка и потрепала по загривку Лизетту, мол, не трус, всё идет по плану.

Та воспротивилась. Остаться у начальника тюрьмы? Да ни в жизнь!

Но едва она открыла рот, дабы возмутиться, Дина щелкнула пальцами, вновь лишив жену братца возможности разговаривать...

План был с подвохом. Габриэль-старший поведал его, пока Аврелий ждал за дверью. Он собирался провести лекаря с «помощницей» в соседнее здание, к тому, что ближе к воротам, под предлогом помощи тяжело больному охраннику. К слову, «заболел» тот не случайно, однако ничего страшного ему не грозило, через сутки поднялся б на ноги и без лечения. Пока же он корчился в муках, так что было неясно, чья помощь ему нужнее - лекаря или монаха. Потому и собирались наведаться толпой.

А дальше... дальше сообщникам предстояло разделиться. Утром ждали труповозку, что случалось здесь нечасто. Арестанты - это бесплатная рабочая сила, а, значит ценный товар. Помрут на рудниках иль других работах - это чужая проблема. В темнице, где проводились мнимый суд и сортировка, отдавать концы не полагалось. Иначе б начальнику быстро нашли замену. Взяли б того, кто способен беречь жизни заключенных и передавать их в «рабство» в целостности и сохранности.

Но нынче таки стряслась беда. Но кто ж знал, что парень припадочный попадет. С виду-то богатырь, способный бревна весь день таскать. Несчастьем незадачливого заключенного и решили воспользоваться Габриэль-старший с Аврелием. Первому предстояло оглушить кучера и облачиться в его одежду, а второму - лечь вместо трупа в гроб. Ну а третьей «участнице» лихой банды следовало сидеть у постели «больного» и отвлекать внимание, пока остальные воплощают в жизнь дерзкую задумку.

- Стоп! А как же я? Как мне выбираться? - спросил Гастон, увидев в плане огромную прореху. - Гроб-то один. И кучер тоже.

Габриэль-старший развел руками.

- То есть, вы не собирались выручать третьего участника? - Гастон сердито потряс кулаками. - Оставили бы его отдуваться за ваш побег.

- Мы надеялись, что женщине ничего не сделают. Поверят, что она вообще не у дел. Новенькая, наивная, пошла, как и велели, к больному. Что с нее взять?

- Это бесчестно! - объявил Гастон, разочаровавшись в отце.

- Знаю, - тот не подумал отрицать очевидное. - Поверь, Гейб, я долго договаривался с совестью. Но мне необходимо выбраться на свободу, чтобы однажды помочь всем в этой стране. Мои сторонники ждут за городом. До ареста мы планировали устроить несколько освободительных акций. Вывести мужчин из рудника и девиц из борделя, тех, что удерживают там насильно. Но я попался. Оказался не в том месте, не в то время.

Гастон сжал зубы, не очень пока понимая, прав отец или нет, решив пожертвовать одним человеком ради общего блага. Но повестке дня, то бишь, утра стоял более важный вопрос.

- Что ты собираешься делать теперь? Пожертвовать Аврелием?

- Нет, - лицо Габриэля-старшего исказила мука. - Я дал слово, что помогу ему вернуться к жене и сыну. Он, как и планировалось, займет место в гробу. Ты будешь кучером.

Ох....

У Гастона перехватило дыхание. Нет! Ни за что!

- Останусь я. Как ты правильно заметил - новенькая и наивная. Что с бабы взять?

- Нет, - отрезал отец. - Ты молод и полон сил. Тебе сражаться за трон.

Гастон горько рассмеялся.

- Из меня тот еще вояка. Только и умею, что бедокурить. Должен быть иной способ. Да хоть лисов о помощи попросить. Я видел, как Елисей сражается.

Андре странно хмыкнул, будто Гастон предложил сущую глупость.

- Нельзя, - пояснил Елисей. - Сражение - это большой выплеск магии. Ее почувствуют. У императора есть особый человек. Это всё равно, что заявить: Пенетьери здесь. Но вы можете...

Андре кашлянул, запрещая собрату продолжать.

- Не лезь с советами, юнец. Много ты знаешь о жизни.

Гастону вмешательство крайне не понравилось. Елисей прав, они оба взрослые и имеют право на собственное мнение.

- Говори, - велел он лису.

Тот покосился на недовольного Андре, но закончил фразу.

- Вы можете воспользоваться медальонами. Вместе они способны на всё, что угодно.

- У нас только два: истины и власти, - возразил Габриэль-старший. - Слишком большой риск не справиться. Нельзя ставить на карту всё и сразу.

Елисей весело посмотрел на Гастона. Мол, пора признаваться. Тот вздохнул и выдал:

- Медальонов у нас три. Динин - удачи - тоже у меня. Не спрашивай, - предостерег он шокированного отца от расспросов. - Расскажу всё позже. Давайте выбирать.

...Но всё пошло наперекосяк. В комнатку лекаря, открыв дверь с ноги, вошел усатый толстяк. На Габриэля-старшего не взглянул. Поманил пальцем Гастона.

- Ты помощница лекаря? - спросил, прищурившись.

- Да, - пробормотал тот.

- Идем.

- Но... - попытался воспротивиться Гастон, однако отец перебил, обращаясь к толстяку.

- Куда вы её уводите?

- Не твое дело, монах! - замахнулся на него толстяк. И не ударил. Не рискнул.

- Моё, коли задумали недоброе. Не лгите, начальник Борден. Говоря со мной, вы говорите с богами.

Тот выругался сквозь зубы. Но ответил:

- На волю выпускаю. Невиновна она, как выяснилось. Идем, тетка. Твоя племянница ждет встречи. Я не лгу, монах. Тебе бы не солгал.

У Гастона сердце едва наружу не выпрыгнуло. Неужели, Лизетта?!

- Блондинка? - спросил хрипло.

- Нет. Чернявенькая. Бойкая.

Гастон судорожно сглотнул.

Дина?! Сама посадила, сама вызволяет? Но больше-то некому...

- Шевелись, тетка.

Он подчинился, а следом скользнула серебристая тень. Но прежде чем шагнуть за порог, Гастон незаметным движением сдернул с шеи слившиеся медальоны и уронил на пол. Пусть отцу с Аврелием послужат...

Пока ехали в карете по городу, пару раз мелькнула мысль выпрыгнуть на ходу. Толстяк Борден смотрит в другую сторону, да и лошади еле плетутся. Не покалечишься. Тем более, благодаря Себастьяну Винзуру Гастон отличался ловкостью, умел и через забор сигануть, и от погони удрать. Но он отверг затею. Тревожило упоминание о «племяннице». Лучше доехать до пункта назначения и выяснить, кто она такая. Коли, правда, Дина, Гастон не посмотрит, что сестра и чародейка,

отлупит собственноручно. За скрытность, преследование и организацию ареста.

- Сиди тут, - приказал толстяк, когда карета остановилась, а сам вылез наружу.

Гастон прильнул к стеклу, но Борден заметил и погрозил кулаком. Пришлось задернуть штору и ждать, жадно ловя каждое слово.

- Ну, принесла противоядие? - спросил толстяк.

- Вот, держите, нужно добавить в питье, - раздался знакомый голос, и память живо нарисовало лицо сестры. - Что с моей теткой?

- Доставил. Но коли соврала, я тебя из-под земли достану. И на рудники отправлю, не погляжу, что девица. А теперь забирай тётку, и вон с глаз моих.

Гастону не требовалось дополнительное приглашение. Он сам выскочил из кареты и... не успел опомниться, как на шее повисла Дина.

- Как же я о тебе волновалась! - запричитала она. - В темнице! С твоим-то здоровьем!

- Я сказал: вон отсюда! - рассвирепел от телячьих нежностей Борден.

Дина посчитала спектакль достаточным, схватила «тётку» за руку и потянула прочь. Гастон подчинился. Отлупить и позже успеет. Не при начальнике темницы ж это делать.

- Как с тобой сложно, - пожаловалась Дина, миновав пару кварталов. - Вечно все делаешь неправильно. Теперь вот из темницы вызволять пришлось.

- Это со мной-то? - возмутился Гастон. - Да если б не твое пение...

- Оно было необходимо. Мне магия подсказала. Хотя заключение в планы точно не входило. Где-где, а в темнице отца не найти.

- Отца? - Гастон остановился посреди улицы и посмотрел на сестру ошалело.

- Ну да, - бросила она сердито. - Я пыталась помочь тебе его разыскать.

Голова пошла кругом.

- Так я того... нашел. Мы вместе сбежать хотели. У нас был план. Но ты вмешалась! Всё испортила. Отец, может, и выберется. Теперь все три медальона у него. Но как мне-то его разыскать! Я ж не знаю имени, под которым он нынче живет!

Дина качнулась.

- Как это - нашел? В темнице?!

- Нет! В карете начальника тюрьмы! - распалился Гастон. - Всё! С меня хватит! Я к Лизетте. А ты, коли хочешь, ступай следом. Но только, ради всех богов, молчи!

Не дожидаясь Динино ответа, Гастон поспешил на восток, где располагался амбар, и ждала (он очень на это надеялся!) жена в обличье очередной животинки. Дина отправилась за ним. В молчании, как и требовали. Если б Гастон не был так зол и сосредоточен на проблемах, то заметил бы загадочное выражение лица сестры. Но, увы, он не взглянул на Дину, потому не приближался к Лизетте, а уходил от нее всё дальше и дальше...

Глава 22. Ведьмино поручение

Лизетта выла. И скреблась когтями. А еще мысленно костерила на все лады Дину. А как иначе? Раз Борден принес «противоядие», значит, встретился с чародейкой. Оба получили, что хотели, а она – Лизетта – не у дел. Как еще всё это воспринимать, коли вынудили с копыями наперевес залезть в повозку и теперь везут в неизвестном направлении.

Но почему? Почему?

Неужели, Дина не понимает: если что-то случится с ней, то и Гастону не жить!

Страх сковывал от волчьей макушки до павлиньего хвоста. Лизетта боялась наступления ночи. Днем-то она худо-бедно способна за себя постоять. А с заходом солнца обернется в беспомощную девицу. Да, с Гастоном и Себастьяном Винзуром Лизетта вела себя вызывающе после похищения. Но эти двое выглядели слишком несуразно, чтобы их бояться. Она чувствовала: ничего ужасного не случится до обращения в воинственную живность. Но начальник Борден – другое дело. Он по-настоящему опасен.

Когда повозка, наконец, остановилась, Лизетта забилась в угол, не желая выходить наружу. Волчьи инстинкты подсказывали – дело плохо.

- Ну, показывай зверушку, - приказал насмешливый властный голос. - Коли она мне не понравится, останешься не только без награды, но и без работы, Борден.

Зубы Лизетты сжались до хруста, шерсть встала дыбом. Но по задней стенке замолотили палками, а следом запахло паленым, и пришлось выбираться, пока не подгорела серая шкура или разноцветный хвост. Она выбралась и завертелась на месте, огрызаясь на всех разом. А собралась вокруг целая толпа. Стражники с копыями и палками, бледный Борден,

явно жалеющий, что влез в эту историю, и... высокий мужчина, облаченный во всё черное. Лизетте он не понравился с первого взгляда. Лицо красивое, но надменное, неприятное. Глаза – карие, яркие, но жестокие, беспощадные. Он рассматривал ее, как... необычную игрушку. Или приобретение для коллекции.

«Черный принц, значит», - пронеслось в опустевшей голове. - «Ну, ты и влипла, принцесса...»

- Ладно, Борден, живи пока, - протянул он, оставшись довольным «подношением». - Интересная зверушка. Посмотрим, как быстро приручится. Запереть!

Стражники кинулись к Лизетте, а она с горечью подумала о Гастоне. Бросил, значит. Позволил передать в руки ужасного черного принца. А она дуручка еще переживала за него, поверила, что муж – неплохой человек. Бестолковая корова! Ну и пусть, что нынче ходит в волчьей шкуре. Все равно – корова. Глупая и невезучая...

- Лизетта! – Гастон вбежал в амбар под нервный стук сердца.

Он до последнего надеялся, что увидит животинку, с грустным видом лежащую на соломе. Но в углу обнаружилась вовсе не жена, а мальчика-газетчик с припухшими глазами. Увидев Гастона, он вскочил и громко всхлипнул.

- Простите! – заголосил он отчаянно. – Подвел я Роми. Думал, чародейка поможет. А она... она... Ой! ОНА!

Вслед за Гастоном в амбар вошла Дина, при виде которой мальчишка попятился. Рука взметнулась вверх, указывая на девушку. Губы задрожали.

- Это... это... она Роми того... забрала...

Гастон в недоумении повернулся к сестре, а та пожала плечами.

- Ты же сам молчать велел. Да и не заслужила твоя предательница-жена помощи.

- Дина? – он яростно стащил с головы платок и, не заметив изумленного восклицания мальчишки, спросил: - Что ты сделала с Лизеттой?

Но та и бровью не повела.

- Ничего особенного. На тебя обменяла. Начальник Борден весьма заинтересовался необычной зверушкой. Не смотри на меня так! – Дина закатила глаза. – Тебе ничего не грозит. Ведьма солгала.

Вы с оборотнем не связаны. Смерть одного никак не отразится на другом. Старая карга вас напугать хотела.

- Смерть?! - взревел Гастон. - Что Борден намерен делать с Лизеттой?!

- Подозреваю, продать черному принцу. В смысле, принцу Валериану - наследнику трона Эндории. Фальшивому наследнику.

- ДИНА! - он повязал платок назад, намереваясь отправиться к начальнику тюрьмы за женой. Но сестра встала на пути.

- Не вздумай. Лизетта не заслуживает твоих стараний. Ты в курсе, что она за твоей спиной общается с Клотильдой?

Гастон усмехнулся. Мол, что за бред.

- Это правда, Габриэль, - заверила Дина. - Ведьма предложила сделку: коли Лизетта передаст медальон истины, она ее расколдует. Ну а твоя судьба - твоя проблема. Как думаешь, чья шкура Лизетте дороже?

Гастон молчал. Он не верил. Не хотел верить. Жена не такая. Да и сблизились они за последнее время. Но с другой стороны, он всего лишь похититель, а она хочет свободы, мечтает жить в человеческом обличье и без вынужденного мужа.

- Я должен ее выручить, - объявил Гастон сестре.

Какая разница, общалась Лизетта с Клотильдой или нет. Нельзя отдавать ее черному принцу. Она человек, а не игрушка.

- Нет. Нужно найти отца.

- Уйди с дороги!

Дина приготовилась ответить, но скрипнула дверь, и мужской голос проговорил:

- Пересиди тут. Хотя бы до ночи. Это место безопас...

- Папка! - завопил мальчишка и кинулся на шею лекарю Аврелию, вошедшему в амбар в компании Габриэля-старшего.

- Ратмир... - Аврелий обнял сына, непонимающе взирая на Гастона. Мол, а ты, «помощница», как тут очутилась?

Повисла тишина. Такая, что каждый отчетливо слышал стук собственного сердца. И если Гастон ошалело взирал на лекаря с мальчишкой, то Габриэль-старший растерянно рассматривал дочь - точную копию жены.

- Кара? - спросил он с сомнением.

В самом деле, откуда ей - мертвой - тут взяться?!

- Дина, - подсказала та и улыбнулась. - Ну, здравствуй, отец. Вот и вся семья в сборе...

Семейное воссоединение прошло бурно. Последние потомки императорского клана Пенетьери дождались, пока Аврелий с Ратмиром покинут амбар, сумбурно обсудили положение дел и... поссорились. Гастон был зол, как сотня чертей. Особенно на сестрицу. Избавилась от жены, заставила поверить, что мать до сих пор жива, а теперь встает на сторону отца, желающего поскорее покинуть столицу и забыть о Лизетте.

- Мои люди ждут за городом, - напомнил Габриэль-старший. - Нужно встретиться с ними и разработать план. Три медальона снова вместе. Настало время решительных действий.

- А как же Лизетта? - спросил Гастон, испытывающе глядя на родителя.

- Ее судьба решится без нашего участия. Иначе девчонка тебя погубит.

- Станет причиной моей гибели? - усмехнулся Гастон. - Вообще-то я - виновник Лизеттиных бед. Не предложи я Себастьяну Винзуру похитить богатую наследницу, она бы и сейчас жила в красном замке.

Габриэль-старший похлопал сына по плечу.

- Не вини себя. Нам пора в дорогу. Принцесса Ромина - необходимая жертва.

- Та самая принцесса, которая приходится дочерью твоему лучшему другу и внучкой человеку, выкупившего тебя из рабства? - спросил Гастон ядовито. - Так ты отплатишь этой семье за спасение?

Габриэль-старший застонал. Слова сына задели за живое.

- Гейб!

Но Гастон не унимался.

- Ты мечтаешь освободить Эндорию от узурпатора. Но чем ты лучше него? Человек, легко приносящий в жертву невинную жизнь - никакой не освободитель.

- Ты когда-нибудь слышал об общем благе? - вмешалась в разговор Дина. - Даже если бы Ромина была столь невинна, как ты считаешь, нам нельзя подвергать себя риску из-за нее.

- Но...

- Нам пора, - отрезал отец, а Дина пригрозила:

- Начнешь сопротивляться, заставлю подчиниться магией, Габриэль. Эта девчонка разрушила нашу семью. Я не позволю ей наворотить новых бед.

У Гастона едва дым из ушей не повалил. Разрушила семью?! Серьезно?! Лизетта ни в чем не виновата. Это на нее с рожденья сыплются беды за чужие грехи. Нет, он не пойдет отвоевывать трон с этими двумя бессердечными безумцами. По крайней мере, по собственной воле. Хочет Дина, пусть тащит на магическом аркане.

- Можешь делать, что посчитаешь нужн.... - начал он, обращаясь к сестре, но в тот же миг случилось странное.

- Получите! - крикнул детский голос, и в амбар влетел белый шарик, похожий на пирожное в глазури.

Мгновение, и уши заложило от грохота. Помещение заполнил едкий дым, собственных ладоней не разглядишь. Глаза заслезились, к горлу подступил кашель. Гастон пытался вспомнить, где выход, двинулся на ощупь, но, кажется, пошел в другую сторону.

- За мной, - шепнул кто-то, в руку пониже локтя вцепились детские пальцы.

Гастону почудилось, что это голос Огонька, но он предпочел не дивиться и не раздумывать, а идти следом. Потом разберется.

Наконец, скрипнула дверь, и Гастон с облегчением увидел заросший бурьяном пустырь. Попытался, было, повалиться на колени, дабы отдышаться, но не дали.

- Торопись, в городе Дина сильнее меня.

Он повернулся и обнаружил рядом сына Аврелия и... лесную девчонку. Ту, что таинственным образом исчезла в неизвестном направлении, не попрощавшись.

- Идем, Гастон. Надо Лизетту спасать. Пока не поздно.

- Идём, - согласился он. Будет время послушать историю Огонька. - Лизетта у начальника темницы Бордана. Я знаю, где он живет.

- Нет-нет, - воспротивилась девчонка на бегу. - Лизетта не у него. А в серебряном дворце. У черного принца.

Гастон ошалело посмотрел на маленькую спутница. Как? Уже?

Допустим, он придумал бы способ выкрасть жену у Бордана. Но как прикажете прикинуть в императорский дворец - самое охраняемое место в столице?

- Не паникуй. Я кто, по-твоему? Дитя беспомощное или колдунья? - сердито поинтересовалась Огонёк и припустилась дальше через заросли...

Лизетта скребла пол клетки в подвале. Понимала, что это бесполезно, но всё равно скребла. Лучше так, чем покорно сидеть и ждать расправы или... надругательства. Глупо думать, что черный принц

не польститися на красивую беспомощную девицу. Оборотень и в человеческом облике – экзотика. А Валериан любит всё необычное. Хотелось расплакаться от безысходности, но не получалось. Волки не умеют лить слёзы. Это привилегия людей.

Когда объявился «хозяин», она, по-прежнему, оставалась зверем, но чувствовала себя обессиленной и измученной. Лишь посмотрела яростно. И зубы показала.

- Ну-ну, волчица, можешь продемонстрировать характер, сколько хочешь. Я всё равно заставлю тебя подчиниться. Как сделал это со всеми в моей «коллекции».

Шерсть на загривке непроизвольно встала дыбом.

Дожили! Лизетта-экспонат! Тьфу!

- А ты, правда, хороша, волчица, - продолжал принц Валериан, прохаживаясь вдоль клетки. - Отличное приобретение. Я буду звать тебя Лионелой.

Лизетта зарычала.

- Не нравится? - засмеялся принц, будто верил, что зверь его понимает. - Ничего. Ты смиришься и, в конце концов, начнешь откликаться. А потом...

В дверь постучали, и Валериан скривился.

- Что еще? - спросил недовольно.

- Ваше Высочество, не извольте гневаться, - внутрь просунулась седая голова.

- Говори.

- Батюшка ваш... того... опять учудил. Няньки с ним не справляются.

- Пусть лекарством дополнительно напоят! Без меня додуматься до этого не в состоянии?

- Дык он того... ловушку устроил. Под дверь тарелку пустую положил. Лекарь в нее встал и с перепуга склянку с лекарством того... ну, то самое. А новая порция только к утру готова будет. А у вас вечером это... ну мероприятие...

Принц Валериан заскрежетал зубами.

- Отменяйте всё. Пусть объявят, что император встретится с посланниками завтра или послезавтра. Нездоровится ему в жару. Тьфу! - едва за подданным затворилась дверь, он сплюнул на пол. - Видишь, зверушка волшебная, с какими идиотами приходится иметь дело. Все кругом идиоты. Во главе с батюшкой.

Он сплюнул повторно, пообещал вернуться вечером и ушел, хлопнув дверью. Лизетта тяжело вздохнула и легла, положив морду на лапы. Наверное, стоило обдумать новые сведения – об императоре, у которого имеются няньки, но мысли в голове крутились исключительно эгоистичные. О себе любимой. Накрывали то горечь, то паника. Тогда она тихонечко скулила. Не волчица, а побитая собака, ей-богу.

...Когда до заката оставалось около часа, пожаловал еще один гость. Гостя. Нежданная.

- Ну, здравствуй, воспитанница. Допрыгалась до клетки?

- У-у-у ведьма!

Появление призрачной Клотильды притупило страх и вернуло способность разговаривать, а заодно вызвало новую волну звериной ярости. Как смеет приходиться и насмехаться?

- Нечего мне тут зубы показывать, - проговорила та сердито. - У тебя не так много времени, чтобы избежать мерзкой участи постельной игрушки негодяя. Если хочешь выбраться, закрой рот и слушай.

Лизетта оцетинилась, но промолчала.

- Я могу освободить тебя, Ромина. И расколдовать, вернув истинный облик. Но для этого ты должна кое-что сделать. Пойдешь на попятную, навсегда останешься зверем. Ступай в северную часть замка. За оранжереей есть помещение, где принц держит остальных пленников. Выпусти волка. Главное, сними с него ошейник. Поняла?

Лизетта кивнула и спросила.

- Это тот волк, что я видела в детстве?

Клотильда прищурилась.

- Всегда была любопытной, - проворчала она. - Но это не твоё дело, Ромина. Действуй.

Ведьма исчезла, и в то же мгновение щелкнули замки Лизеттиной клетки...

- Я с твоей сестрицей не заодно, сколько можно повторять! - Огонёк в сердцах ткнула Гастона, всё еще переодетого женщиной, в плечо. - Я домой вернуться хотела, а Дина меня поймала и в столицу эндорскую увезла. Мол, я помогать обязана. И вообще дома меня всё равно никто не ждет. Раз медальоны проворонила.

Они сидели в «засаде». То бишь, в подвале серебряного замка. Ждали, когда из разведки вернется Елисей. Проникнуть в логово врага труда не составило. Огонёк придумала способ. Магический, какой же еще? Троица влезла в одну из повозок, что доставляли во дворец продукты, и лесная девчонка сделала так, чтобы их двоих (лиса и так никто, кроме Гастона, не видел) не замечали. Будто это не нарушители вовсе, а два ящика яблок. Дальше пришлось действовать без магии. Огонёк не хотела ее тратить, мол, понадобится для обратной дороги. Потому Елисей и отправился изучать обитель черного принца изнутри.

- Тебе не кажется странным, что мы так легко проникли сюда? - спросил Гастон.

Медальона удачи на шее больше нет, и эта простота похожа на ловушку.

- Не кажется, - отозвалась девчонка хмуро. - Здесь не боятся незваных гостей. Все ж в городе заколдованы. В жизни не сунутся. К тому же, моя магия сильнее местной охранной.

Гастон хотел, было, укорить Огонька за бахвальство. Но пожалел девчонку. У нее тоже неприятностей по горло. Дома-то, впрямь, вряд ли ждут...

- Мне жаль, что дед заставил тебя обманывать нас с Лизеттой. Жаль, что тебе теперь нельзя домой и...

- Тссссс!

Гастон с Огоньком подпрыгнули. Прямо сидя. Лис Елисей соткался из воздуха - нарочно, чтобы увидели оба, и устроил разнос. Грозным шепотом.

- Вы не в курсе, что в засаде полагается сидеть тихо? А не болтать?

- Дык нет же никого, - попыталась оправдаться девчонка.

- Самонадеянность до добра не доводит, - попенял лис, мотнул головой, приказывая следовать за ним, и снова растворился. Для Огонька. Не для Гастона.

Девочка тяжело вздохнула, будто не верила в благополучный исход спасательной миссии, но подчинилась воле лиса.

Гастона и самого одолевали сомнения.

- Может, стоило дождаться ночи? - спросил он. - Меньше риск на кого-то наткнуться.

- Ночи? - усмехнулся Елисей. - Это время суток, когда твоя жена оборачивается девицей? Вот черный принц обрадуется. Он не такой растяпа, как вы со светлостью. Быстро найдет ей «применение».

Гастон сжал зубы до боли. Об этом он не подумал. Совсем. А стоило. На Лизетту любой польстится. Это он всё тянул, ждал чего-то, не предпринимая шагов по сближению. Дурак! Жена-то досталась красивая, умная, да еще жизнью и родителями обиженная. Чем не идеальная пара? Ну а то, что вздорная... Так Гастон сам не подарок...

- Здесь живет не так уж много народа, - добавил лис, почувствовав, что встревожил хозяина. - Странно, конечно, но слуг раз-два и обчелся. Стражников тоже - не армия. Ровно столько, сколько надобно для такого дворца. Будто эти фальшивые императоры что-то скрыть пытаются.

Гастон равнодушно кивнул. Какая разница, что за тайны у потомков министра-предателя. Ему бы Лизетту выволочь. А с остальным пусть папенька с сестричкой разбираются, коли желают трон заполучить.

Елисей оказался прав. Серебряный дворец вымер. В коридорах господствовали полумрак и тишина. Пусто, будто это не обитель императоров, а захудалый замок на отшибе, вроде того, в который герцог Винзур «сослал» отпрыска с приятелем. Хотя как раз захудалым дворец не выглядел. Даром, что называется «серебряным». Вокруг сплошное золото: статуи, рамы картин, подсвечники. Гастон бы не удивился, если б ванны и ночные горшки императора с сыночком тоже оказались из желтого металла.

Появилось странное ощущение. Ощущение собственной причастности к этому месту. Здесь рождались, жили и умирали десятки поколений предков, большинство из которых оставили след в истории. Если бы не бабушкина глупость с медальонами, он бы тоже мог появиться на свет в этом замке. Или... нет. Гастон покачал головой. Конечно, нет. Бабушка бы впоследствии переехала к мужу, и сын родился бы не здесь. Еще не факт, что это оказался бы Габриэль-старший. А о самом Гастоне вообще говорить не приходится. Так что нечего связывать себя с серебряным дворцом. Он - Гастон - хоть и потомок Пенетьеры, но потомок случайный. Из боковой ветви.

- Почти пришли, - оповестил Елисей. - Я чувствую след девчонки. Ее звериный след.

Лис остановился возле разрисованных дверей: с яркими цветами на зеленом фоне. Прислушался и кивнул Гастону, мол, открывай. Тот подчинился. Перешагнул порог и вытаращил глаза. Оранжерея?! Серьезно? Волчица с павлиньим хвостом - живность, конечно, экзотическая. Но не среди орхидей же ее держать.

- Чего застыл? - сердито осведомился Елисей. - Иди за женой. Иль на аркане тащить?

Гастон вошел и... громко чихнул. Смешанный цветочный запах одурманил не хуже крепкого вина. Голова закружилась. Почудилось, что все растения разом взлетели к потолку и затанцевали парами. Он бы непременно упал, если б Огонёк не щелкнула пальцами, применив магию.

- Порядок? - спросила она и подмигнула.

- Да. Спасибо. А ты... хорошо себя чувствуешь? Тут такой запах... Уфффф...

Туман покидал голову медленнее, чем хотелось. Мысли прояснились, но язык заплетался.

- На магов «сонник» не действует. На призрачных лисов, видно, тоже, - Огонёк прищурилась, что-то выискивая. - Ага! Вон он! Видишь мелкие сиреневые цветочки? Из-за них ты чуть того... не скопытился. Но зачем держать их тут?

- Затем, чтобы никто не выбрался, - объявил Елисей из глубины оранжереи. Голос доносился из-за кустов алых роз. - Вы чем цветочки разглядывать, спящей парочкой полюбуйтесь. Красавцы.

У Гастона аж волосы зашевелились. Какой еще парочкой? Лизеттой в объятиях черного принца?! Нет, не может быть! Ему хватило Сабины в постели герцога Себастьяна.

Реальность оказалась куда удивительнее. На траве рядом с неопознанными желтыми бутонами, впрямь, спала драгоценная женушка. В том же простом сером платье, в котором Гастон видел ее в последнюю встречу. Вот только из-под юбки выглядывала несвойственная человеку часть тела. Павлиний хвост!

Но хвост - это мелочь. Рядом с Лизеттой посапывал громадный волк. Ее рука покоилась на меховом боку, а в щеку утыкался звериный нос.

- Лизетта! - Гастон отодвинул жену от волка. - Просыпайся. Ну же!

- Давай я, - вперед выступила Огонёк и хлопнула в ладоши. Негромко, но этого хватило, чтобы Лизетта открыла глаза.

- Гад ползучий, - объявила она Гастону спросонья.

А потом охнула, сообразив, что муж не снится. Как и лесная девчонка, исчезнувшая несколько дней назад на подъезде к эндорской столице и нашедшаяся подле злодейки и предательницы Дины.

- Чего пришли? - спросила хмуро.

- Тебя спасать, - пояснил Гастон, борясь с желанием обнять сумасбродку крепко-крепко. Какое счастье! Живая и невредимая. И от принца не пострадала. Во всех смыслах.

- Спасать, - пробурчала она сердито. - Сначала бросаете, врагу отдаете, а потом спасателями прикидываетесь.

- Так это не мы! А Дина! - воскликнула Огонёк с толикой обиды. - А мы... мы...

- Цыц!

Из воздуха вновь соткался серебристый лис. Укоризненно посмотрел на всех троих и спросил Лизетту, кивнув на спящего волка:

- Чем демонстрировать несносный характер, лучше объясни, кто это?

Та смущенно уставилась в пол. Пальчики нервно затеребили прядь волос.

- Это... ну... это... Внук это Клотильдин. Вот...

Глава 23. Красный череп

Они ругались. До дыма из ушей. До желания оттаскать друг друга за волосы.

- Значит, Дина сказала правду! Ты общаешься с Клотильдой! У меня за спиной!

- Да кто ты такой, чтобы с тобой откровенничать?!

- Твой муж!

- Ух! – Лизетта замолотила Гастона в грудь. – Ты не муж! Ты похититель! С чего мне вообще тебе доверять? Тебе и всей твоей семейке? Сначала лезешь гладить, а потом... потом... Да если бы не твоя мать...

- А тебе не приходило в голову, что я тут тоже пострадавший?! – рассердился Гастон, увернувшись от кулачков жены. – Вيني во всем ведьму, которой помогать вознамерилась, а не меня!

Как ни странно, Елисей не вмешивался в семейную ссору, пусть и происходила она на вражеской территории и могла привлечь чужое внимание. Огонёк тоже молчала, хотя и сложила недовольно руки на груди. Оба посчитали, что супругам лучше выпустить пар, прежде чем действовать. Да и магическое чутье подсказывало, что никого опасного поблизости пока не наблюдается. Не вмешивался и волк, в смысле Клотильдин внук, но исключительно потому, что, по-прежнему, дрых.

- Я не ведьме помогаю, а себе! – Лизетта топнула и... наступила на павлиний хвост, путающийся под ногами. – Да чтоб вас всех! Черти хвостатые!

- Эгоистка! – припечатал Гастон.

В голове гудело. От гнева. А еще больше от обиды. Он из кожи вон лезет, сбежал от вновь обретенных родственников, а она... она...

- Это ты эгоист! Плевать тебе на меня. Себя спасаешь. Коли я помру, и тебе не жить!

- Ошибаешься, - прошипел Гастон мстительно. - Твоя подружка Клотильда не рассказала? Не раскрыла тайну? Обманула она нас! Смерть одного на другом никак не отразится.

У Лизетты закружилась голова от возмущения.

- Врешь!

- Жизнью клянусь!

В беспомощной ярости Лизетта вновь накинулась на мужа.

- Ты... ты... ты...

В глубине души она понимала, что Гастон не так уж виноват в ее бедах. И вызволять явился, не бросил на произвол судьбы. Но она так устала. И так злилась. А эта злость – человечья и остаточная волчья – требовала выхода.

- Угомонись, - Гастон не стал уворачиваться. Но и терпеть побои тоже. Он устал не меньше. От всего на свете. Обхватил запястья жены. Посмотрел в горящие огнем глаза и... сделал то, чего сам от себя не ожидал – поцеловал Лизетту.

Почудилось, что рядом грянул фейерверк, что в алманской столице устраивали по большим праздникам. Сердце колотилось, как безумное, а по венам разливался жар. Не тот, что бывает при физическом влечении. Другой, доселе неведомый. Хотелось сжать жену крепко-крепко и никогда не выпускать из объятий. Ту самую жену, что приложила ему рогом по мягкому месту и подпалила шевелюру огнем. Ту самую, у которой он вытаскивал репы из шерсти и запрягал в телегу по дороге в Эндорию. Безумие, но так всё и было. Такого Гастон прежде не чувствовал. Даже к Сабине. Не говоря уж об остальных девицах, с которыми доводилось коротать время.

Лизетта хотела, было, отстраниться и вклепить паразиту, укравшему первый поцелуй, пощечину, но через секунду желание буянить и драться пропало. В животе приятно ухнуло, а всё происходящее показалось естественным и закономерным. Она подалась ближе, затем прильнула к Гастону всем телом. Подумаешь, похититель. Так ведь муж законный, который терпит несносный характер. Симпатичный муж, к тому же.

- Фуууууу, - протянула Огонёк и закрыла лицо руками. – Какая гадость.

Лизетта с Гастоном отстранились друг от друга, обменялись смущенными взглядами.

- Сама ты - гадость, - бросил он девчонке весело.

- Еще какая гадость, - вторила мужу Лизетта, отворачиваясь. Щеки горели. Не то от смущения, не то отчего-то еще. Поди, разбери.

Лис деликатно кашлянул и спросил:

- Семейную ссору можно считать оконченной? Тогда давайте разбираться с волком. Или можем оставить его тут. Мы не подписывались спасать ведьмину родню.

Лизетта заволновалась, всплеснула руками.

- Нельзя бросать. Ви... то есть, Клотильда велела...

- А коли с моста в реку прыгнуть велит, тоже послушаешься? - перебил лис.

- Но Майло ни в чем не виноват. Он тоже того... жертва...

У Гастона едва волосы дыбом не встали. От ревности. Так этот волчара теперь - Майло? Тот самый Клотильдин внук, за которого матушка Лизетты чуть замуж не вышла? Он, конечно, в отцы годится, но некоторые девушки любят мужчин постарше. К тому же, этот «мужчина» в звериной шкуре разгуливает, а, значит, у них с Лизеттой много общего.

Ух! Черти оборотные!

Но он - Гастон - тоже не сдастся. Он - муж, а не пустое место. Пусть не рассчитывает мохнатый соперник на легкую «добычу»!

- С Майло что-то случилось, когда Клотильда меня прокляла, - объясняла, тем временем, Лизетта. - Ведьма сама не знает, почему так произошло. Не то это плата за дурную магию, не то рикошет из-за горя моих родителей. Но с моего рождения Майло ходит волком. И днём, и ночью. Клотильда много лет пыталась вернуть ему человеческий облик. Тщетно. Она надеется, что если расколдовать меня, то и с Майло снимется проклятье. Потому и жила рядом в облике Ви.

- Это Клотильда тебе рассказала? - спросил Гастон строго. Вся радость от поцелуя улетучилась. На смену легкости в груди пришла тяжесть.

- Нет. Майло. Он с бабушкой не общается. Ушёл много лет назад и жил в лесу. В стае. Нарочно перебрался в Эндорию. Подальше от Клотильды. Но его поймали охотники и, поняв, что он - необычный волк, продали принцу Валериану.

«Бедняжка», - мысленно съязвил Гастон, вслух не рискнул, раз Лизетта к волчаре прониклась. Не хватало еще раз с ней поругаться.

Он действительно ни капельки не жалел Клотильдино внука. Да, жизнь в звериной шкуре - не сахар. Но ведь мог остановить бабушку, помешать мстить бывшей невесте, а, главное, ее ребенку. Гастон вон не мстит герцогу за Сабину. Врезал один раз, и всё. Оно, конечно, неприятно, когда тебя бросают ради другого мужчины. Но неужто лучше жить с женой, которая тебя не любит и считает брак пыткой?

- Что ж ведьма сама не спасла внука? - спросила Огонёк, с тревогой косясь на вздымающиеся бока волка. Неудивительно. Мощный зверюга!

- На нем ошейник был особенный, - пояснила Лизетта. - Только человек способен снять. Мага он бы убил.

Девчонка хотела спросить что-то еще, но Елисей сделал нечто несвойственное лисам - подул на спящего волка. Тот дернулся и открыл глаза. Вскочил, оцетинился, но заметил Лизетту и успокоился.

- Кто они? - спросил строго.

- Мой муж, наша помощница-колдунья и... - она запнулась, не зная, как представить лиса.

Волк ответил за нее:

- Магический талисман. Но чей?

- Мой, - отрезал Гастон, давая понять, что объяснений не будет. - Хватит болтать, пора выбираться.

Никто не возразил. Продолжить разговор лучше на воле. И так много времени потеряли. Коридоры, по-прежнему, пустовали, что Гастону показалось дурным предзнаменованием. Слишком просто всё

складывалось с самого побега от Дины с отцом. Как бы удача не отвернулась, она – дама капризная. Уж лучше б кого-то встретили по пути и «вывели из строя». Не калеча всерьез, разумеется. А так... так слишком подозрительно всё.

Первым шагал видимый для всех Елисей. Замыкала шествие Огонёк. Волка пошатывало, видно, пребывание в «гостях» у черного принца здорово подкосило величественного «зверя». Лизетта шла, без конца поправляя хвост, доставляющий неудобства. Она жутко нервничала. От мысли о новой встрече с принцем Валерианом бросало в дрожь. Гастон почувствовал ее волнение и взял за руку, подозревая, что та воспротивится. Однако Лизетта и не подумала этого делать. Тепло мужниной ладони предавало уверенности.

Через три коридора Елисей вдруг остановился. Повел носом по воздуху.

- Что не так? – спросил Гастон шепотом.

- Андре здесь. Я его чувствую. И, кажется, он в беде. Они все в беде.

Тело будто ледяной водой окатили. Гастон явственно ощутил, как холод добрался до самого сердца. Они? Отец и Дина? Нет! Только не это!

Он злился на родственников, но одно дело сбежать от них, другое – потерять навсегда. Вернуться и помириться можно в любой момент, а смерть – это штука необратимая.

Елисей испытывающе посмотрел на Гастона. Мол, решай хозяин. Но что тут решать? Бросить в беде не вариант. Но как помочь, если они не справляются сами, хотя в распоряжении чародейка, магический лис и все три медальона?

- Елисей, выведи Лизетту с Майло, а мы...

- Нельзя разделяться, - объявил лис. - Слишком опасно.

- Ладно, остаемся все вместе, - распорядился Гастон. - Веди, Елисей.

Лис деловито затрусил в обратном направлении, но через коридор свернул налево – к лестнице и повел остальных вниз.

- Кто такой Андре? – шепнула Лизетта, пропустившая воссоединение семейства Милтон-Пенетьери.

- Лис моего отца. Да, я его нашел. Отца, в смысле. Ну, и лиса тоже. Не спрашивай, потом всё объясню, - взмолился он и добавил под нос: - Надеюсь.

Елисей двигался быстро. Остальные едва поспевали. Особенно тяжело приходилось волку. Но он старался не отстать. Как ни крути, а вместе безопаснее.

- У тебя хоть есть способности? – спросил его Гастон.

- В зверином обличье нет, - отозвался тот хрипло. - Болтовня не в счет.

Гастон понимающе кивнул. От него самого без медальонов толку никакого. Улепетывать умеет, сражаться нет. Ох, черти дворцовые! Вдруг он ведет всех на погибель? Может, стоило отправить их с лисом и Огоньком наружу, а самому всё разведать. Хотя Елисей бы не пошел. Сколько бы он не дерзил Андре, старый лис ему дорог. А Огонек одна не факт, что справилась бы. Ладно, как говорится, помирать, так всем вместе...

- Скорее! – приказал Елисей, нервничая. - Андре применил магию Пенетьери! Рассекретил ваше возвращение!

Лизетта споткнулась.

- Пе-пе-пе...

- Угу, - бросил Гастон на бегу. - Мы таки потомки: отец, я и Дина.

Он не смотрел на жену, не видел выражение лица. А у нее в голове неслись смерчи. С дюжину, не меньше. Принцесса и принц? И оба тайные? Вот уж, действительно, судьба...

Они миновали еще два поворота и... застыли в ужасе.

Коридор, оформленный в кремовых тонах, напоминал поле боя. Тела храбрых и вооруженных до зубов стражников разбросала неведомая сила. Кто навзничь лежал на ковре, кто оказался на стенах вместо светильников, а один, мощный, как медведь, мужик и вовсе свисал с подоконника: головой внутрь – ногами наружу. Хотя почему неведомая сила? Очень даже ведомая? Лисья! Елисей ведь

сказал, что Андре применил дар.

Зато теперь старый лис был не в состоянии защитить себя, а уж тем более, других. Он прижался к полу, будто надеялся просочиться сквозь него и спастись от неминуемой гибели. Дина – белая, как призрак, сидела у ног отца. А Габриэль-старший стоял в развевающемся монашеском балахоне и отчаянно сжимал в вытянутой руке слившиеся медальоны Пенетьери. Ему противостоял мужчина помоложе, одетый в чёрное. Он тоже кое-что держал в руке. Жезл. Со светящимся алым черепом на конце.

Гастон физически ощутил энергию, исходящую из медальонов и жезла. Два вида энергии. Они вырывались наружу и сталкивались, сражались друг с другом.

- Ох... - Елисей, как и старший собрат, припал к полу не в состоянии сдвинуться с места.

Следом рухнули Лизетта с волком. Они не потеряли сознание, вовсе нет. Но силы оставили их, утекли, словно вода сквозь пальцы. Стоять остались лишь Гастон с Огоньком. Но и их пошатывало от мощи, что шла из красного черепа. Девочка крепко зажмурилась и что-то зашептала под нос. Пальцы затанцевали в воздухе, а потом задергались, будто рвали невидимое полотно. Огонёк явно магичила. Но ничего – абсолютно НИЧЕГО – не менялось.

Гастон в ужасе посмотрел на отца. Тот боролся из последних сил. Даже мощи трех медальонов не хватало, чтобы противостоять черному принцу и его магии.

- Что мне сделать?! - крикнул он. - Как помочь?!

Габриэль-старший лишь застонал в ответ, а треклятый фальшивый принц усмехнулся.

- А вот и ты, *потерянный наследник*, - протянул он с издевкой. - Сам ко мне явился. Что ж, быстрее сгинешь. Твой отец – всего лишь старый и больной монах, но ты... Твоим появлением меня месяцами стращали придворные маги.

Каждое слово стоило принцу невероятного труда. «Схватка» с Габриэлем-старшим отнимала немало энергии, но ему точно приходилось легче противника.

- Ты всерьез рассчитывал, что сумеешь отвоевать мой трон?

- Дался мне твой трон! - бросил Гастон, понятия не имея, как поступить дальше. Не в рукопашную же сражаться, в самом деле! Да, по дороге он прихватил кочергу, что лежала рядом с камином. Но это не слишком подходящее оружие против магического жезла.

- Уходи, Гейб! - прохрипел отец. - Уведи сестру!

«А остальных оставить?», - чуть не спросил Гастон, но одернул себя. Не время ерничать.

В поисках поддержки он посмотрел на Елисея, но тот не шевелился. Не придумав ничего лучше, Гастон схватил меч ближайшего стражника, поверженного лисом Андре, и кинулся в атаку. Он успел сделать лишь пару шагов, прежде в грудь будто бревном ударили.

- Ох... - простонал Гастон, лежа на спине метрах в десяти от черного принца.

Вот это полет...

- Бегите! Скорее!

От нереально громкого крика Огонька заложило уши, но никто не сдвинулся с места. Под потолком прошла волна зеленого света, нежного, как молодая листва. Красный череп на жезле принца вспыхнул ярче и погас. Правда, не полностью. Внутри уродливого «наконечника» теплился бледно-красный уголек. Он свидетельствовал, что вражеская магия не побеждена, а временно обезврежена. Передышка будет короткой.

- Бегите же! - снова крикнула лесная девчонка и подала пример: первая припустилась по коридору, сверкая босыми пятками.

Гастон кинулся к обессиленному отцу, но в последний момент изменил направление и... врезал чёрному принцу в подбородок. Да так, что тот отлетел. Не столь далеко, как недавно сам Гастон, и всё же приземление вышло болезненным.

- Торопись! - велел Елисей хозяину.

Он увеличился в размерах, как в Алмании, когда боролся с похитителями Лизетты. Схватил зубами за загривок Андре, как лисенка, и поволок на выход. Гастон не стал больше медлить, поднял с пола отца, перекинул его руку через плечо и поспешил за остальными. Огонёк успела завернуть за угол.

Лисы и волк тоже. Дина еще не скрылась из виду, ковыляла вдалеке. Одна Лизетта топталась на месте, поджидая мужа и объявившегося тестя. Павлиний хвост так и плясал по ковру.

- Не стой! - взмолился Гастон.

- А толку? - бросила она, но всё же побежала. - Он найдет нас. Будет преследовать, пока не уничтожит. Никогда не успокоится. Теперь принц и его отец точно знают, что потомки Пенетьери существуют.

Жена говорила дело. Но Гастон не знал, как решить «проблему».

- Что ты предлагаешь? Убить обоих? Черный принц сильнее, если ты не заметила!

- Придумать способ победить его магию! Ты, правда, хочешь всю жизнь прятаться и оборачиваться, ожидая убийц?

Гастон сжал зубы. Отличная идея - победить магию. Но как? Медальоны и те не справляются. Как и волшебные лисы, и чародейка с лесной колдуньей. Куда уж простым смертным - таким, как они с Лизеттой.

Огонёк, по-прежнему, возглавляла отряд беглецов. Неслась уверенно, видно, знала, где выход, благодаря магическому чутью. Никто не противился ее предводительству. Даже самоуверенная Дина и магическое зверье. Гастон тоже доверился девчонке. В конце концов, именно она сумела ослабить магию черного принца. Однако когда они достигли первого этажа и пробежали два коридора, «ожил» лис Андре.

- Стойте! - приказал он. - Неужели, никто не чувствует? Магическая энергия так и хлещет. Та, что была у фальшивого принца. Источник где-то рядом.

- Нам с ним не справиться, - бросил Елисей, не разжимая зубов.

Но старший лис не согласился.

- Три медальона, трое потомков Пенетьери. Шанс есть. А другого не представится.

Гастон почувствовал, как напрягся отец, явно согласный с мнением талисмана, поймал многозначительный взгляд Лизетты. Жена тоже призывала к действию.

- Меня в расчет не берите, я всю магию истратила, - оповестила Огонёк. - Коли столкнемся с черепом и его хозяином, не справлюсь.

Но Габриэля-старшего это не остановило.

- Сейчас или никогда, - сказал он детям.

Дина неопределенно передернула плечами, но не возразила, а это о многом говорило.

- Черти эндорские с вами, - махнул рукой Гастон. - Андре, говори, куда идти.

Старого лиса ни капли не смущало, что он болтается в воздухе, а загривок сжимают зубы Елисея. Направление он указывал уверенно. Гастон заметил, как его талисман закатил глаза, мол, вы только гляньте на этого «предводителя». Но молодому хозяину было не до лисьего соперничества. Накрыло предчувствие, что приближается нечто неотвратимое. Катастрофа, которую невозможно отвести или исправить последствия.

- Как вы вообще оказались в серебряном дворце? - спросил Гастон отца, чтобы хоть немного отвлечься.

По большому счету, какая теперь разница. Выбраться бы...

- Хотели выяснить, какая защитная магия у императора с принцем. Чтоб в следующий раз бить прицельно, - ответил Габриэль-старший, висящий на сыне.

- Одни? Без подмоги? - укорил Гастон.

- Отчего же? Наоборот, мы воспользовались ситуацией. Проникли сюда, пока почти вся стража усмиряет мятежников. Ты разве не заметил, что во дворце пусто?

Гастон чуть не уронил отца.

- Ты устроил мятеж?

- О! Это идея Аврелия! У него было снадобье, которое помогает людям прозреть. В смысле, выводит

из состояния этого... хм... зомби. Обычно наш лекарь им не пользуется. Слишком резкое действие. Люди осознают, насколько убога жизнь в столице, и проявляют агрессию. Но сегодня это нам на руку. Аврелий разбил несколько пузырьков на улицах, и толпа отправилась брать дворец штурмом. Не дошла, конечно. Все brave стражи порядка, включая дворцовую охрану, встретили их в двух кварталах отсюда. Там сейчас жарко. А мы с Диной и Андре... мы проникли сюда.

Гастону потребовалось немало усилий, чтобы сдержаться и не обвинить отца в кровавой бойне. Что за глупый план? Столько людей покалечится! Или того хуже!

- Здесь!

Андре велел остановиться у непримечательной стены. Серой, невзрачной.

- Seriously? - Гастон едва зубами не скрежетал от злости и усталости. - Мне ее ломать?

- Нет. Просто открой, - благодетельствовал лис гениальным предложением.

- Тут дверь, Гейб, - вмешался Габриэль-старший. - Я ее вижу. Из-за медальона истины. Он показывает то, что обычно скрыто от людских глаз. Смотри!

Отец протянул дрожащую руку к стене. Толкнул ее и... часть каменной кладки отделилась, отошла в сторону, открывая проход в комнату, наполненную красным свечением.

- Коли надумали действовать, торопитесь, - проговорил волк Майло, молчавший с самой оранжереи. - Враги близко. Я слышу их топот.

Гастон ничего не слышал, но поверил Майло на слово. Однако не мог заставить себя сдвинуться с места. Там - внутри красной комнаты - случится нечто ужасное. Он это точно знал. Предвидел. Как и то, что медальоны им нынче не помощники.

- Идем же, - Лизетта потянула его за руку, и это мгновенно придало решимости.

И всё же красный свет пугал. Цвет тот же, что и череп на жезле черного принца. А череп - это очень плохо. Один такой в детстве часто преследовал во сне. Не красный, обычный. Но маленькому Гастону и его хватало. Он просыпался в холодном поту. С криками. И боялся вновь закрыть глаза. Неужто, это было предупреждение?

- Черти красные...

Он их ждал. Череп...

Висел прямо в воздухе. Да не человеческий. Точнее, выглядел он, как человеческий, но превосходил по размеру раза в полтора. Едва незваные гости переступили порог, зловещий свет, что исходил от него, усилился, замигал. У волка и лисов шерсть встала дыбом, а Огонёк зашипела что-то под нос, как рассерженный зверек. А потом махнула рукой в сторону двери, будто горсть невидимую бросила. Дверь мигом встала на место, а по ее поверхности прошла зеленая волна. Видно, магия защитная. Чтоб не открыл никто, пока они тут с черепом сражаются.

- Есть идеи? - спросил Габриэль-старший Дину.

А кого спрашивать? Она же чародейка. А тут магия. Но дочь пожала плечами и сделала шаг назад, не представляя, как бороться с напастью. Гастон мысленно выругался и подошел к черепу. Нет, он не собирался сражаться голыми руками и вообще дотрагиваться до магической штуковины. Просто хотел посмотреть, что будет. Как и следовало ожидать, ничего хорошего. Череп вспыхнул пуще прежнего. Гастона обдало жаром, не хуже драконьего пламени. Почудилось, уши загорелись. Не то, что шевелюра.

- Гейб! Ты цел?! - испугался отец. - Ох, Гейб, о чем ты думал?

- Он не думал, он действовал. Как обычно, - съязвила Дина.

- Ты зато много надумала, - не сдержался Гастон.

В самом деле! Он хоть что-то делает! Пусть и идет напролом!

БУМ!

По стене-двери будто молотом ударили, но благодаря магии Огонька она выстояла.

- Попробуем победить медальонами, - Габриэль-старший стащил слившуюся семейную реликвию с шеи и подул на буквы. Мгновение, и вместо одного медальона в ладони оказалось три. - Пусть каждый берет свой. Нет, Гейб, не удачи. Власти, - остановил он сына, потянувшегося к тому, что

носил несколько недель. - Он принадлежит Дине.

Последние потомки императорского клана встали вокруг черепа. На равном расстоянии друг от друга. Вытянули, по распоряжению отца, правые руки с зажатými в кулаках медальонами. Гастон чувствовал себя глупо. Какой от этого стояния толк? Надо что-то делать. Может, заклинание почитать? Ведьмы всегда так работают, когда магию творят.

Отец подумал о том же.

- Андре, - обратился он к лису, лежащему на полу серебристой тряпочкой. - Ты еще помнишь лисью песнь Пенетьеры?

- Конечно, господин, - тот героически попытался подняться, но слабые лапы разъехались.

На помощь вновь поспешил Елисей. Поднял старика зубами и подставил бок, мол, обопрись, я не позволю упасть.

- А ты не забыл слова песни, что я заставлял тебя заучивать в детстве? - спросил его Андре.

- Помню. Ты думаешь, песнь поможет?

- Нет. Ее недостаточно.

Ответил вовсе не Андре. А полупрозрачная старуха, что регулярно являлась Лизетте, но Гастону встретилась в истинном обличье лишь однажды - в алманской глуши, во дворе ветшающего замка Винзуров. Ведьма Клотильда стояла перед ними, грозно сведя брови.

- Бравый отряд, ничего не скажешь, - проговорила она ядовито, не обращая внимания на упорные попытки черного принца прорваться внутрь. - Ни плана, ни идей. А еще императорские потомки.

- На себя посмотри, ведьма, - не сдержался Гастон. - Испортила жизнь и невинной девчонке, и родному внуку. Не трать время на ехидство. Коли помочь пришла, помогай. Майло-то твой тут с нами застрял.

Лизетта бросила одобрительный взгляд на мужа. Так ее, старую каргу!

- А самим пораскинуть мозгами не судьба? - не смягчилась Клотильда. - В черепе этом столько магии собрано за десятилетия, что медальоны ваши - не лучше оберегов простеньких, что на ярмарках за бесценок продают. Лисья песнь - вещь полезная, но вспомогательная. Посмотрите на череп и скажите, что символизирует его цвет?

- Кровь! - выпалили в один голос Габриэль-старший и Дина.

- Агрессию! - вскричал Гастон.

- И то, и другое верно. Потому и бороться надо по обоим фронтам. Вы трое - семья, а взаимопонимания никакого. Решите всё между собой здесь и сейчас. Медальоны не смогут сражаться, пока у вас разлад. Еще понадобится жертва. Зверь.

Ба-бах! Стена снова содрогнулась. На этот раз едва устояла.

Ведьма с шумом выдохнула воздух и начертила левой рукой в воздухе незнакомый никому знак с множеством завитушек. По стене пронеслись золотистые искорки, вмиг превратившиеся в броню вроде драконьей.

- Я выиграла вам время. Действуйте.

- погоди! Что значит жертва-зверь? Один из лисов?! - попытался Габриэль-старший прояснить ситуацию.

- Сами додумайтесь. Уж точно не волк. Смерть Майло вам никак не поможет.

Сказала и исчезла, не потрудившись дать дополнительные подсказки.

Гастон в ужасе посмотрел на отца.

- Нельзя трогать лисов!

- Конечно, нельзя, - согласился тот. - Андре и Елисей связаны с нами. Умрет лис, умрет и хозяин. Это чистое самоубийство.

Гастон скривился. Он вовсе не собственную сохранность имел в виду. Но какой смысл об этом теперь говорить. Хотя... Гастон чуть по лбу себя не хлопнул. Смысл-то как раз есть.

- Я начну, - объявил он, крепче сжимая в кулаке медальон власти. - Борьбу с семейным разладом.

Но слова не шли. Точнее, шли. Не те, что надо. Гастон отчаянно придумывал, как бы сказать помягче всё то, что накипело.

- Вы мне не нравитесь, - наконец, выдал он. Получилось совсем не мягко. Ну и пусть! - Ты водила меня за нос с первой встречи, обернулась матерью, заставила думать о ней невесть что, - упрекнул Гастон сестру. - Могла сразу во всем признаться. Вместе бы решили, как действовать дальше. По-семейному. А ты, - он повернулся к отцу, - слишком легко распоряжаешься чужими судьбами. Будто не люди, а пешки. Прямо сейчас идет сражение простых горожан со стражей. Видно, я не гожусь в правители, коли так рассуждаю. Но ты тоже. Подданные - не пушечное мясо. И всё же... Всё же мы - семья. Я очень хочу узнать вас обоих поближе.

Красный свет от черепа слепил глаза, и Гастон не мог точно сказать, как отреагировали на его слова отец с сестрой. Ждал их очереди с волнением.

- Я от тебя тоже не в восторге, Габриэль, - оповестила Дина. - Я так долго искала старшего брата, а нашла слабовольного мальчишку на побегушках у герцогского сыночка-увальня. Потому и не открылась, наблюдала издалека, помогала в дороге. Помнишь нищенку на постоялом дворе? Торговку, что к чародейке Каре отправила? А мужчину, что тебе о лисах рассказывал? Это всё я. С наложенной иллюзией. Я следовала за тобой, брат, и постепенно поняла, что в тебе есть потенциал. Предстоит много работы, но ты способен стать кем-то выдающимся.

У Гастона в ушах загудело от негодования. Мало того, что следила, так еще и другими людьми прикидывалась! Но он заставил злость раствориться. Призналась сестрица в обмане, уже неплохо.

- Отец, - Дина, тем временем, обратилась к Габриэлю-старшему, и голос дрогнул от обиды. - Я никогда не прощу тебе одиночества. Мне всё равно, какими причинами ты руководствовался. Факт остается фактов. Я росла и без матери, и без отца. Но брат прав, мы семья. И должны постараться стать ею по-настоящему.

Отец заговорил не сразу. Переваривал слова детей. Хотя стена ходила ходуном. Единственное, что сдерживало чёрного принца - «броня» Клотильды. Гастон напрягся в ожидании и вдруг осознал, что в комнате появился еще один звук. Та самая лисья «песнь». Серебристые звери издавали нечто похожее на вой, только не пронзительный, как волчий, а хриплый, надрывный. От такого полагалось холодеть всему внутри, но по телу Гастона разлилось приятное тепло. «Песнь» была своей, родной.

- Что ж, раз пришло время откровений, - начал Габриэль-старший и тяжело вздохнул. - Вы тоже не такие, как я представлял. Но кроме себя винить некого. Я бы хотел хоть что-то исправить и стать вам отцом, но, боюсь, моё время вышло.

В подтверждение его слов за стеной гроыхнуло, будто десяток пушек выстрелили разом. Но преграда чудом удержалась. В последний раз, не иначе. Зато и с треклятым черепом что-то случилось. Не из-за попыток принца прорваться. Из-за признаний последних потомков Пенетьери. Красный цвет потускнел, чудовищный талисман принца пошел трещинами, а вокруг него вспыхнуло пламя. Лисья песнь оборвалась. Андре поднялся и, ковыляя из последних сил, отправился в огонь.

- Нет! - закричал Гастон и преградил старому зверю путь.

- Даже не думай! - вторила брату Дина и бросилась к отцу. - Ты же погибнешь! Вслед за лисом! Это самоубийство!

Габриэль-старший печально улыбнулся.

- Это необходимая жертва. Вы с Гейбом молоды и полны сил. Вы - будущее Эндории. Доведите начатое до конца.

Гастон, не придумав ничего лучше, попытался схватить лиса за хвост. Но тот растворился, не позволив себя остановить. Но в отличие от Гастона, Елисей всё равно его видел. Ринулся следом и оттащил подальше от огня. А в следующий миг комнату огласил громкий крик. Женский крик. Гастон в ужасе обернулся, ища глазами сестру с женой и Огонька. Открыл рот и так застыл. Лизетта, морщась от боли, держала в руках перо, которое только что вырвала из павлиньего хвоста.

- Помогай, - велела она мужу. - Самой неудобно. И жалко себя.

- Но... но...

- Это жертва! Я тоже зверь!

- Но...

- Не воспринимайте слова Клотильды буквально! Мы сражаемся против агрессии. И жертвоприношение будет ошибкой! К тому же, я теперь тоже часть вашей безумной семьи, значит, должна внести лепту!

Лизетта выдернула второе перо и громко выругалась. Гастон не спешил «помогать». Не верилось в успех затеи, а причинять жене боль – не его вариант. Хвост отрывать – это вам не репы из шерсти вычесывать. Зато Дина мигом сориентировалась. Подскочила и оставила Лизетту без очередного пера. А потом еще без одного, еще и еще. Та только и успевала охать и кусать губы.

- Готово! - объявила Дина, справившись с последним.

Всего перьев набралось одиннадцать. Миг, и все они - разноцветные, будто расшитые шелковыми нитями, исчезли в огне. А дальше... дальше рухнула стена, что преграждала путь черному принцу. Она сдалась под натиском темной, разрушительной магии. Но в ту же секунду подтвердилась теория Лизетты: пламя, поглотившее перья из павлиньего хвоста, погасло, а с ним рассыпался в прах и череп. Оба черепа. И тот, что обитал в комнате, и тот, что «украшал» жезл.

Увы, в самом жезле еще осталась сила. Скопилась за годы соседства со зловещим наконечником. Аккурат для последнего прицельного удара. Луч, что вырвался на волю, неся смерть, предназначался Гастону. Кому ж еще? Ведь именно его наследник эндорского престола считал главным недругом.

Но всё пошло не по плану.

Волк Майло повис на руке чёрного принца. Тот взвыл, жезл дернулся и... луч полетел в Дину.

- Не-е-е-ет! - заорал Гастон. Он стоял слишком далеко, чтобы отвести беду.

Зато хватило времени кое-кому другому...

- Нет! - закричала Дина, оставшаяся целой и невредимой. - Что ты наделал? Что же ты наделал?!

У Гастона потемнело в глазах. Почудилось, что это мать стоит тут - посреди комнаты, что из красной превратилась в обычную - серую, и причитает. Как в памятном сне. Только она не трясет за плечи мальчика, а оплакивает его отца...

- Убью! - Гастон ринулся на чёрного принца, даже не вспомнив о мече, что висел на поясе.

Он понимал, что стряслось непоправимое. Не видел печати смерти на лице Габриэля-старшего, зато отлично разглядел, как погас лис Андре. Не растворился, что не раз проделывал плут Елисей, а рассыпался, будто превратился в серебристую пыль...

Врагу крепко досталось от зубов Майло. Он сидел на полу и укачивал истерзанную руку. Словно не зловещий принц, что наводил на всех ужас, а ребенок, которому досталось в драке со сверстниками. А, может, вместе с черепами ушла и вся его хваленая сила?

- Ты труп! - Гастон повалил убийцу на спину и ударил по лицу кулаком, вложив всю накопившуюся ярость. Он только нашел отца, а этот бессердечный любитель диковинок отнял его. Одним движением!

- Сам ты труп, - чёрный принц рассмеялся. - Стражники не выпустят вас живыми из замка.

В первый миг Гастон отпрянул. Он не испугался угрозы. Смутила улыбка безумца, заигравшаяся на губах врага. А, может, дело было вовсе не в помутнении рассудка чёрного принца, а в крови, что окрасили зубы.

- Убью! - повторил Гастон и кинулся на принца с удвоенной яростью.

Он бил и бил его по лицу, пока на нём с криками не повисла Лизетта.

- Не надо! Пожалуйста, не надо! Ты не такой! Не такой, как он!

Ее слова, а еще больше пропитанный страхом голос, отрезвили Гастона. Он остановился и, тяжело дыша, поднялся на ноги. Принц остался на полу и... продолжал смеяться.

И, правда, безумец...

- Хватайте их! Вяжите! Бейте!

- УБЕЙТЕ!

На помощь фальшивому наследнику бежали стражники, готовые порвать обидчиков на кусочки.

Огонёк, истратившая все запасы силы, юркнула за волка, а Лизетта привычно спряталась за спиной Гастона. Он сам, наконец, вспомнил про меч, выхватил его из ножен, чтобы обороняться. Но что такое один меч против десятков клинков...

Хорошо хоть Дина пришла на помощь.

- Габриэль!

Она кинула брату два медальона: свой и отцовский.

Мгновение и все три слились в один, подарив Гастону мощную волну энергии. Почудилось, что сами боги, в которых он никогда не верил, поделились могуществом. Темная магия принца больше не мешала медальонам Пенетьери, и они проявили себя во всей красе. Гастон не видел себя со стороны. Зато остальные застыли, глядя, как он, покрытый серебристым сиянием, идет на противников, держа в руках слившиеся медальоны, а рядом шагает величественный лис...

Первым сложил оружие предводитель стражи. Опустил меч и преклонил колени. За ним последовали и другие brave охранники, признавая право Гастона хозяйничать и в серебряном дворце, и в Эндории. Но он едва обратил на них внимания. Просто шел. Куда? Он сам не знал. Главное, подальше от комнаты, где остался черный принц и тело отца...

Глава 24. Прыжок через костёр

Ветер нещадно трепал волосы, в лицо брызгал мелкий дождь - не сильный, но противный. Однако Гастон не замечал неудобств, как и толпа, собравшаяся на главной столичной площади. Все жаждали правосудия. Или, лучше сказать, расплаты. За годы, что они сами и их близкие провели в рабстве, даже не подозревая об этом. За потерянное время. Время, которое не вернуть и не восполнить. Ничто на свете, даже наказание виновных, не изменит того факта, что жизнь годами проходила мимо.

Гастон стоял перед толпой в белых одеждах, но не ощущал на себе взглядов, хотя за каждым его движением следили сотни глаз. Чудилось, всё это происходит не с ним, будто он наблюдатель, а не участник событий. Лишь присутствие серебристого лиса свидетельствовало, что это не сон и не мираж. Елисею не полагалось являться людям. Считалось, лисов Пенетьери способны лицезреть избранные. Но он решил нарушить многовековую традицию. Пусть жители Эндории смотрят и убеждаются, что лис реален. Как и его господин.

Шел третий день со свержения императора и черного принца, а в городе не осталось ни одного «зомби». Завод по сжиганию мусора дымил двое суток, но горела вовсе не дурманящая трава, а другая, что лекарь Аврелий для защитной настойки использовал. Вот люди и очнулись. Узнали новости о свержении узурпатора с сыночком и теперь ждали от истинного наследника перемен. Хороших перемен.

А он... он пока плохо представлял, что делать с обрушившимися обязанностями и чужими ожиданиями. Хотелось спрятаться подальше, а лучше - в Алмании, и забыть, что на свете существует соседняя страна. Но Гастон держался, подозревая, что дело не в его решимости, а в поддерживающей магии сестры. Единственное, что он решил не откладывать - это суд над свергнутым императором и принцем. Но сначала состоялись похороны отца. В новом склепе. Старый, где находили последний приют поколения клана Пенетьери, уничтожил еще министр-предатель, дабы тот не превратили в святыню.

- Выводите первого заключенного, - приказал Гастон страже, собравшись с духом.

Это было печальное зрелище - старик с детской улыбкой на губах. Он не понимал, что вокруг происходит, и куда его ведут. Просто шагал, с любопытством разглядывая толпу. Столько лиц сразу, а ему надоело сидеть взаперти. Дина с Елисеем пришли к выводу, что всё дело в магии черепа. Постепенно те, кто ею пользовались, сходили с ума. Неслучайно и черный принц показался Гастону безумцем.

- Казнить его! На эшафот! - крикнул кто-то в толпе.

Мгновенье, и «предложение» поддержали остальные. От шума заложило уши. Стража по привычке кинулась разбираться с «бунтарями» проверенными методами, то бишь, раздавая палками тумаки направо и налево, но Гастон поднял руку, и наступила тишина.

- Этот человек сотворил много зла, - проговорил он, а люди вокруг жадно ловили каждое слово. - Всё верно, он заслужил наказание. Но сейчас это немощный больной старик. Его даже собственный сын держал пленником.

Толпа недовольно заворчала. Заволновалась, что истинный наследник готов простить узурпатора и отпустить на все четыре стороны. Но поднялся лис, увеличился в размерах и щелкнул хвостом, из-под которого посыпались серебряные искры. Это мигом закрыло все рты. Тишина стала мёртвой. Нарушал ее лишь свист ветра.

- Наказание имеет смысл, когда оно приносит боль и горечь, - продолжил Гастон. - А этот человек и себя-то не осознает. Думаю, он уже наказан. Разве лишиться рассудка - не ужасная участь? Пусть он и дальше сидит взаперти под присмотром нянек. Всё равно он пленник собственного разума. Хуже, чем есть, ему уже никто не сделает. А мы не убийцы. Казнить безумца - тоже преступление.

Тишина, по-прежнему, оставалась всепоглощающей. Бесконечной. Народ переваривал слова Гастона. А потом ее разрушил выкрик:

- Ваша правда, принц Габриэль! Убивать юродивого - великий грех!

- Правда-правда! - заголосили со всех сторон.

Гастон вздохнул с облегчением и снова поднял руку, призывая дослушать.

- Настало время разобраться с тем, кто отлично понимает всё, что натворил, и даже не раскаивается. Привести второго заключенного!

Толпа «загрохотала» в разы сильнее грома, пока стража вела черного принца - растрепанного, небритого, с наглой улыбочкой на разбитых губах.

- На костер его!

- Кожу живьем содрать!

Гастон прикрыл веки и сжал зубы, борясь с соблазном пойти на поводу у толпы. Этот человек выслеживал его, желая одного - стереть с лица земли, а в итоге отнял отца, которого они с Диной даже не успели узнать. Принц Валериан заслуживал смерти, и всё же Гастон отчаянно не хотел ему уподобляться.

- Я не меньше вашего желаю, чтобы мерзавец понес наказание, - объявил он. - На его руках кровь моего отца. Но смерть... даже мучительная смерть для него будет лишь избавлением. Мы с семьей посоветовались и придумали иную расплату.

Улыбочка сползла с лица Валериана. Он быстро смекнул, что затея наследника клана Пенетъери и его родственниц покажется не лучше смерти.

- Огонёк! - позвал, тем временем, Гастон.

Бойкая лесная девчонка, спотыкаясь с непривычки в новых туфлях, поднялась по лестнице на помост, грозно посмотрела на черного принца (даром, что снизу вверх) и сдернула с шеи бусики, что Гастон купил на ярмарке. Красные шарики, похожие на ягоды, брызнули негодю под ноги и... тот скрылся в сизом дыму. Народ заохал, решив, что Валериана таки сожгли. Но дым рассеялся, и на месте принца появился кое-кто другой - чёрный лохматый пёс.

- Бусики зачарованы, отменить колдовство не получится, - объявила Огонёк в абсолютной тишине. Толпа едва смела дышать. - Я их в лесу особой магией зарядила. Так что ты навсегда собакой останешься. Обыкновенной. Не говорящей.

Пёс взвыл, закрутился на месте. Но Гастон кивнул стражникам, те накинули на него цепь и потащили прочь.

- Валериан любил держать в клетке диковинное зверье, - проговорил Гастон. - Пусть на своей шкуре узнает, каково приходится тем, кто ходит на четырех лапах. Мы решили не оставлять его в Эндории. Вечером отплывает корабль. Торговцы отправляются в заморскую страну за шелком. Там Валериана и выпустят. А дальше всё зависит от него. Сумеет стать хорошей собакой, глядишь, и хозяева заботливые найдутся. А нет, незавидна его судьба.

Толпа возликовала, одобряя план. Жестокий принц наказан, а новый повелитель не запачкался кровью. Остальное в руках самого Валериана. Точнее, в лапах.

Гастону хотелось одного: спрятаться и побыть наедине с собой. Но его никак не оставляли в покое. «Очнувшиеся» министры отчаянно желали показать преданность, каждый норовил перехватить, дабы обсудить дела.

- Ваше приказание выполнено. В темницу, на рудники и в бордели отправлены люди, дабы выяснить, кого за дело взяли, а кто ни за что страдает, - отчитался один из них - пожилой, но деятельный.

- Отлично, - кивнул Гастон. - Оповестите народ, пусть составят списки родственников, сгинувших в темнице. Нужно установить судьбу каждого. Даже если люди и мертвы давно, родне важно знать, стоит ли надеяться, иль надобно богам молиться за упокой.

- Будет сделано, Ваше высочество.

Гастон поморщился. Не нравилось ему это обращение. Ох, как не нравилось. Но после того как он, поглощенный горем, прошел в компании серебристого лиса по дворцу, а потом вышел на улицу, все вокруг не сомневались, что ему предстоит править Эндорией. Ему и никому другому. Коронацию готовили, чтобы звать «величеством». Никого не волновали желания самого Гастона.

- Ваше высочество! - по дороге к покоям подскочил еще один министр. Помоложе. - Я насчет коронации.

Будущий император закатил глаза. Вовек бы не слышать этого слова.

- Давайте повременим с этим.

- Нельзя, Ваше высочество. Никак нельзя. Вы ж хотите отменить некоторые законы. Но пока вы...

только принц, решения не будут иметь законной силы.

- Хорошо, - смирился Гастон с неизбежным. - Назначайте коронацию.

- На следующую неделю?

- Да. Но пусть всё пройдет скромно. Ни к чему тратить на это деньги из казны. Лучше устройте развлечения в городе. Прямо завтра. Пусть музыканты и певцы пройдут по улицам и приободрят народ.

- Будет исполнено в лучшем виде, Ваше высочество.

Гастон поспешил дальше - по боковым коридорам, что позволило избежать встречи с остальными министрами. Но у самой спальни его всё же перехватили.

- Принц Габриэль, нужно поговорить.

Синие, как сапфиры, глаза Дины озорно блеснули.

- Это не может подождать? - попытался отложить беседу Гастон, но прочел во взгляде сестры упрек и сдался.

- Сегодня всё хорошо прошло, - похвалила Дина. - Людям пришлось по душе твоё решение. Тебя называют справедливым. Отличное начало.

Гастон горько засмеялся.

- Решить судьбу императора и принца было самым простым. Я принимал решение, как простой человек, а не правитель. Я понятия не имею, как управлять империей. У тебя это получится гораздо лучше. Ты в себе не сомневаешься.

Настал черед Дины загрустить.

- Нет, Габриэль. Я всего лишь эгоистичная девчонка. А ты прислушиваешься к сердцу. Из тебя получится справедливый император. Мне же стоит найти свой путь. Отец пожертвовал жизнью ради меня, значит, надо вернуть долг, начать думать не только о себе. И, кажется, я придумала дело. Прежние правители жестко контролировали чародеек. Разрешали держать по одной ученице, а от остальных девочек, проявлявших способности избавлялись. Я хочу открыть школу для юных чародеек. Но, конечно, буду помогать и тебе. Магическая поддержка ни одному императору не мешала.

- Хорошая идея со школой, - похвалил Гастон сестру. - Может и Огоньку там занятие найти. К своим лесным она вернуться не может, а к здешним не хочет. Но ты не слушаешь. Какой из меня император?

- Императорами не рождаются, Габриэль, - Дина сжала его ладонь. - Ты научись.

- Как?! - вскричал он. - Мне не у кого учиться!

Сестра назидательно покачала головой.

- Так уж и не у кого? У тебя тесть - император, балда. Свяжись с ним. Спорю, он что угодно сделает, чтоб дочка в императрицах ходила.

- Он меня не выносит.

- Это было до того, как ты оказался наследником Пенетьери и сыном его лучшего друга.

Не слушая больше возражений, Дина поцеловала брата в щеку и скрылась в лабиринте дворцовых коридоров. Он постоял с минуту, размышляя над ее предложением, а потом решил, что подумает об этом позже. Сейчас не помешает отдохнуть. А еще лучше - выспаться. Ночью он обещал отправиться с Лизеттой на экскурсию по городу. Пока они держали в тайне ее особенность, потому днём жена скрывалась от посторонних глаз.

Гастон рывком открыл двери императорских покоев, мечтая о мягкой постели. Увы, желанию не суждено было сбыться. Внутри поджидали трое: лошадь, волк и... ведьма. В смысле, Клотильда собственной персоной. Причем, не призрачной персоной. А во плоти.

- Она... она... - принялась заикаться лошадь Лизетта.

- Поговорить я пришла, - перебила воспитанницу ведьма. - Мы все заинтересованы в снятии проклятия. Предлагаю помочь друг другу.

Уставший Гастон усмехнулся.

- Каким это образом, интересно? Отдав тебе медальон истины?

- Одолжив на время, - ни капли не смутилась ведьма. - Я воспользуюсь им в вашем присутствии, Ваше высочество.

Если Клотильда хотела польстить, то добилась обратного эффекта. У Гастона едва дым из ушей не повалил. Ах, теперь он высочество?!

- Ей не с руки лгать, - поспешил разрядить ситуацию Майло. - Иначе не добьется моего прощения. И возвращения в Алманию.

Позволить ведьме прикоснуться к медальону, что годами носил на груди отец, было последним, чего желал Гастон. Но Лизетта смотрела жалобно. Да и он сам понимал, что без помощи ведьмы проклятие не снять. Не вечно же жене ходить на четырех лапах. Или четырех копытах.

- Хорошо, - Гастон расстегнул цепочку и, дождавшись, пока медальоны разделятся, протянул один ведьме. - Действуй.

Та взяла его бережно, словно страшилась покалечить. Положила на правую ладонь, прикрыла левой, позволив цепочке струиться вниз. Крепко-крепко зажмурилась и зашептала что-то неразборчивое под нос. А потом внезапно замолчала, вслушиваясь в тишину. А, может, и не в тишину вовсе. Медальон, наверняка, общался с ведьмой, давал подсказки.

Наконец, она очнулась и болезненно поморщилась.

- Неприятная новость у меня, - проговорила хрипло. - Подходящий обряд существует. Проводить его нужно двум людям, что зверьем ходят. Сразу же после восхода солнца. Но только свободу получит кто-то один. Тот, кто больше достоин. Это решат боги.

Гастон сжал кулаки.

- Так, ведьма! Опять твои фокусы!

- Нет-нет, - она выставила ладони вперед. - Я бы рада помочь обоим. Но от меня тут больше ничего не зависит.

- Что за обряд? - грозно спросила Лизетта, заподозрив, что Майло повезет куда больше. Он-то ничего плохого не делал. Жил себе в лесу тихонечко. Это она синяки и шишки свите годами организовывала.

- Костер надобно развести. С травками особыми. Список я составлю. А как он разгорится хорошенько, перепрыгнете через него. Но сначала нужно брызнуть в пламя несколько капель крови ближайшего родственника. Это, своего рода, жертва. Поняли?

- Поняли, - проворчал Майло. - Кровью-то поделишься, бабка?

- Поделюсь. А тебе, девочка, надо либо родителей с сестрами приглашать, либо мужа о помощи просить. Он тоже родственник.

- Будет тебе кровь, - пообещал Гастон, а сам поежился.

Слишком двусмысленно прозвучала фраза.

- Всё готово, Ваше высочество, - объявил слуга, отвечавший за дрова, и, получив кивок от повелителя, поспешил удалиться.

Остальное Гастон сделал сам. Покрошил травки, которые раздобыл у Аврелия, вылил из пузырьков кровь Клотильды и свою, брызнул на поленья зажигательную жидкость, вроде той, которой стращал неприятелей на постоялом дворе. Клотильда, Дина с Огоньком, волк и Лизетта в образе коровы внимательно следили за его действиями. Гастон подарил жене сочувственный взгляд. Не повезло ей нынче. Корова не слишком прыгучая живность. Волку гораздо удобнее через костер сигать. С другой стороны, может в этом есть скрытый смысл? Впервые он увидел Лизетту в зверином обличье именно коровой. Вдруг та «явилась» и напоследок? А что? Хорошая мысль. Жизнеутверждающая.

И всё же... всё же...

Костер, «приправленный» травками, игриво трещал, языки пламени весело плясали, а Гастону отчего-то меньше и меньше нравилась затея. Он не мог объяснить причину. Просто накрыло дурное

предчувствие.

- Готовы? - спросила Клотильда парочку, ради которой всё затевалось.

Волк отступил в сторону.

- Дамы вперед.

- Боишься? - усмехнулась Лизетта.

- Нет. Просто уступаю. Вдруг тот, кто прыгнет первым, сразу же обернется. Ты молодая, должна же нормальной человеческой жизнью пожить.

Лизетта подарила Майло благодарный полупоклон, отошла подальше, приготовившись к разгону, а потом... потом передумала. Получалась вот такая штука: уступая ей место, волк проявлял благородство. Вдруг за это его сочтут достойнее?

- Страшно, - соврала она, хотя ни капли не боялась. Ну, обожжется малость. Что с того? Главное, с рогами и копытами навсегда распрощаться. - Давай лучше ты первый. К тому же, я хоть по ночам человек, а ты девятнадцатый год в звериной шкуре ходишь.

Волк мотнул головой.

- Нет. Ты не должна так рисковать. Прыгай.

Но Лизетта уперлась. Села по-собачьи, всем видом демонстрируя упрямство.

- Хватит препираться! - рассердилась Клотильда. - Действуйте! Майло, вперед!

Волк не посмел спорить с бабкой-ведьмой. Ощетинился, глядя на огонь, но поборол звериный страх и бросился к костру. Стремительный «галоп», мощный прыжок и... волк легко перелетел поверх пламени. Приземлился на четыре лапы и встряхнулся, опасаясь, как бы на шерсти не осталось искр. Все смотрели на волка и не заметили неладное. Лишь истошный крик оповестил, что стряслась беда.

Ведьма Клотильда каталась по земле, будто ее жгло изнутри.

- Кровь! - ужаснулся волк. - Ее кровь в костре!

- Дина! Сделай что-нибудь! - вскричал Гастон.

Как бы он ни относился к ведьме, смотреть на ее мучения не подписывался.

Сестра подбежала к ведьме, зашептала что-то под нос. К ней присоединилась Огонёк, принялась рисовать пальчиком в воздухе. Но ничего не менялось. Ведьма всё кричала и кричала от боли, и, кажется, ни что на свете не могло ей помочь. Не могло облегчить страдания.

- Костер! - взвыл волк. - Нужно потушить костер!

Гастон завертелся в поисках воды, ругая себя, что не приготовили пару ведер заранее, и застыл потрясенный. Пока сестра с лесной девчонкой пытались спасти ведьму, а волк испуганно стонал, Лизетта не сдвинулась с места. Она зачарованно взирала на огонь, готовая последовать примеру предшественника и перемахнуть через пламя.

Все слова на свете застряли в гортани. Жена готова рискнуть, видя, чем обернулся прыжок Майло для Клотильды?! Ведь там - в костре и кровь Гастона!

Неужто, права была ведьма, предсказав, что Лизетта станет причиной гибели мужа?

«Стой», - хотел крикнуть Гастон, но не сумел издать и звука.

Пятнистая корова наклонила рогатую голову, готовясь бежать и...

Сердито топнула копытом, выругалась под нос, развернулась и зашагала прочь, не обращая более внимания на то, что творилось позади.

- Да потушите же костёр! - взмолился Майло.

Дина опомнилась, щелкнула пальцами, и пламя погасло, будто и не горело никогда. Но это не только не помогло, а ускорило конец. Клотильда еще раз дернулась и затихла. В тот же миг в небе громыхнуло, и волка поглотил черный туман. Мгновение, и он рассеялся. Вместо зверя изумленным взором предстал небритый седой мужчина. Мужчина, стоявший на клочьях серой шерсти...

Ночь в серебряном дворце выдалась бурной. Слугам предстояло множество дел: собрать обломки дверей и мебели, вставить выбитые стекла, собрать осколки статуй и ваз. Вечером-то было не до того. Все попрятались, кто куда мог, дабы не оказаться на рогах у взбесившегося чудища, которому полагается быть миролюбивым и травоядным. Гастон тоже не рискнул связываться с разошедшейся женой. Решил, пусть выпустит пар. Он понимал ее чувства. Майло-то обернулся человеком. Хотя и пришлось принести в жертву родную бабу. Но то ж не специально. Он не знал, чем закончится обряд. А она - Лизетта - опять не у дел. Как была оборотнем, так и останется до конца дней.

- Лизетта. Лизетта, ты здесь?

Гастон постучался в спальню жены. Покои у них были общие, дабы не плодились слухи, но спали они в разных комнатах.

- Уходи! - слышалось из-за двери.

Жалобно, плаксиво прозвучало требование.

Наверное, стоило оставить жену наедине с собой. Но Гастон хотел убедиться, что она не поранилась, пока носилась по дворцу коровой.

- Я вхожу.

На всякий случай, он сначала просунул голову, вдруг еще какая-нибудь ваза полетит. Но ничего не случилось. Лизетта сидела к нему спиной. Плечи подрагивали от рыданий.

- Мне очень жаль... - начал он.

Но жена так громко всхлинула, что стало ясно: никакие слова на свете не облегчат ее страданий. Но молчать-то глупо.

- Мы что-нибудь придумаем. Обязательно. На свете живет сотня чародеек. Да и в лесах полно колдунов. Бросим клич. На призыв императора многие отзовутся. Наверняка, кто-то придумает способ снять Клотильдино проклятье.

Лизетта вытерла рукавом лицо и снова всхлинула. Не обернулась.

- Вот именно - ты император. Ну, вот-вот им станешь. Зачем тебе ко-ко-коро-о-о-ова! Мы ж теперь можем развестись. Необязательно жить вместе десять лет. Тебе ничегошеньки не бу-у-у-удет...

Гастон отметил мимоходом, что Лизетта права, но разводиться не хотелось. Жениться рано или поздно придется. Но на ком? На очередной искательнице красивой и богатой жизни, вроде Сабины? Теперь-то он жених завидный. А Лизетта сама императорских кровей. Да и притерлись они друг к другу. И вообще она могла пожертвовать им сегодня ради себя любимой. Но предпочла остаться оборотнем. А это дорогого стоит.

Ошиблась Клотильда. Лизетта могла стать причиной его гибели. Но сделала иной выбор.

- Зачем мне разводиться? Вот еще придумала. Мы женаты. И точка.

Лизетта, наконец, повернулась. Лицо припухло от слез, но это ее ни капли не портило.

- Но наш брак - сплошное недоразумение.

- Так было. Поначалу. Но всё изменилось. Разве нет? - не дожидаясь ответа, Гастон притянул жену к себе и поцеловал. Нежно и призывно.

Всё, что случилось потом, показалось сном - волшебным и сладким-сладким. Они, впрямь, были предназначены друг другу. Во всех смыслах сразу...

Гастон открыл глаза и не сразу сообразил, где находится. А потом замелькали воспоминания о минувшей ночи, и нахлынула нежность. Он приподнялся на локте и принялся разглядывать спящую жену, едва прикрытую простыней. Какая же у нее белая кожа. Как молоко. Или свежесвыпавший снег. Белая и нежная.

Гастон протянул руку, чтобы коснуться бархатной спины, но передумал. Иначе Лизетта проснется, а ему не хотелось прерывать сладкий сон. Он просто лежал и смотрел на нее. На каждый изгиб. На

родинку под лопаткой, шрамы на пояснице, оставшиеся там, где рос павлиний хвост. На белокурые локоны, переливающиеся в лучах утреннего солнца.

Он вздрогнул и широко открыл глаза.

Стоп!

Но ведь... ведь...

- Лизетта! - заорал Гастон во весь голос.

Она резко села на постели, завертела головой.

- Что?! На нас напали?!

- Солнце! - вскричал он. - Погляди! Солнце!

- И? По-твоему, это повод пугать меня до полусмерти?!

Он расхохотался, видя, что Лизетта ничего не поняла спросонья.

- Солнце, - повторил он, широко улыбаясь. - Солнце взошло. А ты всё еще человек...

Эпилог

Четыре месяца спустя

- Да здравствуют император Габриэль и императрица Ромина!

Подданные приветствовали повелителей на празднике рождения нового года в серебряном дворце. А громче всех хлопал почетный гость - правитель соседней страны Алмании. Он чуть не прослезился, глядя на дочку в человеческом облике при свете дня. Пусть минуло немало недель с последнего обращения, Его величество никак не мог нарадоваться победе над проклятьем. Не огорчала его даже временная непопулярность в родной стране. Народ не пришел в восторг, узнав, что император годами стыдился дочки-оборотня. Но папенька прилюдно попросил у нее прощения, и жители немного смягчились.

Супруга императора вела себя сдержаннее, хотя и не прятала довольную улыбку. А вот на лицах младших дочек безоблачного счастья не наблюдалась. Афелия и Брианна немного завидовали сестре. Мол, даже с рогами мужа-императора отхватила. Лизетта, то бишь, Ее императорское величество Ромина Пенетьери, делала вид, что не замечает кислых лиц сестер. Наслаждалась моментом. И праздником. Они с Габриэлем устроились на тронах, тем самым дав сигнал к началу представления. Первыми на середину зала выбежали танцовщицы, чтобы изобразить пургу.

- Хочу такой же наряд, - шепнула Огонёк, сидевшая у ног Ромины.

- Сошьем, - пообещала та торопливо.

Она выполняла любое желание маленькой колдуньи, зная, что девочка тоскует по лесу. С каждым днём всё меньше и меньше, ведь дел у нее было по горло: и уроки, призванные помочь научиться жить среди людей, и занятия в школе чародеек Дины, где девочка сама выступала в роли учителя. И всё же время от времени она грустила и замыкалась в себе. Габриэль уверял, что это пройдет, ведь в целом Огоньку нравится в эндорской столице, но Ромина беспокоилась и делала всё, чтобы порадовать малышку.

- Огонёк, - шепнула она. - Майло устраивает детский праздник в лесу. Пойдешь?

Та радостно закивала.

- Магию пополню! И с горки покатаюсь!

Внук ведьмы Клотильды хоть и превратился вновь в человека, предпочёл городской жизни лесную. Мол, там ему привычнее. Да и за зверьем присматривать надо, заботиться об их нуждах и от охотников защищать. Маги-то лесные только свою живность защищают - магическую, а о простой подумать некому. Уж он-то знает. Сам в волчьей шкуре много лет проходил. Звери дикие хоть и страшны бывают, но не в каждой ситуации способны за себя постоять. А он - Майло - теперь посредник между ними и людьми.

Ромина вновь поймала взгляд отца и улыбнулась в ответ. Беззаботно и искренне. Сегодня впервые за четыре месяца она чувствовала себя по-настоящему счастливой и свободной. Гора свалилась с плеч. Нет, целых две горы. Ночью неожиданно явилась ведьма Клотильда. Бывшая воспитанница встрече не обрадовалась, но она вышла познавательной и полезной.

«Дурочка ты, Ромина», - объявила Клотильда прямо. - «Всё сбылось: и проклятья нет, и муж хороший достался, и богатство с целой империей в придачу. А ты всё брови хмуришь. Ходишь недовольная. Думаешь, император твой не замечает?»

«Муж», - протянула Ромина раздраженно, не собираясь откровенничать со старой каргой, но вдруг выпалила: - «Это ты во всем виновата! Всё не по-настоящему! Габриэль остался со мной из жалости! И вообще... вообще», - она покраснела, как варенный рак. - «Если бы мы провели переую супружескую ночь вместе, проклятье еще бы тогда снялось. И всё. Он бы больше на меня и не взглянул. А я... я...»

Слёзы едва не брызнули из глаз. Да только во сне разве плачут?

«Я бы навсегда его потеряла», - закончила Ромина мысль и закусила губу.

Вот и призналась в главной печали. И кому? Треклятой ведьме! Хотя с кем еще откровенничать о наболевшем? Огонёк ребенок, а Дина не поймет...

«Дурочка ты», - повторила Клотильда. - «Ничего бы первая ночь не изменила. Ты всерьез думаешь, что проклятье помогла снять близость между вами? Нет, и еще раз нет. Дело в другом, Ромина. Габриэль влюбился. Он полюбил тебя и человеком, и коровой. А в ту ночь, наконец, признался в этом самому себе. Это и победило проклятье. Так что не в жалости тут дело. А

совсем в других чувствах».

Ведьма похлопала Ромину по плечу.

«Прекрати себя изводить. Ты любишь. И любима. Не в этом ли счастье? И вообще вредно тебе нынче переживать...»

Ведьма подмигнула и исчезла, а ее слова звучали в ушах весь день, согревая сердце.

Не жалость! Вовсе не жалость!

- Чему ты улыбаешься? - спросил Габриэль, отведя взгляд от танцовщиц.

- Хочу задать тебе один вопрос, - отозвалась Ромина заговорщицким шепотом. - Ты кого хочешь: теленка или жеребёнка?

- Э-э-э... - муж от растерянности чуть с трона не съехал.

Ромина рассмеялась.

- В смысле, мальчика или девочку?

Его лицо просветлело. На губах заиграла мальчишеская улыбка.

- Лисенка, - ответил он весело. - А лучше парочку: рыжего и серебристого...